

22 СЛОЯ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

22 Слая

Металлический колокольчик; — Торакс, Издательство «Некий Мистер Бестелесность», 2023. — 273 с.

Мы здесь не любим родителей. Кашель, ржавчину, асфальт и ночную романтику — вот что мы обожаем. Что угодно, но только не маму с папой. Они разговаривают со мной, а я перевариваю здравый смысл и жду, пока кто-то переварит меня.

Из нас недавно выскользнула человечность — в этом и основа истории. Маленькие люди хотят её найти в переулках и мусорных баках, но сами там и пропадают. А я, кажется, очень большое звено общества, но очень маленький человек.

Всё, стучат. Сейчас я выйду наружу, и меня съедят большие люди. Но только я встаю — раздаётся лучшая музыка и распускаются любимые цветы. Людоедство откладывается до следующего вечера. Выйду завтра, если, конечно, папа меня отпустит.

© 2023 by 22 Layers. All rights reserved.
©Перевод на ридас ООО Издательство «Некий Мистер Бестелесность», 2023

Права на издание получены по соглашению с 22 layers. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в Эмиронии в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ООО «Некий Мистер Бестелесность», Дамон-Тарр, Торакс, клок «Тритон», ул. Неугасаемого оркестра, 6, угол Т6Т

Глава 1. Город грустной романтики

Есть в Тораксе какая-то чарующая меланхолия, особенно после заката. Такую больше нигде не встретить, да и вряд ли хоть кто-то будет искать. Хтоника наблюдала свысока.

Как и остальные зрители, девушка сидела на парапете пятиэтажного здания и смотрела вниз. По руке стекало мороженное, ноги покачивались вперёд-назад, а собаки на улице доедали людей. Недопонимание переросло в жаркую перепалку, и ситуация полностью крутанулась по оси.

Сначала проигравшим недели на головы тканевые мешки, отчего стало немного грустно. Но тоска развеивалась, стоило только глянуть на напарницу рядом, которая сидела в обнимку с чёрной дырой. Будто они поднялись на колесе обозрения к самому верху, а потом застряли там, чтобы наблюдать за происходящим. Это романтика скрашивала обстановку, невзирая на детали.

Когда здоровяк Бриккт спустил собак, те набросились на связанных людей. И пока мольбы утихали на фоне рычания и лая, за парой домов кто-то запустил салют.словно парк развлечений, с мороженым в руках, громкими криками и щекочущим чувством внутри. Она немного приуныла от того, что в Тораксе всё работало не так, как везде. Мороженое уже растаяло, бабочки в животе были простой тошнотой, да и люди визжали из-за того, что их разрывают заживо, а не от радости. Но если закрыть глаза и поиграть с воображением, то будто в детство возвращаешься.

Хорошо хоть мешки на головах сдерживали звук. Тела извивались как опарыши, крутились, пытались защититься от зубов, но в итоге их загрызли, всех до одного. А салют пестрил красным и жёлтым. Это показалось удивительным и совершенно ненормальным событием — кому в голову пришло бы окрасить этот город в целых два цвета?

Взгляд упал на останки, затем на сидящих рядом людей и своё мороженое. Она слизала белые ручейки с руки. Интересное чувство, такая «романтика на последних секундах жизни», которая всё же остаётся романтикой, как ни крути. Будто идёшь с любимым человеком за руку и знаешь, что в конце дня, после поцелуя, ты его разрежешь, сожжёшь или удушишь. С одной стороны, грустный исход,

и становится тоскливо. Но свобода выбора в самом конце и касание его руки... В этом-то и вся паточка Торакса. К счастью или нет, но Хтоники любила сладкое до мозга костей.

* * *

После зрелища нужно было отправляться на следующее свидание. Вскоре её работа была сделана. Тогда оставалось отдыхать и смотреть, как людям разбивают головы битами. Мало кого душили, куда чаще просто забивали насмерть. С каждым часом ночь становилась глубже, с каждым ударом человеческое лицо всё сильнее менялось. Рядом стояли такие же никудышные бойцы, как и она, и тёмное пятнышко — человек по имени Дарко.

А другая часть группы, та, что любила подраться, не жалела сил. Люди звали на помощь, и это придавало драйва. Некоторые из Хтоники¹ начинали выть как волки, настолько их восхищало происходящее. Никто не вмешивался, а результат был всегда очевидным. Но даже когда работа заканчивалась, азарт и злоба никуда не пропадали.

— Нам нужно бы уходить.

— Нужно бы, — испачканная в крови рыжеволосая девушка едва держала сигарету в дрожащих руках. Она упёрлась спиной на стену, съехала вниз и захихикала.

— Желательно уже.

— Венди, — та затаилась. — Закрой свой поганый рот. Уйдём. Дай прийти в себя.

— Тут недалеко «Цикл»². Тринадцать человек.

Девушка не ответила, только высокомерно фыркнула. Человек, продавший себя чёрному цвету, подошел к ней и аккуратно забрал сигарету. Он на ощупь нашёл одно из тел, положил окурочек ему в рот и едва коснулся щёк грубиянки. Та перестала улыбаться, а тело Венди покрылось гусиной кожей.

— Нерра, мы уходим. На сегодня всё. Идите и отсыпайтесь.

Казалось, эта его мягкость вот-вот самовоспламенится, станет жестокостью, и он всадит в неё нож по самую рукоять. Но эти пальцы всегда обходились нежно, словно прикасался святой человек.

¹ Хтоники — одно из звеньев. Звеньями в Тораксе называют группировки, занимающиеся теневой деятельностью.

² Цикл — главная антикриминальная негосударственная община Торакса. В большинстве своём это добровольцы, желающие побороть высокий уровень преступности и вывести город из стагнации.

Начинался дождь. Дарко направился вдоль узкой улицы, подальше от мест, где ходили люди. Остальные разбрелись кто куда. Только Венди с Неррой замешкались. Первая неодобрительно смотрела на напарницу, которая не спешила, а лишь достала новую сигарету.

— Какая же ты, конечно, шваль, — слова, брошенные через смехок, были наполнены желчью.

Венди переступила через мёртвого человека и пошла в своём направлении. Ждать и уговаривать Нерру было бессмысленно. Главное — самой не сорваться. Венди много раз представляла, как отрезает этому человеку язык, как ту живьём разрывают собаки и уродуют ударами холодного металла. Пожалуй, единственный человек, на мучения которого она бы смотрела с восторгом.

Но главное, чтобы мысли остались лишь мыслями. Важно не соскользнуть рассудком с края и не стать похожей на Нерру. И сейчас, несмотря на всю мешанину ненависти и злобы внутри, падающие с неба капли каким-то образом помогали совладать с собой.

* * *

Венди давно уже заучила каждый уродливый камушек на пути домой. В редкие моменты, когда лил дождь, за спиной отрастали водяные крылья: что-то расцветало внутри и жило ровно до того момента, как она поворачивала дверную ручку.

Всегда, когда открывалась дверь домой, в нос бил запах йода. Дым от благовоний выветривался, а вот йод — наоборот. Он давно пропитал обои, и, чтобы искоренить его, оставалось лишь сжечь дом. Ароматный дым перебивал неприятную вонь, но только на несколько часов.

— Вставай. Лекарство.

Отец покрутился в кровати, немного поохал и едва нашёл силы подняться.

— Как твой вечер? Попала под дождь, да?

— Хорошо. Он нехолодный, всё нормально.

— Много людей на выступлении было?

— Целый зал. Всех удивили.

— Главное — не зазнаваться, когда тебе рукоплещут. И не сдаваться, когда аудитория молчит.

— Я знаю. Запей. Я пока разогрею тебе еду.

Никто не спешил делиться словами. Слабые пальцы коснулись блюдца.

— Когда ты планируешь сыграть для меня? Я бы очень хотел.

— Не знаю.

— Мне это интересно. Просто...

— Я сама очень хочу, но нам нельзя выносить инструменты. Меня оштрафуют. Понимаешь?

Он проглотил еду так же, как этот дом когда-то проглотил его самого. Но даже сам дом был только зёрнышком в желудке помойных улиц, а те, лишь капиллярами чего-то ещё более грязного и непостижимого.

— Я понимаю. Посплю немного. Плохо.

Он нащупал руку дочери и положил свою поверх. Посмотрел и улыбнулся, надеясь на ответ. Венди смотрела на лицо перед ней и видела всё то же. Вязкая и немощная жижа, принявшая форму человека. В запавших глазах вот уже сколько дней читалась безнадёжность. Иногда это выливалось в антипатию, которая, как и дешёвые духи, выветривалась уже к утру. И даже так, сейчас колола жалость, поэтому она улыбнулась через силу.

— Поспи, конечно. Набирайся сил.

— Сейчас выплюсь как младенец и станет лучше.

Он говорил так каждый раз и действительно засыпал через пару минут. Разобравшись с бытовой суетой, Венди залезала на широкий подоконник. Он находился высоко над полом — приходилось становиться на стул. Это было единственное место в доме, где девушка чувствовала себя относительно спокойно. В этой маленькой конуре всё тянулось так же медленно, но пропадало чувство, что стопы прикасаются к асфальту.

Сил совсем не было. Она глянула на ловца снов, и маленький импульс внутри всё никак не мог стать больше. Хотелось пойти за ним, но телу срочно нужен был отдых. Не сегодня. Ноги упёрлись в откос подоконника, подушка оказалась под головой, и Венди уснула в сидячем положении.

Проснуться пришлось из-за чувства, будто тараканы бегают по телу. Она открыла глаза и прислушалась. Звук, словно кто-то приоткрыл очень скрипучую дверь и дёргает то туда, то обратно. Жик-

жик... Молчание. Жик... Пришлось слезть с подоконника и подойти. Так просто не разбудить.

— Проснись. Просыпайся, давай, — она аккуратно трясла за плечо.

— А? Кха?

— Ты снова скрипишь зубами.

— Я?

— Да. Где твоя капа?

— Капа?

Венди устало выдохнула. побыстрее бы всё закончить. Она включила свет и принялась искать маленькое приспособление. То закатилось в наволочку от подушки.

— Надевай.

Мужчина провозился с вещицей, и только потом можно было выключить свет. Венди забралась обратно, подумала о чём-то совершенно незначительном и снова уснула.

Через три часа браслет на руке завибрировал так сильно, что, даже потеряй сознание, и он тебя разбудит. Каждый раз от всей этой внезапности приходилось просыпаться в полнейшем испуге. Ощущение тревоги не удавалось побороть так же быстро, как выключить браслет. После сна не покидало ощущение, что шприцом из тела вытянули всю энергию, которую только можно было забрать. Приходилось сидеть и по пять-десять минут смотреть в одну точку. Уже потом, насыщаясь воздухом ещё спящих улиц, сознание прояснялось. Нужно было оказаться на месте как можно скорее.

* * *

Гостья пряталась от дождя под широкой шляпкой фонаря и наспех что-то записывала в блокноте. В новинку ей был и чахлый свет от ламп, и разваленные одноэтажные дома, из-под темноты которых иногда доносился кашель. Давно надоевшие всем узкие проходы между зданиями, распиленные у основания заборы, усеянные разбитым стеклом дороги, разбросанные по улицам гвозди с листовками, подолгу невымытые дети, их издавна хворые матери и пропащие отцы — всё это было доселе невиданным и должно было оказаться на бумаге.

Девушка не мешкала и знала, о чём хочет рассказать, но не написала и двух страниц, как услышала хлюпанье неподалёку. Кто-то будто прыгал с лужи на лужу, избегая сухих участков. Гостья посмотрела за угол, но с середины узкого перекрёстка никого не было видно. Только когда звук стал ещё ближе, та сообразила поднять голову и посмотреть выше. По крышам низеньких домов бежала девушка, перепрыгивая с одного строения на другое. На домишки, что были явно повыше, она забраться не пыталась, наоборот, с каждой секундой становилась всё ближе к земле. Рассмотреть было нельзя, но казалось, что над домами образовались целые водоёмы, ведь куда ни ступи ногой — хлюпанье.

Шустрая тень приблизилась и пробежала по крышам у самого перекрёстка. Стоило ей только спрыгнуть и завидеть незнакомого человека, как на лице появилось полнейшее замешательство.

— Вот дьявол, что ты тут ночью шастаешь?

Сразу же озадачил тон, с которым незнакомка это произнесла. В нём читались и претензия, и возмущение, но точно не любознательность.

— Прости? — переспросила гостья незнакомку.

Та подошла чуть ближе, показывая пустые ладони.

— Послушай, тебя не должно тут быть. Ну вот совсем. Тебе бы поскорее уйти.

Взыграли интерес и какое-то банальное желание не принимать каждую фразу за чистую монету. Она не любила, когда не по существу.

— Почему? На карте это безопасная зона.

Собеседница прикрыла глаза и заслонила ладонями нижнюю часть лица. Она тяжело вздохнула, убрала руки и помотала головой.

— Ты по этой дороге пришла? — Венди показала на крутой склон и в ответ получила кивок. — Тогда вернись обратно этим же путём. И никогда не приходи сюда в тёмное время суток. Никогда. Это не угроза и не прочая лабудень. Просто совет, как не вляпаться.

Она махнула рукой и тут же рванула с места. Девушка направлялась всё туда же, но бежала уже не по крышам, а по тоненьким улочкам. Даже с места их встречи было видно, что дальше по пути какая-то крупная площадь, более широкие кварталы и улицы чуть попрестижнее этих.

Гостья ещё раз глянула на карту — всё точно, синий клок³. Он должен быть совершенно безопасным, как и семь других. Остался какой-то странный осадок — не плохой, но и не хороший. Скорее

³ Клок — территориальная единица Торакса, аналог района. Весь город поделён на 17 клоков.

всего, просто колкое чувство недосказанности. Когда что-то непонятно, человек вежливо задаёт вопрос, и ему вежливо отвечают — вот так это должно работать. Поэтому озадачивали разного рода обрывистые фразы, вероятно, не соответствующие действительности. Внутри разыграл какой-то принцип: мол, если человек, тем более незнакомый, не умеет объяснять доходчиво, то заржавевшая монета — вот цена за слова таких умников.

С другой стороны, ступор незнакомки не казался поддельным. Настолько искреннее удивление от их встречи, что и речи о наигранности быть не могло. Что-то подсказывало, что стоит продолжить записи завтра. Гостья спрятала вещи в рюкзак, повернулась назад и быстрым шагом направилась в сторону крутого склона.

* * *

Часто Хтоника должна была действовать очень быстро. За ночь могли появиться срочные свидания, когда счёт шел на часы, а иногда и на минуты. Это стало именно таким — два человека, которые к утру уже могли покинуть город.

Информатор всё объяснял по пути. Венди его не слышала — её работа была совершенно в другом. Понадобилось семнадцать минут, и её часть была выполнена. Но только на время.

Меньше чем через четверть часа в глухом переулке били человека. Он уже отдал всё, что должен был отдать. Но били его то ли за то, с каким нежеланием он сдался, то ли потому, что у него было некрасивое лицо. Били те, кто отвечал за этот вид искусства — нанесение сжатого кулака на тонкий кожаный холст. К ним присоединились ещё несколько человек — их удары были не такими болезненными, но лишняя подошва на голове нагоняла ещё больше страха. А Венди, человек, показывающий дорогу, сидела в паре шагов от происходящего и делала вид, что никто не кричит. Так же поступали и другие, кто не хотел выплёскивать агрессию.

— Я очень голодная. Дарко, после будет кутёж?

— После чего, Нерра? Впереди ещё одно свидание.

— После последнего свидания. Устроим кутёж?

— Нет. Кутёж потом. У наших заказчиков сейчас проблемы, нужно помогать. Непокойные времена.

— Да, — подтвердил информатор и показал пальцем на жертву. — Вот это — не единственная ласточка, вылетевшая из гнезда без спроса. Такие, как он, начали докучать «Древоточцам»⁴ очень и очень, весьма и весьма. Грызут по полной. Там целый ряд таких людей, от которых сплошные проблемы.

— «Цикл» что ли? — предположила Нерра.

— Они-они. Кто ж ещё?

— Что будем делать?

— Выручать. Скоро птички нашепчут ещё больше подробностей. Нужных, важных. Тогда поиграем.

Здоровяк Бриккт снял с мертвеца куртку и издал довольный смешок.

— Что он там? — обернулся Дарко. — Кончились силы кричать?

— Кончились, — кивнул бугай, вытирая майкой кровь с кулака.

— Славно. Тогда на следующее свидание. Рэйш Кантамартиса, прошу.

Информатор протянул Венди фотографию человека. Девушка запомнила лицо и закрыла глаза.

Минута. И Венди явился образ человека.

Третья. Нити из её пальцев потянулись далеко-далеко, просачиваясь сквозь здания и проходя сквозь серых людей.

— Мы прямо в квартиру будем заходить?

— Прямо в неё.

Члены звена молчали. Пока Венди сидела с закрытыми глазами, Дарко запрокинул голову. Он влюблённым взглядом смотрел на электростолбы, которые через несколько часов осветит солнце.

Двенадцатая минута, и дорога к цели была прямо перед глазами.

— Вижу. Вижу дорогу. И конец. Он спит у себя дома. А на двери нарисована косая единица.

Лидер не ответил, пока взгляд не отлип от электростолбов. Настолько спокойный взгляд, что можно позавидовать. Он хрустнул пальцами и нащупал под ногами визитную карточку Хтоники. Никак не мог заставить себя смотреть на что-то другое помимо металлической биты. Пока другие звенья резали и стреляли в своих недругов, это вбивало их в асфальт. Слой крови на огромном сером покрывале под ногами — всё равно что песчинка. Никто и не заметит.

— Хорошо, что спит. Тогда пойдём и разбудим его. Веди.

⁴ Древоточцы — концерн, провозгласивший себя главой государства. Не имеет однозначной поддержки как со стороны других стран, так и со стороны жителей Торакса.

* * *

Когда randevу кончилось, наступило полноценное утро. Хтонике любое время было привычным, Венди — нет. Хоть было не по пути, она зашла в трамвайчик и села на заднее место. Чувствовала, что приближается. Всё приятно плыло. Голова оперлась на стекло, а тело расслабилось. Заснуть удалось очень быстро.

Проснуться — тоже. Трамвайщик потряс её и попросил выйти перед депо. Попросил, заметила она, вежливо — нечастое явление. Пришлось чуть подождать, чтобы поехать в другую сторону города. Пока ждала, Венди купила мясной рулет на палочке — хотелось хоть иногда себя побаловать. Мяса было не больше, чем в пачке макарон. Это можно было назвать чем угодно, но не мясом. Она завернула мерзкую закуску в пакет и зашла в трамвайчик. На обратном пути спать уже не хотелось.

За ней увязались, только она завернула в переулок. Венди пыталась делать вид, что не замечает, даже ускорила шаг. Но преследователь и не думал отставать, потому следовал прямо по пятам. Он не пытался прятаться и уж точно не был напуган. Девушка за угол — он за угол. Тогда она не выдержала и развернулась.

— Ладно, что тебе нужно?

— Тяф!

— Иди к своей маме или кто там у тебя. Давай-давай.

Венди тут же сообразила, в чём дело, и щенок проскулил, будто подтверждая все её догадки.

— Это дрянь, — она вынула закуску из кармана. — Это, что, по-твоему вкусно пахнет?

Венди понюхала и улыбнулась.

— Ну, пахнет лучше, чем на вкус, поверь мне.

Они уставились друг на друга. Из-за щенячьего пушка животное напоминало одуванчик, и от этого глупого сравнения стало смешно.

— Какой нелепый. Тебя ветром не унесёт?

Собака коснулась носом асфальта и посмотрела исподлобья. Только заскулить ещё не хватало.

— Ладно, попрошайка. Подожди.

Девушка положила рулет, чтобы щенку было чем заняться, аккуратно отошла назад и рванула так, будто Хтонику вызвала на новое свидание. Нельзя было тратить деньги попусту. Каждая монетка — шаг вперёд, а её трата — назад. Но в этот раз Венди перешагнула через правило и вернулась не с пустыми руками. Одно исключение на тысячу правил — так ведь тоже бывает.

В пакете было немного мяса, немного яблок, но больше всего было очищенной моркови. Собаки могут есть морковку — один из тех фактов, которые когда-то попались на глаза и отложились в голове по сей день. Щенок был на месте. Венди разорвала пакет и положила еду сверху. Собака даже не обнюхивала, а сразу принялась махать хвостом и есть.

Через час она вернулась в царство, где пахло йодом. Отец всё ещё не проснулся. Он спал крепко, но даже так Венди старалась не шуметь. В квартире всегда было тихо, поэтому шаги, шарканье и различный шелест казались единственными кратковременными признаками жизни. День был промежутком, о котором даже рассказывать было нечего. Он тянулся в медленном темпе, будто слизень. Недолгие разговоры с отцом, лекарства, готовка еды. Лампочки в их комнате почти никогда не включались. Мозги совсем не работали, потому альтернатив было не так много.

Вечером всё менялось. Венди устроилась на подоконнике и принялась перечитывать свою любимую книгу, в которой говорилось о снах и тех, кто их создал. Тут важно было читать вдумчиво и обращать внимание на каждое слово. Она пыталась разгадать секрет. Не тот, как создать свой сон, а как же эти сны соединяются. Приходилось вчитываться в абзацы — в одном из них точно прятался самый главный ответ. И человек, который находит дороги, просто обязан был найти и его.

Ладонь уже по привычке нырнула в небольшую щель под окном — там руке было прохладнее. Там проходили водопроводные краны, с которыми иногда приходилось возиться. Лёгкая прохлада — это так, приятная мелочь.

Отец что-то прокряхтел. Венди вслушалась. Он спал. Спал и даже не скрипел зубами.

Взгляд прилип к проводнику перед ней. Ловец снов висел прямо напротив. Он-то и должен быть соединяющим элементом, но даже перечитать всю книгу было легче, чем не оплошать на практике. Изодня в день она пыталась достучаться до сна родного человека, но не получалось. Иногда даже пыталась оказаться в сновидениях отца, но к нему, кажется, не приходили образы и картинки. Своего места у него не было, кроме этой квартиры. У Венди было так же, но родным местом был островок во сне.

Когда начинало клонить в сон, время теории оставалось позади. Пора было переходить к практике.

Ароматные палочки, что целый день лежали без дела, снова начали медленно тлеть, окутывая всё пахучим туманом. Для человека, который ищет дороги даже во сне, это важный вспомогательный элемент. Девушка засыпала сидя, всматриваясь в узоры ловца снов. Почти никогда сон не был для неё хаосом, что уносил сознание в неизвестном направлении. Она постепенно закрывала глаза, не меняя положения и не улетая слишком далеко.

Тогда на чёрном фоне появлялись самые яркие цвета. Это были направления, и их было много. Мосты, дороги, плиты, нити, даже потоки ветра — всё это куда-то приводило, но приходилось выбрать что-то одно. Каждый сон для Венди становился одним неповторимым результатом, и каждый раз она ждала, когда же наступит следующий вечер. Чтобы в этот раз точно найти, чтобы больше никаких неудач. Но каждое утро после поисков начиналось одинаково, будто надежду в ней насмерть забивали кувалдой.

В этот раз Венди снова пыталась навестить важного человека. Опять провал. После пары часов неудачных попыток мысли оказались в любимом месте. Каждый раз, как воздушные ноги наступали на поверхность, она могла оттолкнуться, чтобы пролететь на сотни шагов вперёд. Более того, поверхность могла появиться под ногами в любой момент, стоило лишь захотеть. Верх мог стать низом, чтобы все появившиеся табуны и стаи рванули к центру мира.

Венди предпочитала белое пространство, где желаемые вещи появлялись и пропадали, но не были статичными. Никаких постоянных облаков, водопадов, гор или чего-то масштабного. Её куда больше привлекали божьи коровки, которые прыгают на листьях папоротника, как на батуте. Чернозём снизу и тускло-жёлтое небо над ним держали этот мир с обеих сторон, чтобы он не раскололся. Как только позади неё прозвучал голос, сердце чуть пополам не треснуло от неожиданности. Венди дёрнулась, быстро развернулась и одновременно отпрянула назад. Весь придуманный мир очень быстро исчез.

— Шутишь? Дьявол, ты что, шутишь? Как тебя сюда могло закинуть?

Собеседница не нашла что сказать. Девушка была повыше, с чуть более ярким каштановым цветом глаз и волос, чем у самой Венди. Волевая — это слово очень хорошо описывало незнакомку, но помимо него, ничего другого в голову не пришло. Она осматривалась по сторонам, выглядела растерянной, даже удивлённой, но не испуганной.

— О, мы с тобой виделись сегодня ночью, — спокойно напомнила она. — Буквально недавно. Ты помнишь?

— Конечно помню. Дьявол, ещё бы не помнить.

— А куда делась... вся эта картинка позади тебя?

— Это же я, получается, впервые встретилась с человеком в серпантине? Так, что ли?! — Испуганный тон сменился на восторженный. — Ты что, тоже веришь в связи асабикешӣ?

— Какие связи, прости?

— У тебя есть в доме вот такая вещица?

Девушка с каштановыми волосами будто коснулась невидимой кнопки в воздухе, и на её месте появился уже знакомый предмет.

— Сонная паутина, ловец снов. Слышала?

— А, есть. Я купила её вчера. Мы, получается, где-то во сне, да?

— В серпантине, на перепутье, — важно поправила Венди. — Это особые сны, где люди могут контролировать всё происходящее. Это очень редкий случай, когда оба человека могут пересечься в серпантине. Но я тебя уверяю, — она снова указала на ловца снов, — вот из-за него мы и увиделись. В теории мы должны были заснуть примерно в одно время, с асабикешӣ поблизости, мыслями друг о друге и чем-то ещё, пока не уверена, чем именно. Это верный способ пересечься во сне. Вот только мало кто в него...

— А у меня на двери. Висит, эта... Паутинка, я имею в виду. Не поблизости.

— Тогда чушь, — та искренне удивилась. — Тогда я что-то прогадала. Или старые народы не совсем правы. Я первый раз встречаюсь здесь с человеком, который смог прийти ко мне, честное слово. Обычно брожу сама. Скажи, а ты, получается, думала о нашей недавней встрече?

— А ты?

Они сцепились взглядами, и пару секунд их позиция казалась принципиальной.

— Дьявол, ну, хорошо. Да.

— Аналогично.

— Ты, наверно, не местная, правильно?

— Не местная.

— Ну вот, я потому и запомнила. Думала, что ты отмороженная, а это просто опилки в голове. Без обид.

— Я недавно прибыла в город. И так выходит, что ты первый человек, с которым у меня завязался хоть какой-то разговор. Кроме шуток — здесь так себе с общительностью. Пока не удаётся выйти с кем-то на контакт.

Венди только пожала плечами, словно отвечая, что ничего удивительного в этом нет.

— Из-за этого, думаю, и пересеклись в серпантине. Ну, что друг о друге перед сном.

— А... — Было видно, что собеседница явно хотела спросить что-то одно, но потом резко передумала. — Прости, а сколько мы можем тут находиться?

— Пока твой сон остаётся невесомым. У всех по-разному. Но если тебя что-то разбудит там, пусть даже на пару секунд, то здесь ты просто превратишься в белое пространство, по типу...

— Я поняла, — собеседница, насколько это можно было сделать тактично, перебила и жестом попросила не продолжать. — Тогда пока никто из нас не стал белым пространством и всё такое, я...

— Я не стану, потому что хорошо контролирую свой сон.

— Верю. Скажи, ты учишься где-то, правильно?

— А почему незнакомый человек спрашивает меня об этом?

— Хотела бы пересечься в свободное для тебя время. Есть одно дело, с которым я одна не справлюсь. Но никакой гадости, просто сейчас могу не успеть объяснить.

— Стоп, — хотелось быть уверенной, что собеседница не юлит и они правильно друг друга поняли. — Это просто на поболтать или ты сможешь заплатить мне, если я смогу помочь?

— Второе.

— Тогда можем встретиться, — сразу отрезала Венди. — Валяй.

Возле головы собеседницы появилось подобие карты города. Девушка ни слова не ответила и лишь кивнула в её сторону, прося выбрать место.

— А ты быстро учишься, — Венди начала присматриваться и выбирать место получше. — Даже карту представить смогла.

— Я купила в киоске и вчера целый день её изучала. Вот и запомнила. Пока не знаю названий местных улиц, они сложные. Вот тут, значит? Этот клочок, который как откусанные пышные усы?

— Да. Вот на этом перекрёстке в три. Послезавтра, — Венди указала на конкретное место, и то окрасилось синим.

— Спасибо.

Девушка протянула ладонь, сложенную лодочкой — это был жест первого приветствия на материке, Дамон-Тарре, после которого люди обменивались именами. Жест этот должен был быть взаимным и зачастую люди отвечали на него, чтобы не показаться бестактными. Лишь когда второй человек клал сложенную лодочкой ладонь поверх, считалось, что можно произнести своё имя и утверждать, что ты знаком с человеком. Но в Тораксе плевать хотели на изогнутые ладони, чувство такта и всю эту излишнюю манерность.

— Венди, — девушка даже не подняла руки, просто пожала плечами и произнесла своё имя. — Я всю эту театральщину не очень люблю.

— Моника Сэйль. Хорошо, я запомню твои слова. Мне кажется, тут привычные всем традиции немного не ужились и то ли...

Моника не договорила. Её новая знакомая вмиг пропала, без звуков или знамений, стоило просто моргнуть. Весь мир с его божьими коровками начал терять контуры и расплываться.

— Контролирует она свой сон... Оно и видно.

* * *

«Выключить».

Три агрессивных нажатия на крохотную надоедливую кнопку. Как же раздражала эта вибрация. Венди запустила руки в волосы и тихонько простонала. Сразу встать не получалось, нужно было подождать, пока силы появятся. Это чувство после ночного пробуждения — оно не походило на простую усталость: всегда болели зубы, всегда ощущалось, как что-то пульсирует в голове, а тело одолевает болезнь. Разбей кто-то о её голову стакан, Венди осталась бы сидеть в такой же позе, только лишь волосы бы запачкались в крови.

Только появились хоть какие-то силы, и девушка соскочила с подоконника. Через шесть минут она уже была на улице. Одно радовало: нестись по ночным переулкам — одно удовольствие. Не приходится вилать между людьми и ловить на себе недовольные взгляды.

— Я тут, — запыхалась Венди.

Здесь были не все из Хтоники, только пятеро. Все присутствующие и формировали собой основной костяк группы: две пары кулаков, ищущая, информатор и тёмная материя. Все слушали друг друга и не перебивали.

Шоэнт, как ей рассказывали, с детства вынюхивал секреты. Внешность его была совершенно не фактурной, и, посмотри обычный прохожий на сотни лиц за день, лицо Шоэнта он бы забыл одним из первых. Так и выходило, что у информатора оседали в памяти все детали, пока окружающий мир не обращал на него внимания. Руки его были исхудалыми, потому что его было кому защитить, но язык оставался длинным, хоть и был завит в три узла. Человек сей мнил себя выше и благороднее тех, с кем водился. Жизнь он забирал не

битами и заржавевшими ножами, как остальные, а любимым мизерикордом, фамильярничал, трупов называл усопшими, а разбои — свиданиями. Оттого, что ходил он на подобные свидания каждый день, Шоэнт считался настоящим романтиком.

— Появилась лакомая щепотка свежих новостей, — сказал информатор. — Плюс одна проблема для наших друзей, а значит, плюс один заказ для нас. Одна зайка смылась с деньгами наших уважаемых «Древоточцев» и реши...

— Как?

Дарко разрешал перебивать только по существу и сам всегда делал так же. Шоэнт и правда иногда мог упустить ключевые детали.

— Вступила в их ряды. Пара вылазок под личиной «Древоточцев», а после — бам, и стащила сейф. Конечно, они искали её во всех ведомых местах. Пусто. Они-то её смогут найти, не сомневаюсь, но это вопрос срочный. Боятся, что до этого она вскроет сейф и просадит всё до последней монеты.

— Что они предлагают?

— Двести триптихов.

— Что они просят?

— Чтобы обошлось без внимания «Цикла». И вернуть сумму в полторы тысячи триптихов. За зайку ничего не говорили.

— Я понял. Идеально бы закончить до рассвета. Приступаем.

Как и всегда, начало было частью Венди. Шоэнт протянул ей резюме, где обязательно была фотография и основные данные о человеке. Так лучше представлялся образ, и дороги от этого меньше петляли. Проводница всё запомнила, а потом закрыла глаза. В этот раз нужно было всего с десяток минут. Десять минут, чтобы выловить абсолютно незнакомого человека из многотысячной толпы.

Закончить до рассвета получилось. Когда от Шоэнта и Венди уже ничего не зависело, за дело брались Бриккт и Нерра. Ищущая смотрела на происходящее и обычно думала о своём. В этот раз, когда человек ползал по полу и выплёвывал кровь, в голове плавали мысли о том, чтобы хоть немного выспаться по возвращении.

«Завтра должен быть спокойный день. Встреча. Главное — не забыть о ней», — свистело в голове.

Тем временем население Торакса уменьшилось на одного человека. Тело забросили в окно одного из домов, которые называли «заболевшими» — в такие и бездомные не всегда совались. Кроме битого стекла, пустых бутылок и неприятных сюрпризов, там мало что можно найти. Через сутки на ближайших улицах появились объявления с фотографией:

«Пропала сестра. Пожалуйста, срочно помогите найти за солидное вознаграждение».

Награда так и осталась у расклейщика.

* * *

Уже несколько джаэ⁵, как удалось превратить дневное время из круговорота усталости и нервов в круговорот прожигания времени. Днём хотелось спать, практически постоянно. Против сонного состояния особо не повоюешь — днём просто-напросто не было деятельности, которая прогоняла сон. Хтонику редко оживлялась в светлое время суток, а прогулки заканчивались сном на ближайшей лавочке.

По правде, достаточно было бы выспаться днём всего раз. Но Венди просыпалась, и каждый раз атмосфера в доме душила её до изнеможения. И если сама она открывала глаза, то тяга к чему-то интересному всё ещё находилась в спячке. Книги пылились на полках, серпантин и сны ждали вечера, если повезёт. Либо снова готовить и слушать болтливого инвалида, либо опять закрыть глаза. На улицу не тянуло, хотя Венди знала, что стоит выйти, и мерзкое состояние развеется. Иногда прошагать до двери было куда сложнее, чем прикрыть веки. В первую очередь сложнее физически. Мышцы были слабыми, чтобы проветрить мозг, а мозг — чтобы напрячь мышцы. Только если Хтонику прикажет, только и только тогда.

Примерно с полудня до семи вечера нужно было просто отбыть, чтобы вялое и непонятно из-за чего изнурённое состояние прошло. Всё менялось раз в четыре дня, когда Венди пила прописанную врачом таблетку.

Злоупотреблять было нельзя, это она запомнила даже лучше, чем название диагноза. Ровно раз в четыре дня, и приступы сонливости в другие дни постепенно сойдут на нет. Глупый доктор, кажется, всё перепутал.

Таблетка давала драйв на весь четвёртый день, но не решала проблемы первых трёх. Одна пилюля с утра, и уже днём хотелось бежать вприпрыжку так же, как ночью и по вечерам. В такие дни Венди часто ловила себя на мысли, что вот же они, энергия и

⁵ Джаэ — временной отрезок в тридцать шесть дней.

здоровье. И в серпантины хотелось, и даже весь дом добела отдраить. Достаточно было просто не потерять тонус. Но он стабильно пропадал на следующее утро. И снова три дня — олицетворение сонливости и дрёмы.

Бывало, заходил Кольг — давний товарищ отца. Он приносил еды и любил подолгу поболтать со своим другом. Неприятный, но полезный, потому что навещал не с пустыми руками. Третий день и в этот раз оказался совершенно бездарным, как и предыдущие два. Спать охота.

Глава 2. На ужин — ВГЧ

В полдень, особенно в таких клоках, как «Кварц», всё было иначе. Утро, день и даже поздний вечер — это те отрезки дня, когда не страшно ходить по улицам. Никаких тебе внезапных знакомств, которые кончаются коликами в животе. Здесь лишь куча никому не нужных медалей, тазы, ковры для ног и целый ворох того, что можно продать на блошином рынке. Шум, скопление народа, но минимальный шанс того, что поход за очередной безделушкой обернётся чем-то трагичным. В таких местах совершенно обычные люди и назначают совершенно обычные встречи. Эта была как раз из их разряда.

— Здравствуй. Я почему-то всё равно запомнила тебя на фоне божьих коровок, — Моника обратилась первой.

Венди вдохнула, ощутила исходящий от собеседницы запах, и по телу аж мурашки пробежали. Она не подала виду.

— В следующий раз я обязательно их приведу. Слушай, прости, конечно, за прямоту, — Венди поздоровалась, коснувшись чужой ладошки, — но тебе так правда удобно? Сколько эта дрянь весит?

Она уставилась на плащ своей новой знакомой, который был сделан из множества маленьких металлических пластин. Они казались очень тонкими и лёгкими, но даже так подобную картину раньше видеть не доводилось. Чем-то напоминало чешую какой-то там рыбы, название которой не больно-то хотелось вспоминать.

— Мера безопасности, вот и всё. Я порасспрашивала о клоке, в котором мы встретились. Паршивее, чем я думала. Мне, видать, продали какую-то не такую карту.

— Добро пожаловать в Торакс. У нас тут любят паршивость.

— Ну нет, почему? Это место нужно понять. Главное — быть начеку.

— На каком ещё «чеку»? Тут сразу бьют по вискам и горлу, — захотела сказать Венди, но засомневалась, что с таких слов стоило начинать знакомство. — По тебе видно, что ты не отсюда. Вид бросается в глаза, без обид. Просто лучше не выделяйся.

— Мне так хорошо. У тебя вот, кстати, тоже бросается.

— Куда это? — она осмотрела себя и ничего странного не нашла.

— В глаза. Вот эта вещица, например, — девушка показала на куклу какого-то красно-белого зверька с длинными ушами и рогами, что была прикреплена к сумке булавкой. — Тоже выделяется и смотрится необычно. Сувенир?

— Не сувенир. Ричард. Я просто умею вязать кукол. Удивительный талант, да? А главное, очень нужный в этом месте.

Девушка кивнула, словно соглашаясь.

— Варганю их иногда. Просто так, когда нужно выбросить из головы немного чуши. Но я-то знаю, как работает Торакс, и могу за себя постоять. А вот тебе и правда лучше переодеться при удобной возможности.

— Поняла. Хорошо, — Моника немного замялась, ожидая, пока орущий продавец рыбы пройдёт мимо, и его не придётся перекрикивать.

— Да-да, я помню, предложение по работе, всё такое. Объявляю собрание открытым.

— Немного не об этом. Мы можем обсудить его в пансионате, где я живу? Это место похоже на рынок, и мне тут не нравится. Шумно и воняет едой. А там безопасно и тихо. Или тут так не принято?

— Дьявол, я тебя умоляю. Пансионат так пансионат. Айда.

— Замечательно. Это тут, совсем недалеко. А по пути задам пару вопросов, на которые нужны ответы. Деньги, если что, при себе есть.

Венди поджала губы и закатила глаза, пока та не видела. Человек рядом был явно недалёк и слишком беспечен, раз раскидывался такими словами. Но дураков учить толку нет, потому что не достучишься. Их научит жизнь, и уроки эти наверняка будут болезненными. Вот только тогда запомнят.

— Отлично. Задавай.

— Для начала всё тот же вопрос, который я уже и задавала во сне, — медленно протянула Моника, начав идти в нужном направлении. — Ты нигде не работаешь? Может, учишься?

— Это какой-то паскудный вопрос для первого знакомства, — хмыкнула та, когда оказалось не так шумно. — Ну, я играю в ансамбле. Почему спрашиваешь?

— Боялась, что не сможешь совмещать. Но если ты в ансамбле не целыми днями играешь, то отлично! Моя работа не будет мешать твоей основной деятельности, уверяю. Я объясню, когда придем. Пока просто заурядные вопросы, но не удивляйся. Мне интересно то, что тебе кажется заурядным.

Венди сладко зевнула и одобрительно мотнула головой. Эпицентр шума остался позади, потому собеседнице уже не нужно было повышать голос, чтобы докричаться. Та достала листок с карандашом и принялась что-то чёркать.

— Ты здесь родилась, правильно понимаю?

— Правильно.

— Опиши мне Торакс в трёх словах. Вот так, как ты его видишь. Только без прикрас.

— Вагоны, асфальт, произвол. Выживание. Дефицит. Жалкость. Тошнота.

— Ой-йой, нет. Нет, мне нужны три, максимум четыре.

— Ты выбери любые. Любые три из названных — не прогадаешь.

— Так, ага... — Та обвела слово «вагоны» в кружок. — А вот всё это: выживание, дефицит и так далее — давно он такой? Ваши предки жили в такой же атмосфере?

— А ты сама откуда, прости?

— Тотше⁶.

— А, ясно. Вам о нас мало рассказывают. Наверно.

— Мало. Там... Своеобразное образование, скажем. Потому и спрашиваю.

— Ну, — Венди ещё раз зевнула, — после Риджикта такое вот началось. Сколько там прошло, три десятка лет? Четыре? Мои родители появились на свет в нормальных условиях, в общем. Детство их ещё так-сяк выдалось, а вот юность не очень.

— Так... Хорошо, хорошо. Я понимаю, почему ты сказала про поезда. Тут очень много перевернутых вагонов. Тоже последствия землетрясения?

— Землетрясения, шутишь? Ты не смягчай понятия, хорошо? — недружелюбно улыбнулась Венди. — Землетрясение — это когда само по себе. Риджикт применили тектоническое оружие и сравняли город с землёй. Это не просто «землетрясение», ладно?

— Буду подбирать слова в таких темах. Впредь.

— Ага, — бросила Венди, даже довольная тем, что собеседница не отреагировала как недотрога и неженка. — И вагончики, и потрескавшийся асфальт — это с тех пор, да. Немного неловко встречать гостью вот в таких условиях, но как есть. В основном всё плохое пришло от Риджикта. Его здесь не очень жалуют. Но если ты

⁶ Дамон-Тарр состоит из пяти государств: двух противоборствующих сверхдержав, Риджикта и Хикаридуса, на западе и востоке соответственно, независимого Тотше на севере, разрушенного Торакса на юго-западе и Эксимы, которая некогда решила отделиться от земли и обитать в небе.

скажешь кому-то, что из Тотше или любого другого города, то отнесутся как к своей. Главное, что не Риджикт.

— А ты? Ты не сильно любишь Торакс?

— Хорошо сказала, — Венди устало рассмеялась. — Не сильно. Вот уж чего нет — того нет. Как-то не получается проникнуться нежными чувствами к этим сказочным видам.

Пока они говорили, ноги словно сами завели их в другую часть города — Венди сразу замечала такие вещи. Здесь улицы были ещё чище, а людей побольше. Она никогда не работала в клоках, которые охраняются. Девушки зашли во двор, закрыв за собой калитку.

— Извини, буквально один момент — и продолжим, — сказала та и завязала разговор с дежурными и старожилами на четверть часа. То ли она решила поговорить с каждым, то ли те мямлили что-то неразборчивое, а ясного ответа дать не могли. Документов у Венди с собой не было, но в конце, когда её попросили подойти, суровые морщинистые лица смягчились — видать, надоело вертеть носом. Моника махнула головой, чтобы знакомая шла за ней.

— Я как-то даже не подумала, что попросят показать твои документы. Неувязочка.

— И как получилось решить?

— Деньги. Деньги работают по одинаковым правилам на всех материках, тем более уж в городах.

— А ты, я вижу, концы с концами не сводишь. Довольно безопасный клочок. Но дорогой.

— Да, тут недурно. Только номера серые и унылые до безобразия.

— Серые... что? Ну, в доме в смысле?

— Это пансионат. Да.

— Понимаю, настоящая беда. Можно даже бездомным позавидовать, — съязвила Венди.

— Беда или нет, а красок этим номерам не хватает. Мне вот важно, чтобы жильё оставалось не мёртвой коробкой. Потому я постаралась приукрасить это гнёздышко как смогла. — Моника провернула ключ в двери и первой вошла внутрь.

Жилище напоминало небольшую, но уютную гримёрку. Повсюду были расставлены украшения, а само помещение тонуло в мягких жёлтых цветах гирлянд. Именно те оттенки, которые не режут глаза от стерильности и в то же время не отдают сепией. А в целом комнатуха с широкой кроватью, креслом-качалкой, гримёрным столом и цветом обоев, что клонит в сон.

— Красиво. Уютно. Мило, одним словом. Сколько разных мелочей.

— Ты правда не представляешь, какая это была дыра, пока я не накупила целую кучу украшений. Что ни говори, а они действительно придают атмосферу. Смотри, узнаёшь?

Моника качнула ловца снов возле входа, и Венди сразу переключила своё внимание на него.

— Твой асабикеш! Какой пёстрый. Вот из-за него мы и встретились, будь уверена. Наши сути увидели друг друга.

— Ты что, увлекаешься всякими там... Мистикой, одним словом, да? Не знаю, как это назвать.

— Я увлекаюсь тайными знаниями, — поправила Венди, трогая перья ловца, — в которых разбирались наши предки. Но я пока не всё знаю, потому что сложно искать информацию. Не до конца понимаю, как именно это работает.

— Это — это что?

— Как люди пересекаются друг с другом. Как среди миллионов других находят нужное, и происходит ли это случайно. Человеческие и природные связи... В книге, которую я читала, это называется «Цэплаганшэ», то есть «окрыление». Цэп-ла-ган-шэ.

— Ого. Высоко метишь. — Моника села на гримёрный стол, а Венди устроилась на краешке кровати. — А почему сложно искать информацию?

— Книг катастрофически мало. У меня только четыре, но найти что-то ещё на подобные темы так себе выходит.

— Сны?

— Сны, божества, природа. Любые знания о том, что не увидишь каждый день.

— Я поняла тебя.

Возникла пауза, которая уже появлялась недавно и была понятна обеим. Следовало перейти к главному.

— Каких-то закусок у меня нет, к сожалению.

— Пустое, — махнула рукой Венди и зевнула. — Начинай.

Моника улыбнулась так, будто хотела бы ещё оттянуть момент. Она задумалась, а вот что сказать, нашла не сразу. Но собеседница терпеливо ждала.

— Ну, у меня в городе есть дело. Я что-то вроде исследователя.

— Что-то вроде?

— Что-то вроде, да. Есть одна программа, с помощью которой молодые добровольцы могут отправиться в другие города нашего континента. Её организовал Хикари́дус для всех, кто подходит по критериям. Что-то вроде культурного обмена, но по факту сбор информации.

— А сами они сюда приехать посмотреть не шибко хотят, да? Их исследователи, я имею в виду.

— Не знаю. Предложение было, и я в нём заинтересовалась.

— Поздравляю, — Венди издала нервный смешок, — тебя немного обманули. Закинули одну дьявол знает куда, дьявол знает за какие коврижки.

— Ну, ты перебиваешь. Перебиваешь и делаешь поспешные выводы, Венди.

— А я не права?

— Нет. Я приехала не одна, а с комитетом. Он спонсирует меня, предоставляет жильё, еду и все необходимые вещи. Я могу договориться, пожалуйста?

Собеседница скептически кивнула. Моника постаралась снова собрать воедино рассыпавшиеся мысли.

— Собственно, моя задача — исследовать Торакс. Разные его места, разные аспекты. Фотографии, описания, вещдоки — всё может быть уместным. Широкая научная диссертация, в общем. Но мне немного сложно справляться одной. Я сейчас не об опасностях на улице, а о культурном плане.

— О культурном?

— Да. Я не понимаю, почему никто не убирает проржавевшие вагоны с улиц, почему попрошайки просят не деньги, а воду, и чем вообще живут местные. Не понимаю, почему город выглядит так, будто его разрушили только вчера. А ведь прошло больше тридцати лет. И мне нужна помощь знающего человека, потому что для меня жизненно важно, чтобы мою работу утвердили.

Моника замолчала.

— Всё? Закончила?

— Кажется.

— Тогда разъясню свою позицию, можно?

Та уверенно кивнула.

— Как я и говорила, то, что ты не местная, это довольно быстро замечается. Я бы избежала разговора с тобой, будь ты из Торакса, но ты выглядишь довольно... М-м-м, как бы это... Благородной, допустим. Я тоже человек, который не будет тебе пакостить, хотя оснований верить мне у тебя нет, как и наоборот. Сейчас доверие строится только на первых впечатлениях. Но мне важна некая ясность в этом плане, я не хочу слепых «сделай и не спрашивай ни о чём». И хочу знать, кому и для чего я помогаю. Улавливаешь мой следующий вопрос?

Моника жестом попросила озвучить его.

— Какая цель? Потому что, знаешь... Для меня приехать сюда просто, чтобы подзаработать или ради похвалы шишек из зарубежья, — это поступок тупого и полоумного человека. Это не цель. И если это так, то плюй на комитет и уезжай. Мне важно знать не многословный, но честный ответ. Ты здесь для чего?

— Ох ты... — опешила Моника, но вопрос её заинтересовал. — Мне нравится такой поворот. Цель есть. Выше, чем хорошая оценка, признание и деньги. Можно назвать это мечтой, до которой я могу дотянуться. И...

— Всё, этого достаточно. Говорю же, не многословный, но честный. Думаю, слова "мечта" было бы достаточно.

— Радует, что не разочаровала ответом.

— По правде, ты не выглядишь как пустоголовая девчонка. Хоть и разгуливаешь ночью дьяволы разбери где. И что б тебя! Не нужно говорить незнакомым людям, сколько у тебя с собой денег, тем более посреди рынка. Ты — клоп. Такой же мерзкий клоп, как и я, как и все другие. Настолько клоп, что никто не должен засомневаться в этом. Ладно?

Моника бросила неоднозначный взгляд согласия, который Венди запросто парировала, и просто пожала плечами.

— Вот только деньги мне и правда нужны будут. Нет возможности помогать так. Извиняюсь, если слишком прямолинейно.

— Само собой.

— Три спондея нормально будет за целый день?

— Давай сойдёмся на триптихе⁷, идёт? Я не хочу пользоваться тем, что в Тораксе проблемы с финансами. Триптих, но чтобы мы друг друга точно понимали, ладно?

Венди и не пыталась скрыть свой косой взгляд, полный недоумения и сомнений.

— А ты с приветом, да?

— Мне так будет легче. Можешь считать, что у меня свои тараканы.

— Хоро... шо? — девушка всё ещё не понимала, какую интонацию подобрать на такое предложение. — Можно и триптих, но будем смотреть по ситуации.

— Идёт. Что по сегодня?

— Полегче. Это просто разговор, поэтому не заморачивайся.

Гостья уточнила время и день их первой встречи. Обоих всё устраивало.

⁷ Триптих — куда более высокий номинал, чем «спондей». Это хорошая сумма за пару часов работы по меркам материка и просто огромная, если брать непосредственно Торакс.

— Отлично. И всё равно, Моника, лучше купи нож и всегда ходи с ним. Даже если просто хочешь вынести мусор.

* * *

Ночью замигал браслет. Венди не успела выйти — отец попросил насыпать ему еды. Уже через минуту она протянула тарелку. Тот привстал и положил посуду на колени. Жестом попросил ладонь, и девушка протянула левую. Поверх легли его пальцы. Нужно будет помыть руки.

— Куда ты так поздно идёшь?

— Выступаем у богачей. Меня друзья проведут, не переживай.

Мужчина коснулся её руки. Ему нужны были эти невзаимные касания.

— Сейчас холодно. Набрось поверх накидку.

— Я надела тёплый гольф.

— Хорошо. Проголодалась, наверное?

— Нет. Недавно ела.

— Умница. Возьми с собой пампушки на всякий случай. Ребят угостишь, или сама съешь.

— Ребята не едят такое. Всё будет хорошо.

Оба на какое-то время замолчали.

— Венди, ты главное... — отец задумался и не смог найти подходящих слов. — Главное, не ходи по переулкам. И не простудись.

Она кивнула. Ему было достаточно.

Хтоника передвигалась быстро. Ей был знаком каждый закоулок, каждая стена клоков, что не могли похвастаться здоровым образом жизни. Обычно она была на месте ещё до того, как цель делала первый шаг.

И снова только пятеро — больше в таких случаях не нужно было. Шоэнт тараторил и периодически кашлял от сигаретного дыма, что пускала Нерра.

Дарко гладил дворнягу, прибившуюся пару переулков назад. Он сидел на земле и просто смотрел в стену. По такому виду не скажешь, что у слов информатора есть шансы быть услышанными.

— «Древоточцам» не нужен этот человек. Нужно изобретение и всё, запомнили?

— Я никак не пойму, — бугай почесал щетину. — Это же просто наконечник на палець.

— Правильно. Который очищает кровь, фигурально выражаясь. Ты знаешь, что такое сепсис?

— Кольцо.

— Какое кольцо?

— Бычачье, — Бриккт коснулся своего носа. — Кольцо в носу.

Нерра выругалась на товарища.

— Нет, — ещё раз попытался объяснить информатор. — Это инфекция. А нужная нам вещь лечит и её, и целую уйму заболеваний крови. В Тораксе людей, у которых проблемы с этим, как червей в животе у покойника. «Древоточцам» нужен этот прибор. Всё. Сходятся узелки в мозгах?

— Шли бы вы. Не буду лезть больше, главное, чтоб выгодняшно было.

— Правильно, не лезь. Делай работу.

Все ждали ещё с пару минут, потом Венди пришла в себя и заговорила.

— Вот, он вышел. Туда. Примерно два-три перекрёстка в этом клоке, — она указала пальцем на север.

Группа разделилась. Кто-то пошёл широкими дорогами, кто-то через дворики, некоторые держались позади, но каждый понимал, куда ему нужно. Все собрались за углом дома на тёмной улице. Пара приоткрытых окон и дверей, но ни человека, ни даже бездомной собаки в округе. Прячутся, кто в подкопах, кто в тошнотворных квартирках. Полная свобода действий, оставалось всего чуть подождать.

— Зашёл.

Нерра и Шоэнт замыкали улочку с двух сторон, остальные прятались посередине. Здоровяк держал битую наготове.

Послышались шаги, что становились ближе и ближе. Эти люди умели подобрать идеальный момент. Венди махнула кистью. Размашистый удар битой, от которого хрустнуло колено.

На упавшего тут же накинулось несколько человек. В руке Нерры оказался шприц без иглы.

— Я безоружен, я лежу! Не...

— Шёпотом, — сказал Дарко и прикрыл ему рот рукой.

— Не нужно, не нужно! — впоыхах сказал тот. — Всё отдам, всё, что хотите.

Пока мужчина переживал за свою жизнь, кончик шприца едва коснулся губы. Так, что молящий и не заметил.

В Тораксе многие знали про неоднозначные способы. Каждое звено придумывало своё. Этаким случаем, когда бита надоедает, а извращений хочется. Непосредственно этот способ придумала Нерра. Человек из неё был паршивый, но как ключевая часть Хтоники она состоялась хоть куда. Смесь миловидной внешности, перепадов настроения и невзаимной тяги к людям. Она к ним тянулась с душой, те отворачивались, и тогда в ход шло насилие. Кулаки она пачкала с удовольствием и любила, когда ей тоже достанется. Не до онемения тела, но чтобы на утро костяшки саднили.

Было у Нерры увлечение — давать своей жертве сыграть в долгосрочную рулетку. Когда ситуация позволяла не наброситься и не отнять жизнь, колпачок шприца без иглы, что она носила с собой, обнажал её любимую забаву.

По словам Нерры, у неё в товарищи давно затесался один полоумный, который за несколько сигарет пускал ей в колбу свою слюну. Слюна та была нездоровой — жил в ней вирус герпеса, который Нерра называла для краткости «ВГЧ». Она же и рассказала, что он, вирус этот, особенный для каждого человека — может сыграть в организме, а может заснуть и не проснуться.

И в какой-то период (Нерра не любила рассказывать, когда именно) вышло так, что она заразила человека больной слюной. Это оказалось быстро и не больно — палец просто-напросто легонько давил на поршень, а из кончика шприца на губы или в рот жертвы вытекала заражённая слюна — в этот момент инфекция и срасталась с человеком.

Нерра и сама считала это странным, но описать эйфорию от действия сего могла: загадка ей нравилась — минует время, а она гадает, жив ли он, человек, пронесло ли, или вирус в остатке победил. Хоть в сам момент заражения и обволакивало возбуждение — оно быстро проходило и былых эмоций уже не несло. Всё дело было в перспективе и тайне.

— Шёпотом.

— Умоляю, — подчинился тот. — Я всё на свете сделаю.

— Доставай руки.

Дрожащие ладошки тут же оказались на виду. На указательном пальце был наконечник, который положено было забрать.

— Смотри на меня. — Дарко взял его за щёки и уставился прямо в глаза. Тот не уводил взгляд. — Тихо. Тихо.

Кто-то из группы прижал ладонь ногой. Лежащий почувствовал, что чуть выше промежуточной фаланги что-то сильно надавило. Будто дощечка, краем которой изо всех сил надавили на палец.

— Не нужно. Это для больных. Оно вам не нужно. Умоляю.

— Смотри на меня. На меня. Исчезай шёпотом.

Палец отсёкся точным ударом, будто палач работал. Тело попыталось приподняться от боли, но его плотно прижимали к земле. Рот закрыла грубая ладонь.

— Молчи. Или я отрежу всю руку, клянусь.

— За что? — Из глаз полились слёзы, а слова глухо звучали сквозь ладонь. — Что я сделал, за что?

Никто не ответил на этот вопрос, хотя услышал каждый.

— Венди?

— Я не вижу никого опасного поблизости. Порядок.

— Прекрасно. Шоэнт, эта дрянь под твою ответственность. Завтра отдадим «Древоотцам».

— Понял. Запомнил. Это всё?

— Да. Расходитесь.

Дарко отвлёкся от цели под ногами и вцепился Венди в рукав. Это значило, что ей нужно подождать. Все побрели в своих направлениях, кто куда. Остались они вдвоём и человек, что стонал и ныл под ногами. Лидер мог уgomонить его. С самого начала мог отобрать слова так болезненно, как никто не умел. Но не стал. Ему важно было выиграть игру, а не изначально сделать себя победителем.

— Помогите. Кто-то, — он будто кряхтел сам себе.

— Венди, может поболтаем, что думаешь? Есть одно место. Хочу тебе его показать.

— Да, я совершенно свободна. И спать не хочу.

— И домой не нужно?

— Он подождёт, не переживай. Действительно не мешало бы проветриться. Пошли.

Они ушли, а человек так и лежал на полу, держась за палец, пытаясь контролировать сбившееся дыхание. Он кряхтел, но старался не издавать громких звуков. В нём поселился страх, что люди с битами могут нагряться снова, откуда угодно. И тогда шприц уже не остановится на полпути. Но его потуги встать, его жалостливое мычание было слышно по округе. Никто из проходящих по соседней улице не подал вида, что на асфальте лежал раненый человек. Те, кто прятались в квартирах и подкопах, просто не поворачивались в сторону всхлипов. Рано или поздно тишина вернётся.

— Миста, — сдавленно плакал он. — Любимая моя Миста, прости меня. Прости.

* * *

Дарко любил диалоги лицом к лицу. Он раскрывал людей и прочитывал их от корки до корки, стоило ему лишь задать вопросы и услышать ответы на них. Разговоры с близкими ему были особо важны. Каждый раз новые разговоры в новом месте.

Эти диалоги были чем-то очень личным. Бриккт, Нерра, Шоэнт и Венди никогда не делились друг с другом подробностями таких свиданий. То ли дело новички. Они шушукались и разрушали всю эту неповторимую атмосферу. Не понимали пока ни романтики Торакса, ни природы Хтоники.

Сейчас Венди сидела напротив Дарко в подсобке разрушенного завода. Слева — маленький фонарь, справа — их тень. У парня из носа потёк мазут или ещё что. Не то, о чём стоит задумываться и тем более спрашивать.

Он был словно альбиносом, что окрашивал свою суть в чёрный и как-то умудрился занести черноту и в цвет глаз. Шоэнт как-то говорил, что давным-давно там мелькал красный, но он давно забыт. Его бледная кожа, светлые ресницы, такие же волосы и темень в глазах — это игра контрастов.

Зачастую, во время затяжных диалогов, лидер постоянно смотрел на ноги собеседника. Будто стоит ему встать раньше времени, и он их самолично переломает. Венди этого не боялась. Они умели чувствовать друг друга.

Дарко часто вёл себя так, будто у него озноб: пытался согреться, тяжело выдыхал, обычно через зубы, а если присмотреться, можно было заметить, что его тело слегка подрагивает. Во время таких разговоров это было особо заметно.

Они не спешили перекидываться словами. Вся суть была в атмосфере. На потолке образовывался чёрный конденсат. Много-много капель, по консистенции точно карамель, но смоляного цвета. Одни зависали у самого потолка, другие оставляли за собой тонкую ниточку и проделывали свой путь до самого пола. Некоторые попадали и на неё. Венди чувствовала, как густые капли стекают по волосам, по одежде, но не по коже. Живого капли не касались. Хотелось или вытереть их, или размазать. Но это было бы неправильно. В них заключалось то, чего не понимали новенькие. Это был мрак, к которому не так сложно было привыкнуть. В этом и была особенность Дарко — приносить темноту туда, где её не хватает.

— У тебя бывает ощущение, что ты заболела раком?

— Раком чего?

— Наверно, понимания. Или раком себя самого. Бывает такое, что ты ощущаешь себя опухолью, чудо?

Так он её часто называл — «чудо». Дарко ценил агрессивный нрав Нерры и тяжеленные кулаки Бриккта. Те могли ломать кости на ура, могли даже задушить за считанные секунды. Но это не было ароматом. Не было даром. Дарко же владел им. Потому дёготь смешивался с кровью на его лице, потому в местах, куда никто старался не соваться, ему было комфортно как никому другому. Здесь, в маленьком помещении для двух людей, присутствовали и две стихии. У девушки напротив была власть, только своя, не мрачная — он это понимал. Совсем другая, завязанная на размеренных шагах и правильных дорогах, а не на возбуждении от вида крови. Мрак и тропы не забывали о взаимоуважении. Ни в коем случае не забывали.

— Нет.

— Значит, ты понимаешь, для чего всё это?

— Хтоники?

— Хтоники.

— Конечно. И понимаю свою роль. Ты её знаешь.

— Да. Да, знаю.

Он размазал чернила по левой щеке.

— Новички не понимают сути. Поэтому умирают за просто так. Трусят. Мне плохо от этого. Нерра поймёт, о чём мы сейчас. Шоэнт тоже. Бриккт... Тупой мешок с костями. Это биомусор, Венди. Но я ценю его. Он никогда не поймёт, я думаю, но таким и не нужно. Есть такие — люди, которые не спрашивают лишнего.

— Зато остальным приходится. Чтобы всё проходило успешно.

— Вы должны. Должны. Иначе бы это было странно. Ты, например. Не только ищешь дорогу, но и понимаешь, зачем нас ведёшь по ней. Если бы ты только искала, мне бы было плохо.

Многие здесь будут цепляться за чудо. За салюты, за парный танец посреди улицы и птичий клин. За всё, что непривычно глазу. Тут этого не хватает ещё больше, чем чистой воды. Поэтому новенькие выходили такими испуганными после этих разговоров. Нерра, Венди и Шоэнт понимали, что эти чёрные капли, в которых сама суть падения, — своеобразное чудо. И никто точно не знал, в чём суть его аромата. Он появлялся в разных формах в совершенно разное время. Можно было дать общее описание — мрак. Неповторимый. Главное — не перебрать с ним.

— Получается откладывать на выезд, да?

— Да. Постепенно.

- Сколько уже?
- Цены, о которых ты говорил, не поменялись?
- Ничуть. Цена такая же.
- Примерно шестьдесят пять процентов.

Он покачал головой. Ему было всё равно, сколько там процентов у неё накопилось.

- Он тебе не нужен. Отец.
- Но это моё решение, — холодным тоном перебила Венди. — И я уеду только с ним.
- Он тянет тебя вниз, чудо.

— Нет, Дарко. Мы уже столько спорили с тобой. Я — часть Хтоники. Я ищу дороги. Привожу нас куда нужно. Каждый раз. Только благодаря ему, поверь. Иначе бы я так далеко не зашла.

Он поднял взгляд. Его не просто читать: то ли Дарко хотел вскрыть ей грудную клетку, то ли действительно был согласен. Он всегда смотрел и говорил спокойно, будто Нерра и Бриккт украли его громкость.

— Странно. Меня почему-то начали привлекать скальпели. Иногда хочу взять один и достать опухоль из тех, у кого проблемы в черепной коробке. Даже не так. Опухоль самого себя. У кого болезнь самого себя.

Она кивнула, тут нечего было ответить.

— Я так надеюсь, Венди, что у нас с тобой её нет. Иначе нам не повезло. Как же нам не повезло.

Он вытер новую струйку, потёкшую с носа, и уставился на запачканную руку. Всё вокруг было в порядке, а чёрный прекрасно гармонировал с однотонной картиной вокруг. Через минуту-другую мрак расслабленно выдохнул. На них по-прежнему светил фонарь. Достаточно яркий, но только на первый взгляд. В действительности же они сидели практически в полной темноте. Дарко поглощал свет. Этот человек в одиночку был мрачным слоем Торакса, что расстелился ещё глубже его корней.

* * *

После странного свидания она возвращалась по ночным тропам, таким же мёртвым, как и днём, но по-другому. На улицах в такое время ни людей, ни дворняг. Смелости разгуливать по ночному клоку

хватало только у членов других группировок и тех, на кого первые струсили бы напасть.

У самого дома к ней под ноги бросился человек. Девушка рефлексивно отпрыгнула и достала нож.

— Я не опасен! Смотрите, у меня в руках ничего. Видите? Просто помогите хоть монетой, — попросил бездомный. — Пожалуйста, мне нечего пить. Пожалуйста.

Венди расслабилась, но нож не опустила.

— Я перенесу что-то, хотите? Хотите, помогу в чем-то? Я всё умею, правда.

У Венди не было ни сил, ни настроения отвечать. Она молча развернулась и пошла в другую от дома сторону.

— Стойте, стойте, пожалуйста!

Ей и самой-то хотелось пить. Страшно представить, что должно быть во рту, чтобы падать на колени перед первым прохожим. Дверь тихо скрипнула, но отец не проснулся. Полное отсутствие настроения, которое нужно было где-то утопить. Она забралась на подоконник и открыла книгу. Перечитать бы хоть какую-то главу, может, что-то новое найдётся.

Невдумчивое чтение всегда заканчивалось одинаково: ты пробегаешь по одному и тому же абзацу третий, потом четвертый раз, но так и не можешь понять, что только что прочёл. После пятой попытки Венди согнула страницу пополам и отложила книгу в сторону. Затем раздражённо выдохнула и тихонько спустилась.

На цыпочках она прошла в противоположный конец комнаты к кухонному столу. Взяла из-под него небольшой бидон воды и пять пампушек со стола. Передумала и добрала ещё две, чтобы всего вышло семь.

Венди вышла из дома и поставила презент перед бездомным. Тот тут же принялся благодарить, сжав руки в замок. Только потом стал пить. Дрожащие руки с трудом держали бидон. Он пил и пил, будто одичалая собака.

— Спасибо. Спасибо вам неописуемое.

— У тебя есть работа или родственники?

— Пока нет. Пока я живу здесь один, — он показал на подкоп в здании, похожий на нору.

Тогда что-то кольнуло внутри. Будто она пыталась помочь копошащемуся дождевому червю, что валялся на дороге разорванным надвое. Денег стало чуть меньше, а его шансы повысились в лучшем случае на сутки.

— Ты же без минуты покойник. Зачем ты... тянешь?

— Что? Нет-нет, я не погибну. — Он откусил булочку. — Я выберусь. Постепенно. Помогу кому-то, заработаю немного денег. Потихоньку. Но я не умру.

Венди знала, что он вряд ли найдёт работу. Ей стало страшно смотреть на обреченного человека, поэтому она быстро попрощалась и направилась домой. О спину разбилось прощальное «спасибо».

Дверь снова скрипнула, но в этот раз громче.

— Венди?!

— Да, это я. Не бойся.

— У тебя всё хорошо?

— Да, всё замечательно.

— У тебя ужасно плотный график. Нужно отдыхать. Даже от ансамбля.

— Ты пил лекарство?

— Да. И поел.

— Замечательно. Отдыхай.

— И ты ложись. Спи.

— Да.

Отец довольно быстро заснул. Венди перекусила, приготовила ещё еды и устроилась на подоконнике, прямо напротив ловца снов. Пока были силы, она развивала аромат. Сон и тошнота приходили только под утро. Странные эмоции внутри расщеплялись, и можно было, наконец, закрыть глаза.

Глава 3. Ты тоже станешь саранчой

Неожиданно для самой Венди даже начало прогулки стало одним огромным вздохом облегчения. Казалось бы, она просто идёт и разговаривает. Просовывается между теми же слизкими людьми, касается стен давно знакомых хворых улиц. Но в этот раз почему-то стало лучше. Лучше, но далеко не хорошо.

Моника обращала внимание на каждую деталь и не забывала записывать всё новое на белых листах. Она сама едва в них не терялась. Этакая зубрила с папкой, листами и карандашами, которые, кажется, вот-вот выпадут из рук.

Они забрели в другой клочок на окраине — совсем не такой богатый и безопасный, как тот, в котором находился пансионат. Был день, но место было практически безлюдное. Венди знала, когда и где можно гулять в такое время.

— Хорошо, для начала вопрос, который не даёт спать.

Моника рассматривала металлического титана, погибшего когда-то давно. Он заржавел и остался забыт. Подобных ему было много. Они перегораживали опустевшие переулки, валялись посреди пустырей и заброшенных домов в нескольких шагах от артерий. Когда-то шпалы и рельсы давали возможность мчаться вперёд. Теперь они были порознь.

— Почему перевёрнутые по всему городу поезда никто не уберёт? Или, ещё лучше, не починит?

— У нас нет правительства как такового. Есть главный концерн, который эта проблема не беспокоит. Пока они не лежат на центральных улицах, никто это не будет делать. Некоторые умудряются растащить на железяки, но, скажу тебе, оно того не стоит.

— Ну хорошо, но... — Моника заглянула в окошко. — Надо же что-то с этим делать?

— Зачем? Лежит и лежит. Не мешает — не трогай. Нам банально некому и нечего везти. Есть поезда, которые ездят между дальними клочками и даже городами, но их мало. И не по этим рельсам, сама понимаешь.

— А маленькие вагончики и трамваи в центре? Их поставили после происшествия с Риджиктом?

— Да. Они ездят по всегда освещённым дорогам, но осветить весь город не получается. Потому обычно это центральные улицы. А если хочешь добраться до окраин, то уже на своих двух.

Моника пригнулась и зашла внутрь. Из сумки вынырнул фотоаппарат, затем послышался глухой треск, но огонёк не вылетел. Странная модель, точно не здешняя. Бриккт как-то забрал у одного остолопа такую вещицу, тоже забугорную. Венди в тот раз даже перепало поиграть.

Моника заметила надпись маркером на стене вагона и сфотографировала её.

«Я закончился».

— Всё это грустно выглядит, конечно. Но очень самобытно. То есть все люди здесь довольно закрыты, правильно понимаю?

— Что значит «закрыты»?

— Не будут делать что-то, если им ничего не грозит или нет выгоды.

— Девушка сделала фотографию уже внутри поезда. — Своими силами убрать всё это, и...

— А, я поняла. Ни в жизнь. Тут так не делают.

— Вот как. Каждый беспокоится о себе и своей семье.

— Вроде того. Здесь всё?

Моника сделала ещё три щелчка с разных ракурсов. Хоть место и пугало одиночеством, им же оно и притягивало. Умерший титан будто молил о помощи, не издавая при этом ни единого звука. Это напоминало толчки о внутреннюю крышку гроба, когда земля уже легла поверх. Их не услышит никто, кроме похороненного по ошибке.

— Да. Можно уходить.

В следующем клоке уже были люди. Но район был грязным, а двери совершенно всех домов были деревянными и отсыревшими. Некоторые из них оставались просто прикрыты, будто жители и не думали оказывать сопротивления тем, кто внезапно захочет войти. Всяко лучше, чем если кусок деревяшки разлетится от удара ноги.

На двух девушек из окон поглядывали жители. Кто курил, кто зачем-то тёр голову, будто хотел стряхнуть перхоть, кто просто наблюдал. По улицам в большинстве своём бегали дети и животные.

Взрослые предпочли оставаться в заведениях: дома, в уличных забегаловках, ларьках — не суть.

— Ты хорошо знаешь это место?

— Наизусть. Клок называется «Коловорот».

Первое время они шли. Глаз цеплялся буквально за всё, но фотографировала Моника только самые любопытные картины. Записывать решила потом.

— Смотри, — она показала пальцем на один из магазинчиков с железной решёткой вместо дверей. — Свет горит, там есть человек. Почему тут перегорodka?

— Просто мера безопасности. Бывает воруют, особенно здесь, поэтому появилась такая схема. Говори, что нужно, выложи деньги и получи товар. Честно же?

— Честно. — Аппарат щёлкнул.

— Раньше здесь и в ещё двух клоках был комендантский час с восьми. Сейчас постепенно рассосалось.

— Кошмар, — девушка нахмурилась. — А после восьми что? Люди выходят и просто начинают грабить всех и вся?

— Нет. Здесь достаточно способов нечестно заработать после заката.

— Как?

— По-всякому.

— Но, например?

Моника не сдавалась, и проводницу это удивило. Она глянула, будто спрашивала: «Неужели оно тебе и правда нужно?». По взгляду без труда читалось, что да, нужно. Венди прищурилась.

— По-разному, говорю. Возможно абсолютно всё, что ты можешь и не можешь представить, вопрос только в деньгах и последствиях. Просто нужно держать в голове, кого ты подставишь под удар и с кем он знаком.

— Я поняла. А ты тоже живёшь в каком-то опасном районе? Это просто интерес, — вежливо поправила себя девушка.

Венди потупила взгляд и пару добрых секунд думала, стоит ли вообще отвечать.

— В тихом, скажем. Скорее, безопасном, чем нет. Называется «Колькотар», как краска. Там нормально, если соблюдать нужные условия. Жить правильно, так сказать. А в «Коловороте» сложно жить правильно хотя бы потому, что здесь в принципе сложно жить.

— За-пом-ни-ла, — неспешно промямлила Моника, осматриваясь по сторонам. — А мой клок называется «Кипарис». Как дерево.

— Да, знаю. Красивое название. Думаю, что растение тоже прекрасное.

Они шли мимо потрескавшихся кирпичей и досок, переступая через выбоины. Скелет клока (почему-то именно это словосочетание казалось Монике самым подходящим) был предельно понятен и читаем: с трещинами, шаткой структурой и выцветшим, уже не белым цветом. Выцветешь с ним или пропадёшь — никто не расстроится, а выберешься в район получше — местные просто пожмут плечами.

Удалось найти и плюсы — здесь не было противных запахов, а цены на вывесках были до безобразия низкими. Конечно, качество еды оттого казалось сомнительным. Но, если верить цифрам, плотный обед здесь стоил столько же, сколько Моника бы отдала в своём клоке за стаканчик молока или метиара⁸. Всё это оказывалось на бумаге в виде отдельных слов, коротких предложений, стрелок и целого вороха набросков.

Периодически на досках рядом с магазинами и ларьками чёрными буквами, будто углём, было написано: «Питьевая здесь» «чистая» или просто «вода».

Венди предугадала вопрос и опередила собеседницу.

— Ага, проблемы с водой. Не только в этом клоке, в большинстве. У нас нет организации или предприятия, которые бы очищали и обеззараживали. Поэтому каждый колдует дома как может, но не все умеют. Обычно это проверенные люди, у каждого свои, которые хорошо знакомы с дистилляцией и прочим.

— Разве не легче один раз научиться самому?

— Смотря кому, — ведущая зевнула. — Мне, например, легче покупать. Бездомным вообще не до того. Они обычно работают за воду. А вода здесь — чистой воды... — Венди ругнулась, понимая, что несёт глупость. — Вода — это валюта, в общем. Некоторые пытаются сами научиться очищать её, но проверенные источники куда надёжнее. На то они, собственно, и проверенные.

— И у тебя есть такой? — Моника на ходу развернула лист и принялась писать на нём.

— Есть, не переживай. Нарисуй там три стрелочки себе где-то. Три самые прибыльные легальные сферы: курьеры, поставщики и информаторы. Три типа людей, услуги которых будут нужны здесь всегда. Но все они рискуют. Курьеры, например, должны знать каждую улочку на зубок. Это вопрос их безопасности. Ну, есть много таких, кто не против пожить чужим. Но ночные тарифы в шесть раз дороже. Информаторам важно копать не слишком глубоко и умело

⁸ Метиар — бодрящий кисломолочный напиток на основе шалфея.

продавать информацию правильным людям. В этой сфере работают либо отморозки, либо гении. А поставщики в один день могут попасть в денежное рабство. Тоже такая себе перспектива.

Удивлённые и зачастую недружелюбные взгляды местных просто проскальзывали мимо Моники, будто той было совсем не до них. Венди словила себя на мысли, что её забавляет такой ход мысли у другого человека. Когда наивный интерес выше страха и здравого смысла. Почему-то казалось, что, попав сюда, гостя окажется трусливой брюзгой. Но нет, она ходила, внимательно всё осматривала и даже прикасалась.

— Записала. Хорошо.

— Ну, добавь ещё то, что у нас в целом сложно с вещами первой необходимости.

— Какими? Это без преувеличений? Мне нужны только правдивые факты, поэтому ничего не приукрашивай, я очень прошу.

— Цэпра-а⁹, всё как есть, — та наигранно положила руку на сердце.

— Пиши. Хикаридус нам везёт разные «навороченные» вещицы и крупы. А с чистой водой дрянь. Её привозят, её добывают, но не в таких количествах, чтобы хватило всем. С лекарствами так же. Нужно знать, у кого покупать, и не болтать об этом другим. Тут любят... — она цокнула языком, пытаясь подобрать слова. — Лучше один надёжный человек купит у тебя десять бутылей, чем десять разных купят по одному. Как-то так всё работает.

— А что вы в основном едите?

— Кто как. Кто-то ест трюфели, кто-то тухлятину. Но большинство сидит на ржаной каше.

— Сейчас, так... — Моника быстро выводила буквы скорым почерком. Просто наброски, которым рано или поздно суждено стать замысловатыми научными предложениями.

— О, ещё кое-что. Везде, где можно перекусить, мне предлагают добавить специальный лосьон для еды. Это у вас как местная приправа?

Венди посмотрела в ответ и флегматично кивнула. Она знала свои сильные качества, но сила слова была отнюдь, отнюдь не одной из них. Ей редко удавалось кого-то убедить, отстоять своё или доказать то, в чём уверена. Потому она даже в моменты несогласия не озвучивала своё мнение, пожимала плечами и оставляла человека один на один со своим заблуждением. Пусть ошибается. Пусть учится сам или пусть умирает. Так работало всегда.

⁹ Цэпра — распространённое ругательство, используется для выражения удивления или негодования.

Сейчас она решила, что правило касалось только местных. Дети, приезжие и умственно отсталые и правда могли не понимать правил игры. Их кидать в это болото вот так, сразу, не за что.

— Ну... — Венди напряглась. — Это называется «бальзам». Цепра-а, ты добавляла его в еду?

— Пока не довелось.

Венди остановилась и начала жестикулировать руками.

— И замечательно. Внимательно меня сейчас слушаешь?

— Да.

— Ни за что и никогда не добавляй эту гадость в еду. Никогда, вообще.

— Почему?

— Ты не увливай. Сначала ответь, а после я назову тебе хоть сто причин этого не делать.

— Само собой, — Моника растерялась. — Мне не сложно. Всю жизнь же как-то обходилась без него.

— Замечательно.

Девушка опустила руки, но не успокоилась. Она говорила эмоциональнее, чем целый день до этого.

— Суть в добавках, которые есть в бальзаме. Они создают приятный искусственный запах и вкус для продуктов. Если достаточно бальзама вылить даже на потроха или тухлятину, они приятно запахнут и приобретут неплохой вкус. И, уверяю, ты уплетёшь что бы то ни было за милую душу. Это обман нюха и языка, проще говоря. Плюс там есть добавки, которые очень хорошо горят. Поэтому иногда бальзам используют и как горючее, но намного чаще добавляют в еду. А правда в том, что это наркотик. Люди здесь настолько плотно на нём сидят, что добавляют даже в нормальную, природную еду. Поливают бальзамом каши, хлеб и даже пьют просто так.

— Он вреден?

— Он вызывает злокачественную опухоль гортани.

— Это общеизвестный факт? И главное — доказанный, нет?

— Нет. Доказывают что-то учёные и люди со здоровыми мозгами, а тут таких нет, как успела заметить. Но я общалась с группой умников, которые его придумали и ввели на рынок. При таких обстоятельствах, что им не нужно было втюхать его мне, чтобы получить деньги. Просто в нужное время слушала то, о чём говорят довольно серьёзные люди. Разговор из разряда тех, в которых не приходится сомневаться.

— Верю. И его всё равно используют повсеместно?

— Я тебя умоляю, это самый популярный продукт здесь после воды, мне кажется. Хотя некоторые, как я, покупают его только в качестве разжигателя.

— Я тебя поняла. — Белый лист покрылся ещё большим количеством текста. — Может, предупредить об этом жителей? Или им нормально?

Ответом ей послужил громкий кашель бездомного неподалёку. Кашель был сухим. Сухим и залиvistым — мужчина даже не успевал нормально вдохнуть воздух, только казалось, что его сейчас вытошнит своими внутренностями и лишь опосля всё пройдёт. Но тот покорчился несколько секунд в порыве, потом перевернулся на другой бок и уснул.

— Им вообще отлично. Не жалуются.

* * *

Они бродили по клоку ровно до шести вечера. Потом начинало темнеть, пусть и медленно. Торакс был из тех городов, когда хроническая серость таилась в любом отрезке дня. Стоило выйти на улицу в полдень, и становилось непонятно, Терсида¹⁰ ещё не вышла или уже отправилась выуживать свои солнечные сны. И только после шести здравое внутри говорило: «Темнеет». Человек думал о возвращении домой и жил под темнотой, покуда не просочатся первые лучи, покуда он не откроет глаза, а чахлое внутри не скажет: «Сереет».

Венди отнеслась к вопросу серьёзно и настояла на том, чтобы закончить ознакомительную прогулку.

Стоило перешагнуть порог комнаты, как ощущение безопасности и уюта начало убаюкивать обеих. Чувство показалось таким приятным и тёплым, что уснуть хотелось на грубом покрывале прямо так, не снимая. То ли ощущение рождалось от мягких жёлтых огоньков, то ли от приятного звука, который, если прислушаться, и не был чужим.

— Дьявол, — удивилась Венди, уставившись на мелодичную вещицу на полке. — У тебя играла музыка ещё в тот раз. Тут постоянно радио играет, даже когда тебя нет?

— Очень странная вещица, если честно. Она была здесь ещё до того, как я поселилась.

— Предыдущий житель не выключал, и ты решила пойти по его стопам?

¹⁰ Терсида — наименование солнца.

— Не в том дело. Музыка включается сама по себе. Молчит-молчит, а потом начинает звучать, без шуток.

— Это... — Венди скептически глянула на музыкальное изобретение.
— Какое-то странное радио.

— Нет, скорее, волна. На других такого нет, смотри.

Моника покрутила колёсико влево. Три полных оборота, а потом щелчок, будто внутренний механизм наехал на кочку. Ни на одной другой волне не слышались звуки и шумы, ведь радио было выключено. И только напарница сделала три оборота обратно, вернув стрелку на ту же позицию, звуки заиграли вновь. Ожила музыка, которую Венди никогда не слышала. Вне всяких сомнений, она была чуждой Тораксу.

— Это... цепра, ну, это вкрай странно.

— Как есть. Я это радио даже не трогаю, потому что на других волнах постоянно какие-то викторины. А под такую музыку мне приятно засыпать и просыпаться. Но оно живёт своей жизнью. Ну, радио. Оно иногда замолкает, а иногда резко начнёт играть снова — как ему вздумается. Понятное дело, что и ему нужно отдыхать.

Венди посмотрела так, будто снова ждала короткого кивка, а ей выдали целую тираду. Во взгляде обеих читалось это неловкое «что?», но оно было совершенно разных оттенков и интонаций.

— Ну, мелодия красивая, чего уж там.

— Знаешь, что самое интересное? Я заметила, что в каждый из дней виада¹¹ играет какой-то определённый заглавный инструмент. Сейчас вот что-то такое... Я не знаю, не сильно разбираюсь. Альт, может быть? В общем, представим, что сегодня день альта. А в другой день — совершенно другой инструмент, и ничего, кроме него. Хочу найти какой-нибудь официальный список, но даже не знаю, как называется волна.

— И не надоедает?

— Да нет, — та пожала плечами. — Разная интенсивность и сами мелодии. Такая музыка мне близка.

Венди прилегла на край кровати и улыбнулась. Ей нравилось наблюдать за тенями. Нравились звуки этого самого «альта», чем бы он ни был. И пахло приятно. Никакой тухлятины, кроме её самой.

— Ну и ну. Я надеюсь, что сегодня не сильно отличается от того, как ты себе это представляла. Если что — прости за кислую морду. Сонная весь день.

¹¹ На Дамон-Тарре есть несколько временных интервалов. Основные из них — это виад, торнавидор и джаэ, которые равны шести, шестнадцати и тридцати шести дням соответственно. Шесть виадов равны одному джаэ, в то время как торнавидор — промежуточный период между ними.

— Всё замечательно. Буду пробовать придать моей писанине научный вид. Спасибо.

Хотелось ответить тем же. Девушка расплатилась, и Венди встала. Не должна она была вести себя как должник, хоть в её руках и оказался целый триптих. Проводница знала, что не сделала ничего такого и на половину этой суммы, но в должницу играть не хотела. Хорошая работа. Мотивирует.

— Спасибо. Побегу.

— Пока ты не ушла... — Моника выставила указательный палец, будто прося подождать. — Вопрос.

— Да?

— Насколько тяжело вообще увидеться во сне? Нужно хотеть спать, лечь, а потом?

— С асабикеша поблизости, — заряд лёгкой бодрости ударил ни с того, ни с сего. — Засыпая примерно в одно время и думая друг о друге. Но даже так, не факт. У нас же получилось только один раз. Пока я сама не понимаю, но уверена, уверена, что не совпадение. Просто упускаем что-то.

— Может, попробуем этой ночью? Все эти странности с серпантинами, они интересные. Новые для меня, но не выглядят, как чушь какая-то.

— Я... Мне сложно что-то планировать. У меня проблемы со сном, и я, может, не смогу заснуть по расписанию.

— Понимаю. Как-нибудь тогда.

— Да, при случае. — Венди замаялась, а потом будто сама отреклась от своей неуверенности. — Хотя нет! Я думаю, можно попробовать. Эта ночь должна быть спокойной. Точно должна.

— У тебя бывают беспокойные?

— Ну, иногда мне снятся кошмары.

— Не страшно, если не получится. Тогда договорились на сегодня. Отбой ровно в одиннадцать, как тебе?

— Идёт. С мыслями друг о друге. Как ходим, говорим, даже просто стоим. Чёткий образ нужен. И повесь ловца снов над головой.

— В тот раз всё получилось и так.

— Ладно, да. Ты права. Я тогда побегу. Хочу успеть, но дел невпроворот.

Моника махнула рукой. После долгого дня у неё ещё оставались силы улыбаться.

— Спасибо за приятную компанию. А тебе одной по улицам... как?

— Нормально. У меня иммунитет.

Проводница коснулась виска указательным и средним пальцами, а затем направила жест на напарницу. Через несколько секунд дверь закрылась.

Быстрым шагом до дома с неприятным запахом нужно было идти чуть больше часа. Всё уже выстроилось в схему: перекинуться парой слов с отцом и приготовить ему лекарство, поесть, принять душ и прибраться. Злило, что после всего перечисленного сил было не так много.

Оставалось семнадцать минут до назначенного времени. Ловец снов, как всегда, был перед глазами, палочки уже начали дымить, борясь с запахом йода, а отец уснул и не скрипел зубами. Венди устроилась поудобнее, строя в голове нужные образы. И каждый из них разлетелся на кусочки, как только браслет на руке завибрировал.

* * *

Это была единственная на сегодня, но крайне важная мишень. Когда Хтонику нужно было найти конкретного человека, Венди всегда справлялась с этим, даже если была злой или сонной. Просто очередное свидание, ничего особенного. В этот раз всё было как всегда. Венди шла вперёд по узким переулкам и пыталась выловить нужную им цель.

Как всегда, ключевые детали от Шоэнта. Мишенью стал мужчина, арестовавший троих членов из разных звеньев меньше чем за пять дней. Был человек, что прошептал на ухо имена людей, а был тот, кто решил примерить роль местного героя и наказать их. На этот раз целью оказался именно псевдогерой. Шоэнт дважды повторил его имя и адрес штаба, в котором тот нередко ночевал. Оставалось только выманить. Всего два предложения, произнесённые любимым человеком.

— Аллев, — женский голос дрожал. — Послушай.

Нерра держала у губ заложницы заражённый шприц. Только не двигаться. И дышать очень, очень медленно.

— Аллев, Хильна умирает. Срочно возвращайся.

Провод перерезали. Этого было с лихвой. Только шприц в специальный коробок — женщина упала на пол.

— Не валяйся здесь, приляг на кровать, — попросила Нерра. — Мы уходим, милашка.

Они вышли из чужой квартиры, оставив отчаяние и страх как вечный гостинец. Женщина знала, чем всё закончится, Хтонику — так тем более. Сейчас борец за справедливость мчался домой — что-то произошло. А значит, идеальный шанс сыграть по-крупному.

Это не был наивный зевака, который ничего не подозревал. Он знал, с кем борется. Мишень не сворачивала в переулки, чтобы сократить расстояние, а бежала только по центральным улицам. Он переживал о человеке, который ждал дома. И сердце его, скорее всего, колотилось во всю силу.

Мышеловка поджидала у самого дома, в небольшом дворовом перекрёстке. Когда площади и широкая улица с рельсами оставались позади, достаточно было рукой подать. Бугай Бриккт занёс битую и прислушался. Громкие шаги, тут не спутаешь. Венди отсчитывала секунды. Она представила цифру ноль, а потом грациозный жест дирижерской палочкой. Широкий замах и мощнейший, просто сокрушительный удар по лицу. Цель умерла сразу — такие столкновения не оставляли шансов.

— Конфетка, — цокнула языком Нерра.

Она швырнула на лицо покойнику тряпку.

— Приложи, может полегчает.

Настроение лидера заметно скакнуло вверх. Венди знала, как он ненавидел таких людей. Дело было в идее. С такими людьми умирал и посыл «Цикла», а не только рядовой солдат. Самая ценная и редкая птица, которую общипали ещё в воздухе. Дарко опустился на колени, начал нащупывать окружение, будто искал иголку, а когда коснулся тела — разорвал рубашку жертвы и со сдержанной ненавистью воткнул скальпель в солнечное сплетение. Вниз. С каждым движением он осознавал, что победил. Угроза испарилась.

Лидер засунул руку в рану, что-то нащупал и крепко сжал кулак. Он возбуждённо дышал, будто вся суть происходящего заключалась в запахе. Когда рука вынырнула из тёплой щели, Дарко засмотрелся на блеск. Йеталь¹² делилась светом, чтобы красная жидкость стала видна. Лидер поворачивал кисть, что была полностью испачкана в крови, будто она переливалась как бриллиант. Найдя нужный угол, Дарко застыл. Улыбнулся, а потом сдавленно заплакал.

— Ржавое поколение. Ржавый слой нашего города, — он с трудом выдал слова и начал дрожать как при ознобе.

Никто даже вида не подал, что что-то не так. Венди, как и все, смотрела на блеск крови и ждала, когда же можно будет пойти домой. В конце концов Дарко успокоился и махнул рукой.

¹² Йеталь — наименование луны.

— Хорошо. Замечательно. Сейчас рассчитаемся и по домам.
«Наконец», — подумала Венди и попрощалась с друзьями.

* * *

Мысли о серпантине остались где-то далеко. По пути она мяла тканевый мешочек, крутила его как могла, чтобы успокоить нервы. Не выходило. Что-то беспокоило, может, даже делало физически больно. Неопишуемое и аморфное чувство, когда точно что-то пошло не так, когда всё должно было быть иначе. Или просто невероятно захотелось, чтобы изменилось хоть что-то. Может, поводом стал недавно живой человек.

Венди представила, что бы делал отец, если бы с ней случилось такое же. Она сильна, но, мало ли, нашёлся бы кто-то сильнее. Перестань близкий человек приходить домой, даже больной не лежал бы днями напролёт. Уже через сутки он наверняка испугается. Развесит объявления и будет спрашивать соседей. А потом возьмёт деньги и научится выживать один. Ему станет тоскливо, но придётся научиться жить в одиночку. Есть дом, есть еда и запасы. Шаг за шагом, но получится. В пятьдесят три года у многих жизнь только начинается. Вот и у него бы началась. Да, он бы точно не умер с голода или нищеты.

Дома Венди старалась успокоиться, но всё ещё была на нервах. На нервах накормила проснувшегося отца, на нервах дала таблетки и вкрутила новые лампочки в люстру, которая так редко включалась. Это не помогло расслабиться.

Но было и хорошее. Ещё один шажок к будущему — очередной мешочек с деньгами отправился в шкаф.

— Бросай ты всё это.

— Что бросать?

— Не нужно копить деньги. Мы всё равно никуда не уедем, ты же понимаешь.

Венди сдержала себя, со всей силы сжала мешочек и оставила его в шкафу. Села на стул, но удобно не было. Она не находила себе места, но в конце концов закрыла глаза ладонью, давя пальцами на виски, пытаясь проломить их. Если однажды получится, так будет даже лучше.

— Знаешь, наверно, где-то там внутри я искренне жду, что ты меня поддержишь. Что скажешь: «Спасибо, у нас всё получится». Ты когда последний раз выходил на улицу? Ты видел, что там происходит? С

тех пор, как ушла мама, там не стало светлее, поверь мне. И каждый раз я выхожу туда, только чтобы когда-то увидеть, как мой отец стал здоровым и не живёт в помойке.

Набухший пузырь внутри оказался полным до краёв. Он лопнул, и внутри оказалась львиная доза злости.

— Но в этой мусорке даже родной человек втаптывает меня меж плит ещё и ещё глубже. Ради чего мне тогда жить, если единственный, кто у меня остался, уже похоронил себя? И каждый раз, каждый раз открывая дверь сюда, я надеюсь, что мама будет внутри, а ты будешь стоять с выпрямленной спиной. Но ты опять говоришь, что мы будем вариться в этом всём до конца. Спасибо, родной человек, мне хватает грязи. Я в ней варюсь и стараюсь держаться умницей. Но мне бы и хорошего хоть немного. Дьявол, хоть сколько-то твоего тепла, я бы оценила. Но его у тебя нет. Его нет.

Она качала головой, не открывала лица и изо всех сил сдерживала порывы слабости внутри. Отец начал было что-то говорить, но Венди перебила его:

— Закрой рот. Пожалуйста, замолчи, потому что все твои слова меня зарывают ещё глубже. Я всё равно увезу тебя отсюда. Даже если это мне многого будет стоить, даже если ты сам в это не веришь. Я увезу и вылечу тебя, даже если ты останешься всё той же неблагодарной сволочью.

Она открыла дверь пинком, и стало легче. Скрип, а потом щелчок. Ночная прогулка должна была остудить пыл. Эти странные походы по тёмному клоку были нужны, и в большинстве своём приятны. Здесь не было особо больших улиц, поэтому доводилось петлять по улицам-крючкам, как их называли. Почти все окошки были закрыты. Почему-то в такое время, когда ни людей, ни шума, где-то на горизонте виднелось умиротворение. Совсем не близко, но хоть что-то на фоне грязи.

Венди подумала о матери. Тот вид раздумий, который каждый раз повторяется и ни к чему не приводит. Паскудное пятно, не более. Тогда подумала об отце и тоже ощутила, что внутри неприятно. Как и с Хтониной. Как с квартирой, в которой она жила. Место, в котором хотелось находиться поменьше, а подоконник поднять ещё выше, чем сейчас. Уже давно не хотелось произносить слово «дом», а отца называть «папой». Лучше неизвестность, что на улице. Она-то хоть иногда преподносит сюрпризы.

Поворот на аллею. Девушка прекрасно знала, куда идёт. Здесь стоял маленький вагон, такой же мёртвый, как и другие, но удосужившийся умереть в нужном месте. Ему выпала честь стать маленькой коммерческой каморкой. Решетка перед носом и бледно-белый свет изнутри.

— Сырный какао.

Ей не ответили. Ничего удивительного для Торакса, но порой, совсем-совсем иногда, хотелось, чтобы хоть кивнули в ответ. Она положила деньги на маленькую стойку и покосилась направо. Работа закаляет реакцию и внимание, что ни говори.

Венди взяла стаканчик и скользнула за угол. Не чтобы бежать и не чтобы прятаться. Момент, и она с незнакомцем стояла уже куда ближе. Кончик небольшой биты почти касался лба недруга.

— Попробуешь перехватить, я достану нож, — устало сказала Венди, отпивая какао из стакана. — И обещаю, что ты заскулишь как псина.

— Эй, не...

— Не мели языком, а зови остальных. Шваль.

Человек, прячущий лицо под капюшоном, даже издать звук не успел, как из-за углов вылезло ещё трое.

— Что за тон? Кто-то обидел, или как?

Один из них подошел ближе к фонарю. Он раздвинул плащ и продемонстрировал огнестрел на ремне. Венди отхлебнула какао, придерживая крышку пальцами. Какое же мерзкое чувство будет, если оно всё прольётся на шею.

— Ух ты, цепра-а. У меня такой штуки нет, — простодушно пожала плечами она. — Любопытная вещица. И опасная. Жуть.

Венди разозлилась, просто мгновенно. Она сама не знала, откуда берутся эти приступы ярости, и не считала их нормальными. Но сейчас было чувство, что она вырвет оружие из чужих рук и четыре раза выстрелит.

Девушка спустила рукав, и этого было достаточно. Она сделала несколько шагов к мужчине с оружием, так, чтобы стоять с ним лицом к лицу. Все они прекрасно видели красный браслет.

— А у меня только нож с битой. Но разница в том, что реши я хоть головы вам поотрезать, об обносках вроде вас никто не вспомнит уже наутро. А если ты меня сейчас хоть толкнёшь, Хтоника тебя и всю твою семейку пропустит через тёрку, я обещаю. Поэтому в глотку себе засунь свой ствол и трижды выстрели, папин бандит.

Она плюнула недругу под ноги и ушла в своём направлении. Злило аж до мандража. Такие только научились держать оружие в руках, а

уже важничают и выдают из себя вершину темной стороны. Чушь, просто чушь.

Венди уселась на рельс. Отпила какао, и по телу пробежало какое-то извращённое удовольствие. Она любила вкус дешёвизны. Даже если был выбор, она предпочитала то, что похуже — так почему-то казалось правильнее. Так, чай, который она пила, был явно покрыт каким-то налётом, от которого зубы будто скрипели. В нечастые случаи, когда она пила алкогольное, выбирала попроще. Так, чтобы любой другой бы отпрянул и сказал: «Ну какой это алкоголь? Это мерзкое пойло даже пить невозможно». Даже этот сырный какао — в нём ни запаха натурального сыра, ни настоящего какао — ничего. Просто жёлтый и коричневый порошки залиты проточной водой, только и всего.

— Ричард, а ну, слушай. — Она легла на спину и подняла куклу перед собой. — Тебе тоже легче дышится на свежем воздухе? Я читала, что все люди делятся на несколько типов по темпераменту. Как там?.. Первопроходцы, сновидцы, ураганы, колыбели и... эм... Ещё какой-то. Но это не важно. Мы с тобой сновидцы, Ричард. Эти люди могут воспринимать и впитывать мир даже с закрытыми глазами. Настоящие они раскрываются тогда, когда все остальные спят. И сами решают — пойдут они сегодня в другой сон или пригласят в свой. Ну, или решат побыть наедине, сам понимаешь. Точно про меня. А раз я тебя создала, то ты тоже что-то видишь во снах. Наверно.

Девушка положила куклу на живот. Одной рукой она прикрыла глаза, а второй обняла друга.

— На рельсе спать — это жуть, конечно. Но сейчас мы такие сони, что всё возможно, да? Тут хоть пахнет нормально.

Она замолчала. Её окутал стыд, который бы не понял никто другой. А ей было грустно, по-настоящему и искренне грустно от того, что приходится обманывать того, кто дорог. Пусть всё это и странно.

— Извини. Я всё никак не могу связать тебе друга. Всё время выходят какие-то задрыпанки. Мне кажется, что я разучилась вязать красивых и нормальных кукол. Как ты. Мне просто не хочется. И не получается, хоть я и обещала. Прости.

Она шмыгнула носом и постаралась успокоиться. Негоже плакать из-за такого, хоть и пустяком это ну никак не назовёшь.

— Всем нужны друзья, Ричард. Все здесь засыпают с мечтой о друге, а просыпаются с врагом у порога. Но тебя никто не обидит. Даже у самого страшного кошмара нет шансов против тебя. Потому что в каждую твою ниточку мы с мамой заложили очень много любви. Благоночь, мой маленький сновидец.

Глава 4. Смотрите, первый саженец

— Ты... Венди, эй. — Напарница поставила стаканы на лавочку и аккуратно коснулась плеча. — Ночью поспать так себе удалось?

Сознание чуть проснулось, и взгляд, чтобы казаться уверенным, сразу был направлен на собеседницу. Вроде не сонный. Вроде сойдёт.

— Нет, с чего ты вообще взяла?

— Ты задремала, пока я покупала сок. А сейчас ведёшь себя как резко проснувшийся человек, который пытается не выдать себя.

— А... — Девушка прикрыла лицо руками и зевнула. — Да это нормально.

— Так и не скажешь.

— Я просто, ну... ночью тоже в ансамбле. Играю. Днём так, а ночью для богачей. Много времени и сил уходит.

— Даже ночью? Опасно ведь, нет?

— Крышуют.

Они посмотрели друг на друга. Очень доходчивое объяснение одним взглядом. Венди как-то удалось без единого слова направить разговор по широкой дуге, миновав ненужные ей вопросы.

— Держи.

Моника протянула сок, и собеседница его залпом выпила. Сама же она ещё даже губами к стакану прикоснуться не успела.

— Мы можем перенести.

— Нет. Я не люблю долго спать, правда. Мне нормально, но спасибо за беспокойство. Плюс мы почти пришли.

В ответ только кивок. Не холодный, оттого приятный. Гостья не спешила с соком. Она как-то сохранила дар смаковать еду и напитки. Здесь, в Тораксе, это совсем не мелочь.

— Вкуснотища.

— Да. Тут не бодяжат. Пошли.

Проводница заметила, что хорошее настроение для Моника куда свойственнее, чем любое другое. Странно.

— «Как по-детски, — подумала она. — Чистой воды наивность».

— У тебя получилось в тот раз лечь к одиннадцати, как договаривались?

Венди совершенно забыла об этом, и её кольнуло чувство стыда. Не прошибло, а так, совсем мягко дало о себе знать.

— Да, я только хотела сказать. Ты опередила. Не получилось. Из-за бессонницы не вышло, увы. Вообще это сложно, вот так найти свободный вечер, надеяться, что не побеспокоят, и всякое такое. Правда.

— Я понимаю. Ничего.

— Пока так, а дальше посмотрим.

Тело давно было нездоровым. Ей хотелось не просто выспаться, а именно насладиться здоровым сном. Чтобы, перед тем как заснуть, не было отвратной изжоги аж до тошноты, чтобы никто рядом не скрипел зубами. Чтобы мышцы отдыхали, а не словно зудели, чтобы ноги перестали беспокоиться и прекратили болеть кости. Здоровый сон, казалось, когда-то выпал, как выпадали и клоки её волос. Она просто не уследила.

— Хорошо.

Моника улыбнулась и сунула руки в карманы. Будто ей было холодно, хотя погода была прекрасной для этих мест.

— Слушай, Венди, а тебе нравится играть в ансамбле?

— Ну... Да, нормально.

— А на чём играешь?

— Клавикорд. Знаешь такое?

— Клаве... син?

— ...корд.

— Знаю только ...син.

— Не так важно, думаю. А почему ты интересуешься?

— В моей голове не вяжутся ансамбли и сам Торакс. Несовместимые вещи. Будто котлета с мёдом внутри.

Венди рассмеялась. Ей нравились такие несуразные и глупые сравнения.

— Хорошо сказано. На самом деле везде ценится искусство. Здесь нет больших театров, но люди собираются в группы интересов. Посетители платят деньги. Здесь тоже ценят картины, музыку, всю эту чушь.

— Почему чушь?

— Ну, я образно. А ещё бывает, какой-то толстосум выкупает ансамбль на вечер или два, и тот играет перед его друзьями. Ну, такая вот своеобразная показуха, которая стоит хороших денег. У вас не так?

— У меня на родине туда ходят почти всегда или молодые люди, или пожилые. Юноши приглашают девушек, а бабули — дедушек.

— Парами, получается?

— Да. У нас очень мало развлечений на одного.

— Глупый Тотше. Мне бы там было скучно.

Моника пожала плечами, мол, ей и самой там невесело.

— Ну вот, гляди. То, что ты спрашивала. Парк аттракционов. Как думаешь, тут весело по ночам?

Целая уйма устройств, задача которых вызвать чувство свободного падения. И вертикальные, и косые, но все до одной яркие и живые. Будто и не Торакс вовсе. Моника тут же полезла за фотоаппаратом и листками.

— Ух ты! Ну, я думаю, что... да? Аттракционы, наверно, и ночью пользуются спросом.

— Странное предположение. И неожиданное. Но ты угадала. Просто не принято в Тораксе цапаться в этом парке. Это как данность. Мышки не прячутся здесь, потому и крысоловы тут не шастают.

Венди в который раз потянулась и зевнула. Чувствовала, что сон постепенно проходит. Поскорее бы.

— В Тораксе есть такие вещи, которые он устанавливает. Странные, но их стараются не нарушать. Поэтому за этим парком тебе могут все пальцы пооткусывать. Тебя выследят, подкараулят, а если не будешь высовываться, совершат тихий визит. Но никакой шумихи здесь, особенно в центре.

— А что за название странное?

Моника прищурилась и пыталась прочесть название на карте, но уже третий раз сбилась.

— Онтровистимный субцеппелон — старое литературное название. Вообще это «Атолл». Так называют.

— Интересный клочок. Сейчас, записываю. Та-а-ак. А ты катаешься иногда на всех этих штуковинах?

— Я? — хмыкнула проводница. — Это поможет твоей работе как-то?

— Нет, просто интерес. Мне интересно твоё отношение.

— Ну...

Венди хорошенько задумалась. Моника уже закончила с заметками, а собеседница всё не решалась выдать хоть что-то. В итоге сказала настоящую глупость, как ей показалось.

— Не знаю. В этом что-то есть. Кататься интересно, но я как-то не катаюсь. Не знаю. Ну... Не приходилось. Тут хорошо и, может, даже весело, но не совсем моё.

Она закатила глаза от того, что её ответ прозвучал невнятно, будто мямля пробубнила невесть что.

— Понимаю. Я бы тоже в таких местах подолгу не могла находиться, но разок-другой прокатилась бы. Здесь какое-то хорошее беспокойство, но всё равно. Нервно.

— Ну да, правильно. Нервно. Я согласна.

— Может по разочку?

Моника указала глазами в сторону главной карусели.

— Ну нет. Это по-детски, разве нет?

— Может, так, и что? — она улыбалась, будто вопросы Венди её чем-то смешили и забавляли. — В Тотше таких очень мало, хоть я и каталась на них. Выкидывает лишние мысли из головы.

— Я постою. Но могу подождать тебя.

Гостья засмеялась и пожала плечами.

— Ладно, распоясалась немного. Одной же не интересно. Пошли.

— Ты замечала, что у нас тут всё одноместное? Ну, то есть даже аттракционы.

— Да ладно! Я только сегодня видела две парочки, что прекрасно уместились и так. Девушки сидят у парней на коленях и на лавочках, и в заведениях.

— Район такой. Но, дьявол, а ты права, — Венди стало весело. — Ты, Моника, интересные тонкости замечаешь. До меня только дошло, что ведь и правда так. Молодец.

— И родителей с детьми много.

— Да! — аж охнула Венди. — Слушай, я и сама здесь гуляла. Вот эта дорожка, по которой мы идём. Раньше она, конечно, почище была. А ещё раньше, помню, растения были.

— Та ещё беда, к слову...

— Какая-токая?

— С растениями. Я в который раз замечаю, что их тут катастрофически мало. Я встречала только небольшие садики на частной территории. У вас вообще есть парки или скверы с ними? А то какой же это парк без растений?

— Нет. Дело в том, что тут лет так... двенадцать, что ли? Ну, не важно. В тот раз я тебе о «Древоточцах» говорила, помнишь?

Та протянула задумчивое «м-м-м», но явно давала понять, что ничего такого не припоминает.

— Главный концерн.

— А-а-а, так концерн. Я не знала их названия.

— Они покрыли асфальтом почти весь город. Тут и так не росло ничего из-за почвы. Известняк, кажется, называется, но не ручаюсь.

Какие-то деревьяшки в нём росли, но что-то срубили, а что-то не прижилось.

— Зачем?

— Свои цели. Без понятия, — досадно пожала плечами Венди. — На деле они тоже группировка, на которую работают другие. Официально они, конечно, нигде так не названы. Но мрачнят они не на шутку, похлеще других отморозков. Вообще система Торакса устроена совсем не так, как в других странах — так мне рассказывали. Тут просто кто-то тянет на себя, а кто-то уступает. Или достаёт нож. Или огнестрел. В общем, весь Торакс — это игра «на слабо».

— Не очень весело.

— Не очень. В детстве, в общем, по этой улице было гулять лучше, чем сейчас.

— И всё равно у меня не укладывается в голове. Почему люди не посадят растения? Вот прямо здесь. Не прося помощи у верхов. Их накажут?

— «Древоотцам» вообще глубоко плевать и на тех, кто попросит, и на тех, кто посадит. Просто знают, что никто не будет этим заниматься.

— Ну а почему так? — ещё рьянее спросила Моника. — Как же? Ваш город, ваш маленький уголок. Ладно, не спасти, где полный мрак, пьянчуги и полная разруха, но маленький клочок-то можно сделать лучше? А оттуда потянется, посадят ещё, и город озеленится. Это ведь не поезда тягать.

— Ну... — Венди всем своим видом дала понять, что не разделяет этого стремления. — Посади. Купи семена, купи почву, вскрой асфальт, подготовь место, обработай землю — и можно сажать. И следить за этим придётся не один год, ага.

— Это вас останавливает?

— Это нас не двигает. Остановились мы ещё до этого. Просто ради чего всё это?

— А тебе бы не хотелось идти по улице и видеть зеленый природный цвет? Настоящий, а не вот эту чушь. Разве не надоедает, когда весь город одного сплошного цвета?

Моника стукнула каблуком по серому слою под ней. На месте крепкого, старого и одноцветного покрова сложно было всерьёз представить что-то ещё.

Венди издала неоднозначный смешок. Это было желание, которое не хватило сил озвучить.

* * *

Разговор так и прыгал от темы к теме, от грустного к весёлому, вдоль нейтрального и обратно. Обе цеплялись не только за темы, связанные с Тораксом, но и личные. Ничего откровенного или наглого, нет, лишь скромное любопытство. Каждый ответ чуть лучше давал понять, кто именно идёт рядом. Что-то такое, о чём не узнаешь, сколько на человека ни смотри.

Обе постепенно привыкали, что спокойный вечер после такой длинной прогулки — та ещё доза удовольствия. После всех этих чужих взглядов, тысяч шагов, часто неприятных запахов и далеко не живописных образов вокруг маленькая каморка выглядела настоящим оазисом. Будто лежишь в горячей воде, весь измотанный и усталый, но так хорошо, что со всей ясностью понимаешь: «Ох и стоило же оно того. Ох и стоило же, дьявол».

Несмотря на сперва твёрдое «нет», Венди досталась половина ужина, который готовили каждому жителю пансионата. Порции и правда были большими, даже по меркам всех заведений, в которой ей доводилось быть. Она ела не за столом, а на кресле-качалке. Очень уж ей нравились эти плавные покачивания. Как маленькие волны, что то туда, то сюда. Во рту тает еда, а уставшее тело приятно растекается по плетёной спинке. И никаких тебе «подраться», никакого сбитого дыхания, ругательств и криков. Никакого йода, дьявол бы его сжёг.

Моника же сидела за столиком, как полагается. Они иногда пересекались взглядом, улыбались, но говорить — не говорили. Желание было, но вот силы бы к нему. Хоть немного нужно было перевести дух, посмотреть на гирлянды, цветастого ловца снов и странный металлический плащ, лежащий прямо на кровати.

— Моника, — проводница пересела на кровать и заговорила первой.

— Ау?

— Можно нескромный вопрос?

— Запросто.

— Если уж всё так закрутилось, что у тебя за мечта, ради которой стараешься? Ну, все эти твои записочки, фотографии и прочее. Если сказать про...

— Нет, не проблема.

— Нет?

— Нет конечно, — Моника издала бодрый и оттого, казалось, немислимый смешок. — Мне кажется, ты привыкла, что в Тораксе не принято чем-то делиться с другими. Я права?

— Ну-у-у... — задумчиво протянула Венди, — в этом есть доля правды. Цепра-а. Да, это так, если честно.

— Это не значит, что так во всём остальном мире. У всех людей ведь по-разному. Мне нетрудно делиться. Совершенно.

— Хорошо. Я это учту. Так и?..

— Мечта?

— Да.

— Как ты... — задумчиво улыбнувшись, протянула девушка, — относишься к людям с ароматом?

— Ну, учитывая, что он есть и у меня, то положительно.

— Ты владеешь? — изумлённо спросила Моника, получив в ответ короткий кивок. Тот её приободрил, и девушка даже выпрямилась. — Просто огромное совпадение. Я тоже! Это неожиданно. Это очень, очень для меня неожиданно. Тогда дай мне секунду. Буквально секундочку.

Девушка села рядом, закрыла глаза и начала дышать чуть быстрее. Она прекрасно знала, что делает.

— Знакомься.

Совершенно внезапно для Венди оказалось, что в комнате всё это время находился кто-то третий. Металлический плащ, что лежал рядом на кровати, начал медленно двигаться в их сторону. Он становился всё более текучим, как парафин внутри настольной лампы.

Серебристый спутник будто решил показать, что он вообще-то тоже живой. Сначала он стал и вовсе полужидким, а потом завис в воздухе перед Венди. Та охнула от неожиданности. Металл становился то вязким, то текучим, то снова твёрдым. Он походил на настоящего инопланетного зверька, который сначала превращался в кляксу, а потом обретал чёткую кубическую форму.

— Я не верю. Просто не верю, дьявол. Волшебство, самое настоящее.

Восторженная удивительным явлением, она смотрела на металл с обожанием.

— Цепра-а. Кошмар! Я такого никогда не видела. Могу потрогать? Моника одобрительно помахала головой.

— Попробуй медленно сжимать его.

Пальцы сразу обхватили металл, но тот был уже твёрже некуда. Лишь через несколько секунд он поддался и начал напоминать

серебристо-белое подтаявшее масло. Затем превратился совсем непонятно во что и начал просачиваться сквозь пальцы, как густая краска. В итоге на ладонях Венди был какой-то жидкий крем, который выглядел роскошно и аппетитно одновременно.

Когда металл перестал дурачиться, стало щекотно и смешно. Только мгновение назад упругий, будто пластилин, он снова стал кубическим и твёрдым. Кусочек за кусочком, он снова стал вереницами пластин, соединённых между собой. Тот же плащ, что и раньше.

— Цепра-а!

— Кошмар, не нужно столько ругаться, пожалуйста.

— Срочно расскажи мне историю. Как вы нашли друг друга? Много времени ушло на то, чтобы найти его? Ты сразу поняла, что это «оно»? И как быстро после Скрежета¹³ ты пришла к своему аромату? Это очень красивая реализация, и я, может, глупость скажу, но вы прекрасно смотрите. Гармонизируете просто... — Венди приложила пальцы к вискам. — ...Шедеврально.

— Стой-стой. Если интересно, то по порядку.

Рассказчица по очереди хрустнула пальцами, а Венди поджала под себя ноги и устроилась поудобнее. Смотрела она так, будто собеседница была тройной радугой над вечно серым мегаполисом.

— Тебе интересно то, как быстро я поняла, что можно управлять амарантином? Или причина, почему я выбрала именно металл?

— О, ну... Первое, для начала. Потому что здесь по пальцам можно сосчитать тех, кто знает о существовании ароматов¹⁴. Уже молчу о самих носителях.

— Два-три торнавидора¹⁵ с момента Скрежета.

— Чу-у-ушь. Слушай, Моника, ну это звучит как, самую малость... враки.

— Я абсолютно серьёзно. Был момент, когда я почувствовала порыв и отколола кусок колбы на расстоянии. Поэтому ничего не чушь. А вот прийти к тому, какую форму я хочу придать амарантину, было очень непросто. Меня всегда интересовала химия, поэтому я понимала, что мой аромат не будет абстрактным. Нет, я хотела что-то реальное и существующее, а не бесформенное. Здесь и сейчас, так сказать. Только вот свобода выбора была такой огромной, что ни одна нормальная идея в голову не лезла. В итоге, где-то через добрых

¹³ Скрежет — аномальный инцидент, в результате которого часть мирового населения погибла, а часть обрела вид энергии, называемый амарантином. Произошёл за два года до событий рассказа.

¹⁴ Аромат — то, в каком виде человек проявляет амарантин, которым владеет. Людей, которые обладают ароматом, называют носителями.

¹⁵ Приблизительно 40 дней.

полгода, я предстала перед выбором между двумя наиболее интересными для меня сферами, в которых я разбиралась лучше всего. Кислоты и металлы. Ну, а мой выбор ты только что увидела.

Моника рассмеялась и продолжила:

— Хотя кислоты — это тоже страсть, но эта тяга куда опаснее. Не было у меня желания становиться инвалидом из-за несчастного случая.

— Справедливо. Мне тоже металлы кажутся... В общем, не такими жуткими.

— Верно. Но, как водится, всегда есть «но» или «однако». В моём случае вместо выбора между двумя вариантами теперь у меня было свыше пятидесяти альтернатив. Каждый металл имел свою природу, каждый по-своему себя вёл. Некоторые мне не давались совсем, некоторые, наоборот, плясали как марионетки, но я не чувствовала с ними связи.

— Сколько ты перепробовала?

— Практически все, которые не опасны и не стоят по сотне триптихов за грамм.

— Основательно подошла к вопросу.

— До самого конца мне казалось, что даже слишком. Понимаешь, мне нужно было найти идеальный баланс. Его плотность, тугоплавкость и, самое главное, пластичность. К тому же, чтобы себе не навредить, важно знать реакции с разными температурами, кислородом и прочим. В итоге я потратила больше года, ища ответ буквально каждый день. Теперь я могу писать книги на эту тему. Чего уж там, было ощущение, что я сама готова стать металлом, — отшутилась Моника. — Но каждая секунда стоила того. Каждая секунда, Венди, потому что я нашла то, что искала.

Кусочек плаща снова ожил, медленно проплыл в воздухе по дуге и вернулся обратно.

— Алефарз¹⁶. Именно с этим элементом я чувствую себя абсолютно свободно. Могу как хочу изменить его параметры и вернуть их в изначальное состояние. У нас очень хорошая совместимость.

Венди рывком встала с кровати и вальяжно упала обратно в кресло-качалку. Пальцы начали тарабанить по ручкам, а эта энергия в ней, появившаяся так внезапно, всё никак не угасала.

— Хорошо, хорошо! Ну а Хикаридус что? Ради чего все эти экскурсии, если ты уже нашла, что нужно?

¹⁶ Алефарз — металл, добываемый только на северо-востоке Дамон-Тарра. По свойствам и характеристикам больше всего походит на тантал.

Моника загадочно улыбнулась и посмотрела на собеседницу так, будто знала секретнейшую из тайн.

— Эй, что за взгляд? Не смотри ты так. Ну что? Говори, не люблю все эти... — она помахала рукой, чтобы найти слово, но не вышло.

— Есть такая штука, Венди, называется «безупречный алефарз». В узких кругах его ещё называют «снегопадом» из-за белого-белого цвета. Это тот же металл, очищенный от всех примесей. Это кусочек чуда, которое невозможно создать в обычных условиях. Потому что «а» — нужно специальное оборудование и «б» — это очень дорого. Но результат — полный контроль алефарза. Металл, который я смогу понимать мгновенно и полностью.

— Такая вот, значит, ваша сделка?

— Да. Они мне не будут платить, как другим. Отблагодарят «снегопадом», если мою работу утвердят.

— Вы обговаривали детали?

— Все. Каждый диалог с кандидатом — это долгий разговор, в котором стараются прийти к взаимопониманию. Я хорошо подготовилась и выдвинула свои условия. Они сказали, что мне нужно сделать взамен.

— Очень мило. Я бы даже сказала, что это вдохновляет, правда. Но! Как там? Всегда есть «но» или «однако»? Ну, ты... ты не думаешь, что обманут?

— Нет, хотя и уверенной быть не могу. Хикаридус довольно лояльный и честный в плане таких вопросов. В любом случае не представляю, где бы ещё могла попытаться такую удачу. Но это то, ради чего хочется рискнуть. Это продолжение меня самой. Думаю, ты понимаешь лучше других.

— Да. Мне знакомо это чувство, правда. У меня оно бывает иногда, особенно когда ливень или гроза.

— А у тебя как? Что для тебя это «продолжение»? У него есть форма?

— Да, — Венди то ли замялась, то ли просто задумалась. — Но... Знаешь, я могу тебе сказать. Общую картину. Но это будет не совсем честно. У моего аромата есть суть. Суть, которой я пока не могу придать словесной формы, — девушка сильнее и сильнее уходила в себя и всё перебирала слова, но в голову лезло не то. — Я могу описать это, используя клише, но это будет не то.

— Ну и не выжимай из себя, — Моника произнесла это решительно, точно отрезала. — Вот когда будет момент, самый подходящий и нужный — тогда, а?

Они кивнули друг другу по очереди и будто дали негласное обещание. Одна — обещание ожидания, другая — откровения.

Проводница ещё пару раз качнулась в кресле. Убаюкивали эти плавные движения. Что ни говори, а из-за них хотелось задержаться подольше. Хотя, может, и не из-за них вовсе. Даже когда слова сменила спокойная атмосфера, Венди не спешила. Только когда часовая стрелка указывала на северо-запад, пришло осознание: пора. Ещё три покачивания на кресле, и она встанет.

Раз. И Венди задумалась, не прикупить ли себе такое же кресло.

Два. И в голове засела мысль, что сколько ни катайся, этого волшебного чувства она дома не найдёт.

Три.

— А ты не хочешь переночевать здесь?

В ответ ни слова, ничего. Брови не были нахмурены, настроение не было скверным, но на лице Венди проявилось это замешательство. Ступор человека, который ждал продолжения.

— Что смотришь?

— С чего вообще ты спрашиваешь о таком?

— Опасно ведь это — в темень идти домой, нет? А так можем посидеть, поговорить ещё и никуда не спешить. Это удобнее, чем шастать по улицам почти в полночь, нет?

— Ну... Мне правда нужно домой, — та растерялась. — Там... там дела. Ничего плохого по пути не случится.

— Хорошо. Просто предложила.

Первое, что всплыло в голове, — отец. На ночь у него были лекарства, точно. Их должно было хватить до завтрашнего вечера. Еда была в кастрюле. Второе — Хтоника. Браслет на руке молчал. Пока всё было спокойно, но свидания часто назначались внезапно. Она молилась всему, чему можно молиться, чтобы именно эта ночь была тихой. Пусть утром, хоть на целый день, но не ночью. Интуиция подсказывала, что в этот раз пронесёт. Должно пронести. Но с чего бы? Когда вообще эта интуиция была права?

Венди нужно было принять решение наобум. Уйдёт — будет жалеть всю дорогу по пути домой. И там до тех пор, пока не заснёт. Останется — и будет ждать вибрации браслета каждую секунду, из-за чего наверняка не сможет уснуть. Нет правильного решения. Просто нет. Венди не знала, как поступить, но пусть интуиция в кои-то веки окажется права. Самое время для дебюта. Самое время.

— Но их можно перенести. Да, думаю ничего страшного не случится. Я могу остаться.

Готовиться ко сну стали после полуночи. Пока они говорили, Моника записывала предложения на белой бумаге, но уже в заумной форме. Надолго её не хватило.

— Я могу спать здесь?

Венди села на стул перед зеркалом и положила голову на стол.

Она почувствовала себя в самой настоящей гримёрной, где актеры готовятся к своему выступлению. Правда, здесь не было никаких атрибутов вроде румян или ещё какой косметики — просто длинный резной столик и зеркало с красивой рамой.

— Где, на стуле? — растерялась собеседница.

— Да. Я не могу спать на кровати.

— Почему так?

— Проблемы. Заснуть почти невозможно. Не смотри ты так. Я привыкла, поэтому тебе больше места достанется. Так можно?

— Может, хоть на качалке?

— Нет, там тоже не усну.

— Ладно, конечно, — Моника замялась. — Если так удобно, то... Да, располагайся. А музыка? — Моника охнула и показала на внезапно проснувшееся радио. — Она будет мешать?

— Нет, оставь.

— Т...

— Точно. Оставь.

— Замечательно. Тогда гаси свет. Кнопочка у зеркала. Благоночь.

Девушка потянулась за кнопкой и между тем глянула в зеркало. По телу чуть ли мурашки не пробежали. Обычный оценочный взгляд, который рассматривал лицо. Собственное лицо, но будто и не совсем человеческое.

Отталкивающий образ. Несмотря на разрез глаз, который ей нравился, и приятную форму лица, это не был кто-то, кому хотелось довериться. Довольно безобидный вид, но так и просящийся вывернуться наизнанку. Тогда все отличия сами всплывут, о них даже не придется говорить. С губ, дарящих поцелуи, сорвётся сквернословие, а глаза сощурятся. Тогда и улыбка превратится в ухмылку, а язык захочет коснуться капли крови куда больше, чем воды. И даже волосы, что могут показаться затяжной каштановой нотой ниже плеч, окажутся просто спутанной проволокой.

От вида своего лица передёрнуло, а затем появилось желание съёжиться.

— Венди? — донеслось сзади.

Она тут же нажала на кнопочку, и уродливое отражение быстро вытекло из памяти.

«Пожалуйста, — просила она про себя, — пусть эта ночь будет спокойной. Пожалуйста, всего одна ночь».

Глава 5. Шистосомы. Это шистосомы

За всю ночь браслет даже не пикнул. Не получалось заснуть из-за тревоги, из-за чувства, что вот-вот придётся куда-то идти. Было страшно нарушить чужой сон и выглядеть странной. Всё равно, куцый и прерывистый сон стоил того, чтобы браслет молчал.

Темень началась в полдень.

В маленькой камерке собрались все из Хтоники. Настоящей Хтоники, без хлюпиков, которые работали за гроши, без тех, кто не понимал сам механизм группы. Пять пальцев одной руки, и всё, никаких рудиментов.

Дарко смотрел в пол, Шоэнт стоял так, будто вот-вот готов добавить словечко-другое, чтобы стало яснее. Бриккт развалился на широком порванном кресле с очень серьёзной миной — слушать он умел, особенно когда решался принципиально важный вопрос. Нерра красилась у зеркала, но слышала каждое слово. Венди единственная сидела как человек, которого совершенно никак нельзя было описать. Просто была.

— Мы прекращаем играть в угоду «Древоточцев», — начал лидер. — Вопрос принципиальный. Они нацелены на то, чтобы стряхнуть с себя блох, когда те кусают. У меня другой взгляд на вещи и наших врагов.

Нерра издала смешок: будто знала, о чём пойдёт речь. Дарко часто посвящал её в детали раньше других.

— Я хочу уничтожить «Цикл». Под корень, без шанса на дальнейшее существование. У «Цикла» есть сильные стороны. Первая — находятся те, кто к нему тянется. Второе — количество. Их много, и если они вычисляют местоположение какого-то звена, то давят. Но раз — они не умеют искать информацию и два — они боятся ночи.

— А ведь самое главное то, что, кто владеет информацией, к тому благосклонен Торакс, — добавил Шоэнт, сочтя важной эту ремарку.

— Это правда. У «Цикла» под крылом тысячи людей, которые придут и скрутят голову мне, тебе, тебе и даже тебе, Бриккт. Деревяшки¹⁷ работают над тем, чтобы быть лучше. В плане вооружения, в плане наёмников и количества.

— Мы с этим не согласны, — Шоэнт всё ёрничал.

— На эти пару тысяч бойцов есть всего несколько человек, кто сможет правильно указать, куда им нужно приходить. Информация, одним словом. Хтонику выдавит глаза, а не будет резать кулаки. Кулаки потом, после глаз. Понимаете?

Все кивнули, и только Шоэнт дважды повторил: — «Конечно».

— С этого момента мы сами за себя, как и раньше. Начнём охотиться на нужных людей, а не понапрасну махать битами. В этот...

Лидер внезапно замолчал, но так и не поднимал головы. Недолго, секунд, может, восемь. Венди и Бриккт переглянулись, но не подгоняли. Никто из пятёрки не мешал другим делать работу. Если ищется дорога, то все ждут сколько нужно. Если биты ломают хрящи и кости, то пусть ломают до самого конца. Если срочная информация находится за целый виад¹⁸, то никто помимо Шоэнта во всём мерзком Тораксе не откопает её быстрее. И коль Дарко молчит, нужно дать ему время.

— В этот необычный романтичный период я буду платить не в конце виада, а после каждого свидания. На четверть больше, чем обычно. Но будьте бдительны. Вы можете понадобиться в любое время. Не спускайте с браслета глаз.

Все кивнули, а Шоэнт снова принялся за своё. Он многозначительно махнул ладонями, словно начал показывать фокус, и достал из нагрудного кармана фотографию. Информатор показал её каждому, а потом протянул Венди.

— Ну, а всё начинается с этого человека. Она — наш первый шаг к разрушению «Цикла».

Промелькнул час, не больше. Палец проводницы указал на молодую девушку четырнадцати лет. Она не дошла домой — её поглотил один из переулков. Дарко не дал ей выкрикнуть, не дал даже тихонько пискнуть. Она открыла рот, а оттуда не донеслось ни звука.

Свидание планировалось внутри вагоностроительного завода. В Тораксе заброшенных зданий было в достатке, поэтому каждое

¹⁷ Деревяшки — просторечное название «Древоточцев».

¹⁸ Виад — временной отрезок в шесть дней.

одиночество — это что-то новое. В этом иссохшем строении свет падал в основном через выбитые квадратные стёклышки, коих было сотни. А дальше всё уже совсем родное: тень, ржавчина и пыль.

Венди смотрела на девочку и общалась с ней взглядом. Та боялась и дрожала, но старалась вести себя потише. Плач уже дважды кончался болью. Хныканье и всхлипы ужасно раздражали Нерру. Та не жалела пылкости и ругательств.

— Проблема не только в их лидерах, Бриккт, — спорил Шоэнт. — Самые опасные те детёныши, что притворяются обычными безмозглыми.

— Такие-то никогда не смогут даже поножовщину заделать. А лидеры могут и сами дать отпор.

— Нет. Те, кто шастают в толпе, опаснее. Это я тебе по опыту говорю, дружище. Словить их — это как отрезать нос муравьеде, понимаешь?

— Нет-то. Иначе всё. Плохой пример.

Внимание рассеялось. Венди считала, что каждый их спор беспочвенный и совершенно пустой. Они злили. Как Нерра, которая вечно ругается, курит и шипит. И саму себя Венди раздражала не меньше. Дешёвка, просто дешёвка. Жаль, нельзя наброситься на себя с кулаками.

— Что ты палишь на неё? — обратилась Нерра к девочке. — Хэй, хэй, я здесь.

Она легонько пару раз шлёпнула заложницу по щеке, пытаясь привлечь внимание.

— Венди, чего она на тебя пялится? Вы играете в гляделки?

— На тебя не очень хочет смотреть.

— Ха! Ну так я тоже здесь не сказать, что веселюсь. Та ещё скука паскудная. Может, в слова поиграем или ещё чего?

Девочка не ответила и только опустила голову. Тогда тон Нерры стал бодрее. Она стала на колени и обняла пленницу, но никаким дружелюбием и близко не пахло. Будто какой-то неврастеник, давящийся фальшивой улыбкой.

— Ведь тошнит уже ждуть. Почему твоя мамашка такая не педантичная? Почему опаздывает? — Девочка не ответила, и Нерра начала давить сильнее. — Как думаешь, есть шанс, что вы обе отсюда не выйдете? Дарко, эй! — крикнула она. — Кого первым грохнуть, напомни?

Тот промолчал. Просто покачивался на старом стуле, прикрывая ладонью рот и ожидая гостью. Совершенно другая реальность.

— Ясно-ясно. Бриккт! Готов цоколи¹⁹ резать, если что?

— Ну, скажут, то и порежу. Не спедай пока.

— Нет-нет, стоять. Не хнычь, — отреагировала Нерра на шмыганье носом. — Чего завелась? Я разговориться хочу.

Особенности её характера редко когда позволяли сблизиться с человеком, который не варился с ней в одной каше. Она любила заводить знакомства, но те очень быстро рушились из-за недопониманий. В рыжеволосой бедняге читалась непонятая, вырытая из-под грязи искренность, к которой обычные люди, все как один, решили не прикасаться.

Нерра достала из заднего кармана маленькое жало и прошипела, схватив заложницу за воротник.

— Не ной. Не действуй мне на нервы, я тебя очень прошу.

Та грязно выругалась, и Венди сделала то же самое в ответ. Совершенно спокойно, будто с мешком грязи общалась. Внимание быстро переключилось на неё, и девочка осталась сидеть, как и прежде.

— А ты не подвывай тут, шваль. Не подвывай, ладно?

Сильные руки легли на её шею, но Венди ничего не ответила. Не первый опыт, поэтому знала, как нужно себя вести. Она развела руки в стороны, но не попятилась назад и не попыталась вырваться. Пусть говорит, главное сейчас — молчать.

Это подействовало. Нерра вылила грязь, а потом её отпустило. Села и продолжила ждать. Каково же было её счастье, когда послышались чужие шаги. Наконец.

— Мама! — крикнула девочка, но женщина жестом сказала подождать.

Женщина волновалась. Скрывала дрожь. Но держалась молодцом, стоило признать.

— Я пришла, как вы и просили. Пожалуйста, теперь отпустите мою дочь. Прямо сейчас.

Дарко жестом попросил сесть на стул перед ним. Хтонику оцепила вокруг, выстроившись в полукруг. Посередине были двое, они и вели разговор. Никаких повышенных тонов, никакой слабости или жалостливых просьб.

Дарко облокотился о колено. Ладонь прикрывала рот, будто его тошнило.

— Пораскинь мозгами. Мы позвали тебя сюда, чтобы отдать тебе ребёнка и пустить наружу? Это звучит логично?

— Нет.

¹⁹ Цоколи — на жаргоне значит то же, что и шеи.

— Я хочу логики. Подумай сама, что звучит логично?

— Вам нужна информация. И вы её получите, клянусь.

Лидер щёлкнул пальцами. В точку. Он молчал, а женщина не смела говорить. Другие — да, могли вякнуть словцо-другое, совершенно неуместное. Но наблюдали. Венди непричастно, якобы привести на скотобойню и забить — вещи совершенно разные, и она ни в чём не виновата. Бриккт безразлично, словно предстояло подвесить на крюк двух скотин. Нерре приходилось сдерживаться, ведь за ней была любимая часть — разделка. Шоэнт и не думал пачкаться, а сохранял важный вид. Его дело — аккуратно положить кусок мяса на плиту. И Дарко. Сожрать вместе с разделанной тушей.

— Я могу исполнить одно твоё желание. Загадывай.

Молчала. Долго, но никто не торопил. Взглядом он давил куда сильнее, чем словами.

— Отпустите меня и мою дочь. Не преследуйте нас. Не приближайтесь к нашему дому. Вычеркните нас из вашего существования.

— У нас есть разные цели, — объяснил Дарко, достав из нагрудного кармана пару фотографий. — Каждого из этих людей мы хотим навестить.

Он начал бросать изображения перед ней. Какие-то лица были знакомы, какие-то нет, но последняя фотография, что упала прямо перед ней, говорила сама за себя.

— Знаешь?

— Не нужно. Умоляю.

— Ты знаешь её?

— Да. Это моя знакомая по работе.

— Это твоя сестра.

— Да... — замялась женщина. — Мы...

— Нам нужно понимать, где она.

Шоэнт сам понял, не понадобился даже какой-то кивок. Информатор положил перед женщиной лист и карандаш. Лидер продолжил.

— Имя. Клок. Улица. Квартира. И всё.

— Это же можно решить. Я вас прошу, — собеседница сложила руки, но всё так же держалась умницей, — я умоляю, не нужно. У неё больной сын, он сам... не справится. Не сможет. Я вас прошу, они нужны друг другу.

Он подождал, пока она успокоится. Пока все «умоляю» иссякнут. Посмотрели друг другу в глаза. Во взгляде женщины читался вопрос

альтернативы, и Дарко запросто на него ответил — покосился на девочку.

И тут же неизвестное стало явным:

«Кетагея Нейш, Церебрал, шрифтовой дом, 5».

Дарко положил локти на стол и закрыл лицо ладонями. Женщина нервничала, остальные ждали. Со стороны — лидеру сейчас было тяжелее всего.

— Можно ведь было загадать что угодно. Ты могла сказать: «Я хочу уехать из Торакса со всей своей семьёй». Или «Больше никогда никому не причиняйте вред». «Убейте друг друга». «Я хочу, чтобы Торакс вылечился». Такие, как ты, мечтают об этом, я знаю. А в итоге что? Две и так мёртвые жизни? Замазывать всю грязь города тоненьким слоем эгоизма? Подумать только. Знаешь, это как мелком попытаться зарисовать весь асфальт.

Дарко поднялся. Не заложницы начали уходить с завода первыми, а Хтонику. Остальные, а он развязал девочку. Та не встала. Прежде чем выйти, лидер замер у столика.

— Вы корчите из себя настоящих, но даже мечтать разучились. Даже в самых ярких фантазиях вы не можете вспомнить, что такое счастье, но всё равно отрицаете настоящий мир. Ржавчина, а не люди, — он стёр черную тонкую струйку с уголка глаз.

На стол упала последняя фотография, что до этого была в другом кармане. На ней был мужчина, хорошо знакомый обоим сидящим. Не получилось даже крикнуть. Она вдохнула, а потом выплюнула дёготь.

— Шёпотом.

Тогда женщина упала на колени и впиалась пальцами в фотографию с родным человеком. Хтонику уже растаяла. Только Торакс чувствовал, что в желудке появилась ещё одна полусирота и очередная вдова. Не утопленные, повешенные или расфасованные по пакетам. Повезло. Значит, всё идёт своим чередом.

* * *

Имя было важным для поиска, важнее была только внешность человека. Проводница рванула по следу. Она никогда не видела длину дороги, по которой идёт, только несколько шагов перед собой и самый конец, если очень постараться. Необычайно долго они бродили по переулкам, выходили на широкие улицы и даже

забирались на крыши. Тропа запутывала. Она вела, дьявол знает куда, потом вилась вокруг дома и тратила время.

— Бред. Конечная точка отличается от той, что на бумаге.

— Она что, знает, что мы идём? — Бриккт был спокойным, в отличие от Нерры.

— Если та женщина нам соврала, я вернусь и откручу ей голову. А она соврала.

— Бросьте, эта ласточка из «Цикла», ребята, — Шоэнт хохотнул и на ходу зачесал светлые волосы назад. — Не забывайте, на кого мы охотимся. Она может понимать правила игры.

— Чудо. Попробуй ещё раз. Посмотри, что там в конце.

Венди собралась. Невероятно тянуло домой, как бы противно там не пахло. Последний рывок, она надеялась. Все ждали, а проводница видела потемневшие цвета комнаты. Внутри было два человека, а квартира — типичная ухоженная дырень.

— Цепра. Она где-то очень недалеко.

— Торакс?

— Да.

— В квартире?

— Я вижу поезд. Это не квартира.

— Поезд движется?

— Нет.

— Станция? — вмешалась Нерра. — Тут рядом стекольный вокзал. Там? Или компасный? Или...

— Я что, их отличать должна, эти вокзалы? Я не знаю.

— Не нужно, — Дарко махнул рукой. — Мы не будем делать это на станции.

— Она же убежит.

— Пусть бежит. Уедет из Торакса — тем лучше. А не уедет — так мы в любом случае найдём. Найдём же, Шоэнт?

— Прр! — он фыркнул. — Ну а за что ж ты мне платишь, дорогой Дарко?

— Отлично. Предлагаю расходиться.

— Когда, мать его, кутёж? — занервничала Нерра.

— Как «Цикл» задохнет, так сразу.

— Ты сейчас ходишь по очень, катастрофически тонкому льду, Брикки. Если сейчас всё накроется из-за тебя, то попрощайся со своими погаными усами. Я их сбрую, пока спишь, и сожгу, чтоб обратно не наклеил.

— Я согласна, — поддакнула Венди. — Если честно, я тоже очень за. Давно не проветривались.

— Дарко, ну? Неужели сам не скучаешь?

— Хорошо. Организуй, Нерра. Я не против.

Та расцвела, будто ей в любви признались. Улыбнулась и сжала кулаки.

— Одно предложение растопило сердце, — девушка обняла лидера и переключилась на напарницу.

— Ты чудо чудесное, Венди! Вот прости, что перебарщиваю с руганью. Забываю иногда, какая ты лапочка.

Руки аккуратно обвили вокруг шеи, как это было с Дарко пару секунд назад. Хватка, из-под которой не выберешься. Когда Нерра была в таком настроении, какая-то бесформенная тревога пропадала. Никаких фокусов. Пах этот человек чуть приятнее, чем выглядел, а выглядел много лучше, чем звучал.

Нерра явно хотела что-то сказать. Проводница надеялась, что ни слова больше не прозвучит. Так и произошло. Все получили деньги и молча разошлись.

После неудачного свидания Венди вернулась домой. Отец спал, а квартиру окутала тишина, как и всегда. Она зажгла палочки, и дым постепенно начал бороться с неприятным запахом. Внутри засело какое-то чувство: то ли паника, то ли ещё что. Будто вот-вот увидит в окне какую-то чушь. Или в дверь громко постучат. Или человек в кровати уже умер, пока её не было.

Та подошла, ладонью проверила дыхание. Не умер. И всё равно паника гарцевала в ней, даже не пряталась. Щелчок. Венди зашла в ванную, дрожащими руками включила душ и, не раздеваясь, села под теплую мутную воду. Согревало, особенно когда затекало за шиворот. Сегодня она вымоталась куда, куда сильнее обычного. Нужно хорошо поспать. Никаких прогулок завтра, никакой Моники. А пальцы всё сжимаются, точно пульсируют. Так, может, спокойнее. До чего ж мерзкий гул в ушах.

Она скрючилась, поджала ноги и легла на бок. Уровень воды постепенно подымался, не доходя пока и до глаз. Руки прислонились к сердцу, чтобы согреться, чтобы то оттаяло хоть немного. Человек лежал в воде, не двигался вовсе и мыслил о непостоянном: рассеянном человеке и человеке рассеивающем, то ли удушающем, то ли удушенном. Мысли крутились вокруг Дарко.

Венди вспоминала: взгляд его был сознательным и бегал только тогда, когда Дарко не смотрели в глаза. В зрачках его не читалась невменяемость. Не читалась потому, может, что тонула в чёрном

цвете. Сам Дарко сливался со своей тенью, а в тени той трансцендентное читалось: не поймёшь, то ли он являлся человеком, то ли носил на себе эту личину, удачно сливаясь с остальными.

Как-то раз, в обострение своей романтики, он с Венди гулял по болоту и отнял жизнь у грибника, который шастал там. Говорил он с ним неспешно, пока тот лежал без сознания от неожиданного удара. Говорил, ему казалось, полюбовно, но когда жизнь отнял — стал сам не свой. Глаза налились слезами, а он всё вопрошал: «Куда он умчался, Венди? Куда он так быстро убежал?».

Искал его за близлежащими деревьями, рылся в грязи и совал руки в муравейники, а тела убитого в упор не видел. Уже потом, петляя меж улиц, он догадался, озвучив вслух: «Меж смыслов спрятался. Меж смыслов». И рассмеялся.

Тогда-то она и поняла, что с покойниками у Дарко хромые отношения — ускользают они от него, лишь жизнь из тела выпархивает. Секрет этот лидер попросил никому не рассказывать. И казался с тех пор он тем, кто сути смерти не понимает, но жизни всячески сторонится, если не сказать, что презирает её. Отнимал искру он, не чтобы увидеть смерть и разгадать её, но чтобы жизнь не мозолила глаза. Слишком ярко она светила сквозь веки его.

Венди встала, не выключая воду. Снова посмотрела в зеркало, чтобы увидеть неприятное. Свой спазм удовольствия — лезть на рожон, заранее зная, что уколешься взглядом. Но дело было в другом. Она присмотрелась, прищурилась, и сердце стало. Пальцы оттянули левое веко. Прямо под радужкой было продолговатое существо черного цвета, что медленно изгибалось. Паразит. Венди не двинулась. Моргнула. Медленно ползёт. Шевелится. Всему телу ниже плеч стало катастрофически холодно.

— Цепра, — тихо ругнулась она и начала повторять это слово снова и снова.

Руки задрожали ещё сильнее. Хотелось крикнуть, но вместо этого ещё раз моргнула. Живое. Под радужкой что-то чёрное и живое. Она отпрянула от зеркала. Осмотрелась по сторонам, ища ответ, что делать. Попыталась выключить душ, но выронила из рук. Грохот, а за ним и скрип стиснутых зубов. Венди переделась, погасила свет и забралась на подоконник. От страха сводило живот. Плед лишь слегка помогал не дрожать. Голова трещала от паразитов.

Глава 6. Биари всех победит!

— Мать честная, — охнула Моника, открыв дверь. — Тебе плохо? Венди махнула рукой, мол, так себе. Её пригласили внутрь.

— Что-то случилось?

— Мы должны были встретиться, — промямлила гостя. — Сегодня в... двенадцать, да?

— Мы переносим встречу. Это очевидно. На тебе вообще лица нет. Что случилось, Венди?

Та вяло провела ладонями по лицу.

— Есть просьба. Отнесись с пониманием.

— Хорошо, я слушаю. Тебе принести перекусить или попить?

— Нет. Я могу просто у тебя поспать немного? Пару часов, я не буду мешать.

— Конечно. Само собой... — та растерялась. — Ложись на кровать и спи сколько нужно.

Венди посмотрела на неё исподлобья тяжёлым и очень усталым взглядом, будто над ней издевались.

— Забыла. На стул, да?

— Кресло, если можно. Думаю, покачивания очень помогут. Спасибо. Лучшая, — с трудом выдавила та.

— Ты ночью вообще не спала? Опять работа? Это же не нормально.

— Просто не шёл сон. Секунду.

Венди зашла в ванную и заперлась. С трудом удержалась, чтобы не сесть прямо на пол. Подташнивало даже от того, что она просто стояла. Девушка включила воду и, пока шум от неё перебивал тишину, кашляла в рукав, пытаясь откашлять какую-то гадость, застрявшую в горле комом. Горло перестало чесаться так сильно.

Но суть была в другом. Зеркало. Трижды проверила глаза. Оттягивала веко и вверх, и вниз. Никого, как ни смотри.

«Может, уполз?» — пронеслось в голове.

Появились сомнения. Вчерашнее зрелище могло быть и миражом. Несмотря на чудовищный недосып, она чувствовала себя не так

плохо, как ночью. Тошнота, холод в конечностях и вялость — привычно, ничего нового. Главное, чтоб без паразитов в глазах.

Венди выключила воду, вышла и выпила стакан воды, что всё же стоял на столике и предназначался для неё.

— Отпад. Спасибо.

На этом чудо-кресле удалось найти удобную позу практически сразу. Спина была расслаблена, голова упиралась на мягкую подушечку, а ноги не касались пола. Венди заснула почти мгновенно.

Уже потом, спустя целый океан чего-то невесомого, мысли стали приятными и простыми. Взгляд застыл на мигающих светлячках. Добрых, что то угасают, то появляются снова. На лице улыбка, она прямо ощущала её. Тут нужно быть совсем бесчувственным, чтобы не улыбнуться. Запах лёгкий, какой-то цветочный, приятно оседающий на нёбе. Тело расслаблено и двигается то чуть вперёд, то назад. Аж мурашки пробежали от наслаждения всем происходящим.

— Вроде обычные гирлянды, а ты на них уже с десятков минут смотришь.

— Моника, — произнесла она теплым тоном. — А сколько я спала?

— Часов с пять, около того.

Венди затажно хмыкнула, не отрывая взгляда от того, что притягивало.

— Ты не представляешь, какое я сейчас блаженство испытываю. Дьявол, я и не помню, когда так приятно высыпалась. Спасибо тебе огромное.

— Пустяк, — та отложила диссертацию в сторону и встала. — Радует, что тебе легче. Я сейчас за обедом пойду. Нужно перекусить.

— Я думала, что вот оно, блаженство, — голос звучал лениво, но лень эта очень быстро отступала, — а ты напомнила ещё и про вкусный обед. Теперь моя идиллия не совершенна.

— Так усовершенствуем её. Хотя обеды тут так себе, как по мне. Много, но вкус посредственный. Секунду.

— Стой. Стоп-стоп. А мы пойдём шастать, куда тебе там нужно было сегодня?

— Не лучше перенести? Темнеть начнёт меньше чем через четыре часа. И у тебя, мне кажется, сил не так много пока.

Венди вскочила с кресла. Стоило совсем чуть пораскинуть мозгами, чтобы понимать, что да как. За один день Шоэнт вряд ли что-то накопает, это всегда занимает чуть больше времени. Скорее всего, вылазка будет завтра днём или вечером. Самое раннее — этой ночью,

самое позднее — дьявол его знает когда. Но точно не этим днём. Не хотелось пропускать абсолютно реализуемую возможность.

— Я *полностью* выпалась и *полностью* готова. Ну темнеет, и что? Пройдёмся столько, сколько сможем, потому что в ближайшие дни из-за моей работы может не получиться. А ты, если просто ленишься, найди в себе силы, будь добра. Не сидеть же здесь целый день?

Собеседница потянулась и хрустнула каждым пальцем руки.

— Я тебя, конечно, не так хорошо знаю, но откуда такой порыв? Не похоже на тебя.

— Выпалась. Видишь, что делает хороший сон?

— Я это и так знаю. А вот ты возьми на заметку — в следующий раз, может, махнёшь рукой на свои ночные ансамбли и нормально отдохнёшь. И вот, да, — Моника протянула две круглые монетки. — Память в дырочку, потому забыла. За прошлый и этот раз.

— Давай потом? Терпеть не могу брать деньги наперёд.

— Ну так хоть за прошлый раз возьми. А?

— Слушай, ты давай собирайся и тащи поесть, — прищур лишь подчёркивал, что тема не стоит дальнейшего обсуждения. — Финансовые вопросы всегда уступают вопросам сытости, сама знаешь.

— Твоя взяла. Мне как раз поступила очень своеобразная просьба от комитета. Нужно наведаться в одно странное местечко, но ненадолго.

— Куда угодно, — проводница заметно приободрилась. — Я этот город знаю как свои пять пальцев. Можем пойти вообще куда угодно, главное — не сидеть на месте.

* * *

Венди ругалась и не подбирала слов, чтобы звучать хотя бы сносно. Гадость за гадостью лились вульгарности из её рта, и сейчас дела не было до того, чтобы прослыть человеком культуры, а не матершинницей.

— Прекрати, пожалуйста. Ты перебарщиваешь.

— А как тут ещё скажешь, а? — возмущения всё же переплыли в простое ворчание и недовольство. — Знаешь, нужно было сразу по существу говорить, куда мы пойдём, — жаловалась Венди, плетясь чуть позади.

— И, что, тогда не пошла бы?

— Пошла. Но хоть бы морально подготовилась. Как-то.

Моника выглядела куда спокойнее, наверно, из-за прочного слоя алефарза позади неё. Она много фотографировала, но шла вперёд так, будто уже сто раз здесь была.

Место, в которое их занесло, было сплошной топью, пестрящей не столько зелёным, сколь ржаво-коричневым. Воды здесь было много, месива, из-за которого чавкает обувь, не меньше, но всё равно это место без строений и людей оставалось одним из клоков. Здесь водилась рыба, росли грибы и ягоды, даже кваканье откуда-то доносилось, но все они терялись на фоне ничейной трясины. Глупый человек назвал бы эту атмосферу умиротворяющей, бывалый — удушливой, а человек, чувствующий Торакс сердцем, сказал бы: «Без уюта, зато торжеством отдаёт. Как в гостях».

— Отлично, расскажи мне, пожалуйста. Вот просто что придёт в голову, то и расскажи, а то много баквок вокруг этого места слышала.

— Да что рассказывать? Тут люди пропадают. В Гавани²⁰ поселилась какая-то дьявольщина, рядом с которой находят мёртвые тела.

— Давно?

— Пару лет. И всё равно сюда забредают какие-то идиоты, которые в конце концов окочуриваются.

— Насколько я знаю, эта дьявольщина живёт в лужах. Многие местные рассказывали, что видели, как она именно оттуда выныривает.

— Да. Эта мерзость может повести как угодно, поэтому не подходи к озёрцам. Вообще не подходи к воде. И смотри, куда наступаешь. Говорят, их трудно заметить. Гадостная Гавань, чтоб её.

— Да тут же почти везде озёрца да влажная почва, — осмотрелась Моника.

— Значит, почти никуда не подходи. Я вообще не понимаю, какая необходимость в такой чуши. Торакс, конечно, тот ещё свинарник, но там хоть знаешь, чего ждать. Нужно было послать подальше этих твоих... этих тупых... кочерыжек с такими заданиями.

Спутница осматривалась, но вид её был более взволнованным, чем раньше. Пока та смотрела по сторонам и изредка записывала, Венди то и дело бубнила, переминалась с ноги на ногу и крутилась — мало ли что. Эта суета, пожалуй, и отвлекла Моника: она прикоснулась к своему плащу, и тот, став жидким, метнулся к напарнице. Алефарз начал принимать подходящую форму, закрывая корпус от шеи до колен.

— Ау! Что ты?..

²⁰ Гавань — болотистая местность, которая находится на востоке Торакса.

— Скажешь, когда будет впору.

— А зачем это вообще? Ну... вот так. Нет, чуть ослабь. Давит. Вот... Да, кажется... Нормально.

Венди сразу принялась осматривать своё новое облачение и гладить его руками. Глядя на металл, на её лице появилась первая улыбка за всё время нахождения в этом месте.

— И зачем?

— Так тебя не покусают, не поцарапают и не проткнут. Ну, в большей степени. Чуть увереннее себя чувствуешь?

Венди со всей силы надавила на металлическую пластину, а потом стукнула по ней — хоть бы хны. В глазах сверкнуло восхищение.

— Точно лучше, чем было.

— Позволь спросить? — Моника уже не смотрела и принялась щёлкать фотоаппаратом. Весь разговор шёл вслепую.

— Да?

— Зачем ты ходишь босой?

— О, из-за земли. Мне... мне она нужна, хоть иногда.

— Тебе нравится ощущение живой почвы под ногами?

— Да-а-а, — мечтательно и с наслаждением протянула она. — В Тораксе везде асфальт, а сюда, в Гавань, я очень боюсь выходить. Да чего уж там, все боятся. Редко удаётся выловить момент, вот и сняла обувь. А что, тебе это кажется...

— Нет-нет. Это забавная особенность. Милая, что ли.

— Милая?

Когда мелькнул огонёк из аппарата, раздался смех Венди. Редкий. Будто щебетание, но такое нечастое.

— Ну даёшь. Ты не мастер подбирать наречия, честно. Это что угодно, но не мило.

— Причудливо.

— Чудно́, скорее. Цепра-а!

Девушка прикрыла рот, надеясь, что это было не сильно громко. Она указала пальцем на чёрное пятно в нескольких шагах от них. Голос не мог выдать ничего, кроме шёпота.

— Это оно! Дьявол...

— А ну, тихо. Стой.

С брони Венди слетел небольшой пласт и, как мёд, обвился вокруг ладони хозяйки. Та сделала шаг, второй, затем третий. Аккуратно, стараясь не утратить внимание.

— Оно вообще живое... — дрожал голос позади. — То, из-за чего люди умирают?

Чёрное густое пятно на листьях было размером с кулак. Словно зыбучая краска, которая бурлила жизнью. Внутри явно что-то было, но не спешило показываться наружу. Воображение уже само додумывало неизвестных миру насекомых, страшных паразитов или ещё какую нечисть.

Моника оценила ситуацию и, как всегда, доверилась своей логике. Она гласила, что ни в коем случае, каким бы ни был уровень интереса, нельзя подходить ближе, чем на расстояние пары шагов. Хоть дрянь, живущая внутри, не вылезала наружу, сама жижка казалась опасной и более чем живой. Поэтому к неизвестному источнику потянулся тот, кого было не жаль — металл.

Алефарз приобрёл чашевидную форму и зачерпнул в себя чужеродной краски. На него тут же рванулось жало, точно иголка на странной плоти. Не пробило, но колело ещё и ещё. Металл быстро переиграл врага: чашечка начала превращаться в пустую сферу, и жало застряло внутри. Усилие, и алефарз откусил кусок существа вместе с жалом. Добыча оказалась внутри сферы. Шарик вернулся к хозяйке, и она медленно шагнула назад.

— Уходим, хорошо?

Раздался всплеск. Совершенно обычная лужица возле Венди быстро почернела, и оттуда вмиг вылезло ещё одно жало. Оно тут же потянулось в сторону ноги ближайшей цели, но врезалось в металлическую стенку — брони на ногах Венди стало больше. Та пискнула, Моника нет. Игла обогнула стенку и практически сразу наткнулась на ещё одну преграду. Там, где у обычных игл было ушко, у этой находился маленький глаз, который совершенно точно моргнул.

— Бежим срочно!

Крик привёл Венди в чувство. Она развернулась, схватила спутницу за руку и рванула вперёд так, что Моника едва успевала. Казалось, всё позади обрастает чёрными пятнами, а вся вода в Гавани — лишь маскировка для этой мерзости. Вот-вот что-то вынырнет, вот-вот прямо на пути вырастет чёрная стена. Девушка смотрела под ноги, и лишь к концу пути хватило смелости начать оборачиваться назад. Выдохнули обе только тогда, когда прошли под аркой, ворота которой были выбиты давным-давно — визитной карточкой города с потрескавшимся асфальтом.

* * *

Венди говорила так много, что это совсем не походило на неё. Она уплетала свою порцию супа, не в силах утаить всего, что думала. Сейчас, наконец придя в себя, удавалось подобрать слова. Выразить их получалось очень эмоционально.

— Я чуть не отъехала. Нет, серьёзно, если бы оно попало в кожу, уверена, можно было бы рыть ямку уже сейчас. Дважды, — она даже пальцами показала. — Ты дважды спасла меня.

— Тебя ступор охватил?

— А?

— Ты несколько секунд как вкопанная стояла. Меня скорее это перепугало. Подумала, что оно влияет на сознание или вроде того.

— Я вообще не могла пошевелиться. Вообще! Я думала: «Всё пропало. Нет смысла бежать, потому что сейчас как уколёт». Как-то я на подсознательном уровне решила, что меня уже можно хоронить. А когда ты крикнула, мозги будто на место легли.

— Это и правда что-то... Что-то чуждое даже Тораксу, не знаю. Понятия не имею, что комитет будет с этим делать, но фотографиям и нашему трофею, уверена, он обрадуется, как ребенок конфетке. Но мы больше ни ногой. Фу, — её передёрнуло.

— Моника, ты знаешь про право храбреца? Так вот, я тебе дарю его.

— Первый раз слышу. Но мне заочно приятно.

— Ну, у нас в Тораксе есть такое правило. Если человек вступился или помог кому-то, ему полагается подарить право храбреца. Звенья помогают звеньям, а обычные люди иногда выручают друг друга. Но должно быть так, чтобы сама жертва этого не ожидала, а для защитника был риск. Я вот честно не ожидала, что металл так быстро меняет форму и поможет. И я прекрасно понимаю, что ты могла убежать, дабы целее быть. Но не убежала.

— Хорошо, а суть права?

— Это способ отплатить. Принципиально важный, хочу заметить. Здесь у нас так: если будешь плевать на редкие хорошие вещи, быстро окажешься под землёй. И из-за того, что так принято, есть люди, которые этим правом храбреца спекулируют. Мол, я же вам помог, значит, ваша очередь. Но я не такой человек, и мои слова искренни. Просто держи в голове.

— Спасибо. Но так бы и сказала, «должок». Я бы поняла быстрее.

— Это не должок! Ты со мной супом поделилась — вот это значит, что за мной должок. А речь о риске жизнью. Тут на такое редко кто идёт, я тебя уверяю. Но ценит такое каждый — и толстосум, и торчок,

и вообще любая тварь. Но помогать стараются богачам. Из-за выгоды, конечно же.

— Хорошо. Разницу поняла.

Венди кивнула и откинулась назад, уставившись на потолок. Приятное тепло.

— А у меня серьёзное предложение есть к тебе. Не право храбреца, но тем не менее.

— Какое такое?

— Может, ты всё же попробуешь уснуть на кровати? Мне интересно, как это вообще — не мочь спать так, как все люди. Может, ты уже так отвыкла, что и не пробуешь? Скоро темень, так...

— Разве мы в тот раз договорились не об одной ночёвке? — Венди нахмурилась.

— Так можно же передоговориться. Тоже дело мне, я тебя умоляю.

Она вела разговор умело: бодрый, шутливый тон ни к чему не принуждал, а звучал достаточно дружелюбно, чтобы пойти против него. Искреннее желание таилось за незамысловатыми фразами, а если бы и это не сработало, Моника бы отмахнулась, мол, просто шутит. Венди это слышала, но не знала, что ответить.

— Ну, слушай... — она замялась, — всё тяжело. Те же выступления. Иногда они бывают посреди ночи.

— Мать честная, да просто просыпайся и иди куда нужно. Я вообще не понимаю эти ночные ансамбли, но местная логика — это местная логика. Просто не стоит бояться меня разбудить, я же не вельможа там какая-то.

Захотелось подыграть.

— Что, так просто взять и остаться?

— А что сложного? Принять решение — дело пары секунд.

— Да что ты?

— Серьёзно. Если не забивать голову и не искать поводов отказаться, то раз, — Моника щёлкнула пальцами, — и всё получится. Ведь если бы были настоящие причины не делать этого, «нет» уже давным-давно бы прозвучало. Ты если боишься, что заговорю тебя насмерть, то обещаю болтать поменьше.

Моника юлила, но как же она умела расположить к себе. В этих её фразочках не ощущалась манипуляция, лишь лёгкая недосказанность, которую вовсе не обязательно замечать. Оттого и настороженность утихала, и враждебность так и не дала о себе знать.

— Виляешь. Слышу, Моника, виляешь, — прозвучала не претензия, но желание впредь говорить на равных, без фокусов. — В чём дело, а?

И двусмысленность, если потешную игру в намёки вообще можно было назвать двусмысленностью, пропала. Два не так давно знакомых человека говорили, как это позволяют себе старые приятели: не с распахнутой настезь душой, но и без тайн, без двуличья.

— Крыша едет. Но так, слегка, — нехотя выдохнула собеседница. — Не хватает общения, потому и предлагаю. Мне оно, по правде, очень важно, но с местными просто не о чем говорить подолгу. Я хожу, расспрашиваю о всякой мелочи, покупаю себе молоко и каждый день пишу. Тут ведь одной толком не походишь далеко от пансионата, потому сижу. Строчу, строчу эту диссертацию и чувствую, что кроме неё мне толком-то и нечего делать. Только вот прогулки наши развеивают. Развеивают, но они очень быстро проходят.

— Класс, — Венди прыснула, и её окончательно поглотила лёгкость, словно праздник какой намечался. — А я думала, ты клофелинщица и обнести меня хочешь. Ну, вообще нет, только на первых порах. Ты просто похожа...

— На преступницу?

— На человека, которому легко довериться и который может этим воспользоваться! Но это только по началу было, знаешь. А по существу — я хочу остаться, но тогда никаких денег.

— Само собой. И мысли не было брать за это деньги.

— Нет, я про наши экскурсии. Я с удовольствием сегодня останусь, правда. Но никакой оплаты больше. Ни за предыдущие встречи, ни за будущие. А уж что успела взять — то моё. Как тебе идея-то, а? Смело и неожиданно, скажи?

— Смело. Смело и странно, но ты человек со своими принципами, — понимающе отозвалась та. — Хочешь чудить — чуди на здоровье.

И дальше всё вышло само собой. Венди решила сбегать домой: забрать вещи на ночь и проведать отца. На часок, ровно пока Моника возится с тестом для пряников. И, едва выйдя из пансионата, она побежала. Помчалась, чтобы не слышать звуков Торакса, чтобы не заблудиться в его атмосфере, ни с кем не говорить и ни на что не отвлекаться. Она неслась по улицам, не пересчитывая надоевшие камни и перепрыгивая большие впадины. Неслась и думала о грядущем вечере.

Там, за десятками домов, крутилось колесо обозрения. Такое яркое и романтическое, что волей-неволей мечтаешь оказаться там, на самом верху. Смотреть на огоньки, слушать звуки аттракционов и есть сахарную вату. Может, Торакс поедат город вширь, но не в высоту?

Венди влетела в квартиру, и ей не было противно успокаивать испуганного отца. В пакете с едой, к которому отец так и не прикоснулся, среди сгнивших фруктов удалось отыскать пакет бисквитов, что оказались в кармане. Чистые вещи, которые она взяла с собой, казались куда важнее, чем груда рванья и грязного белья на полу. Медлительность отца — не порок, ведь он, в конце концов, выпил лекарство.

— Сегодня за меня точно не беспокойся. Всё будет хорошо. Отдыхай.

Венди сказала это не с теплотой, но и не со злобой. Сказала и выпорхнула, пытаясь не выронить сумку. Лишь пару раз она обернулась на колесо, когда то можно было заметить. То ли туман, то ли что-то ещё медленно тянулось за ней, но никак не успело даже коснуться, так быстро она бежала.

Снова тёплый пансионат и целая лестница. И, наконец, снова оранжевые огоньки в маленькой комнате. Запах пряников был ярче, чем те, которые доводилось покупать на улице. Первым делом, пока Моника возилась с тёплым молоком, Венди заткнула щель под дверью своей накидкой.

«Прочь отсюда, мерзкий Торакс. Убирайся к дьяволу», — думала она, заталкивая ткань поплотнее.

Пусть и ненадолго, но получилось разделить два мира: мир грустной романтики и пряников с глазурью. Пока снаружи ломались люди и стёкла, в маленькой комнате было тепло засыпать даже без одеяла. Тёплое молоко и горка пряников — это что-то ещё более дивное, чем колесо обозрения.

Речь лилась, даже когда стало ясно, что вкус её бисквитов — паршивее некуда. Но стоило их мочнуть в молоко, а после в черничную пасту, как и они разбухали и становились намного, намного вкуснее.

— А если и я — бисквит? — пронеслась абсурдная мысль во время разговора, но не успела перерасти во что-то большее. — Отвратный бисквит, которому просто не хватает молока?

— ...и в итоге он в голове спрятал солнце, а в сердце — луну. О, всё, кажется, — Моника потрясла пустую бутылку. — Нам не хватает молока. Но, ты знаешь, мне бисквит и без него нравится. Не такая уж гадость, как сперва показалось. Попробуй.

Позже, когда после ужина взяла истома, Венди каталась взад-вперёд на кресле-качалке. На все уговоры подруги она лишь щурилась, показывая скепсис, но скрывая лёгкий азарт.

— Ну чего тебе стоит заснуть лёжа, а?

— Я уже сколько раз говорила, что не усну?

— Нужно постепенно хоть пытаться привыкнуть к здоровому сну. Будем лежать вдвоём и общаться. Хоть до утра. И я ставлю на то, что ты уснёшь раньше меня.

— Очень сомневаюсь, — Венди отмахивалась, но ей нравился задор в голосе собеседницы.

— Я в своих силах уверена на все сто.

— Как и я в своих отклонениях. Но ты меня угостила пряниками, а значит, тут не отвертеться. Попробуем.

Только обе улеглись, как Венди заговорила первая. Пустяковый по своей сути вопрос, касательно этой самой кровати. Собеседница ответила и спросила что-то своё, такое же пустяковое. Слово за слово, благодаря которым появлялись другие вопросы, ответы на них и даже разные истории из жизни. Обычные в целом мелочи, которые было с кем обсудить. В какой-то момент тихонько заиграла музыка — радио ожило само по себе, как и всегда. Что за инструмент — Венди не знала, но точно не скрипучий альт, как в первый раз. Дудка, может, какая.

— Дурацкая игра какая-то. Мне ничего в голову не лезет. Ну, если из минусов, наверно, ругань. Иногда перебарщиваю — я это прекрасно знаю, но пока отучиться не получается. А из хорошего?.. — лёгкие укусы губ не навели на мысли. — Да ничего, наверно.

— Такого не может быть. У меня вот из плюсов — порывы. Знаешь, как ветрища смелости. Иногда что-то может быть глупо и опасно, но у меня включается режим «вперёд и только вперёд». Иногда до жути хочется выкинуть какое-то «Ух!». И я его делаю.

— Шастать по Гавани, например. И возиться с тварями вместо того, чтобы сразу бежать.

— Именно, почему нет? — Монику этот пример воодушевил. — Видишь, не нужно называть что-то значительное. Просто что-то очень твоё.

На несколько секунд навалилось молчание. Если бы не музыка, в комнате пронёсся бы целый десяток звуковых переكاتи-полей. Хорошо, что на стуле лежал друг, который смог подсказать ответ.

— Знаешь, мне нравится вязать кукол. Я их с десяти лет умею делать.

— Откуда научилась?

В этот раз пауза была чуть затяжнее, будто вспомнить было уже сложнее.

— Мама.

— Куклы — это интересный символ. Мне кажется, что они могут стать олицетворением чего-то важного. И твой Ричард очень милый.

— Ты помнишь его? — Венди аж приподнялась, повернувшись на собеседницу.

— Конечно. Твой друг. Мы же втроём по клокам бродим, ты чего?

— Это очень приятное чувство, когда плетёшь их. Я часто перестаю злиться или грустить, когда выходит что-то нормальное. Меня вдохновляет это, когда за одной петелькой появляется другая, и выходит что-то... вот такое, как Ричард.

Точно так же, петелька за петелькой, развивался и разговор. За вопросами и историями таяли ночные минуты, а затем часы. Мысли улетучивались и не крутились вокруг того, что браслет вот-вот завибрирует. Что дома снова ждёт неприятный запах. Что отец снова будет задавать одни и те же вопросы. Стоило вдохнуть этот аромат, которым пах человек рядом, как по телу пробежал ток, и навязчивые мысли увядали.

— Ты знаешь, Моника, забавное чувство. Уверена, что утром буду чувствовать себя как сиплая псина из-за недосыпа, но всё равно настроение на ура. Пока мы так говорим, даже встать не хочется, хоть и глубокая ночь.

— Заснёшь, говорю тебе. Не в потолок же смотреть часы напролёт.

— Ну да. Пока тут только у тебя голос, как у малыша-броненосца²¹.

— Вот ещё, блонено... тьфу!

— Похоже, кто-то плывёт, и у него проблемы, — тихо рассмеялась Венди.

Моника пропустила эту забаву мимо. Она была уставшей и обеспокоенной, насколько вообще может быть обеспокоенным сонный человек.

— Это какая-то серьёзная болезнь? Твоя бессонница.

— Нет. Просто тревожность. Перед сном постоянно чувствую, что беспокоюсь.

²¹ Броненосцев, а тем более их новорожденных особей, на Дамон-Тарре считают самыми сонливыми животными, которые бодрствуют лишь пару часов в сутки.

— Она всегда? И ночью, и днём?

— Нет. Днём меня очень резко клонит в сон. Клонит так, что я не могу подолгу держаться. Тело становится очень слабым. А ночью, когда лягу на кровать, то много думаю, переживаю и просто-напросто не могу уснуть. Ты не переживай, дожила же до сегодня как-то. Не люблю о болезнях говорить.

В ответ прозвучал звук, сказанный слишком сонливо, чтобы его разобрать. И когда Моника уже даже закрыла глаза, когда казалось, что она даже уснуть успела, тихо прозвучал ещё один вопрос:

— И сейчас тревожно?

— Сейчас? — Венди глубоко вздохнула, на время выпрямив ноги. — Мы говорим с тобой, поэтому меня не грызут мысли. Не могу сказать, что всё совсем хорошо, но... Сейчас мне не страшно.

Венди всё ждала, когда спросят об источнике тревожности и том, откуда растёт это чувство. Но Моника так и не подняла эту тему. То ли желание спать, то ли невероятно искусное умение обходить стороной болезненные темы. Если второе, то быть этому человеку среди всех существующих святых.

— Поняла. Спасибо.

И они замолчали. Одну съел сон, другую — навязчивые мысли.

Прошло не так много времени. Моника проснулась практически мгновенно. Её трясли за плечо и постоянно произносили её имя.

— Проснись, проснись, пожалуйста!

— А? Ч... что?

Венди взяла коробку с полки и положила посреди кровати.

— Послушай, я тебя прошу. Просто послушай и ничего не говори. Это важно.

Моника сделала чуть погромче и прислушалась. Звучало не просто сердцебиение какого-то инструмента, как обычно. Не игра одного лишь альты, скрипки или свирели. Не водоворот, не всплеск, а что-то совершенно другое. В обычных мелодиях читались техника и эмоции. Красивая история, если уж на то пошло. Здесь же было что-то совсем другого уровня — последняя глава мироздания, что расставляет всё на свои места. Сначала озорство, затем град, что накрывает его с головой. И никакого одиночества меж звуков.

По телу пробежали мурашки. Моника словила себя на мысли, что сознание её уже намного яснее, чем днём. Никакого сна, даже в помине. Сердцебиение участилось.

Жизнь в виде звука слышали обе. Венди даже наклонилась, вслушиваясь в звуки, ради которых разбудила подругу. Настоящий оркестр, где инструменты и музыканты стали братьями и сёстрами. Они говорили не об истории человека, которому радостно или грустно. Это была природная гармония, сменяющая первозданный хаос, и наоборот. Когда невидимая сила задушила весёлые нотки, показалось, что она на миг убила и своих слушателей. Моника и Венди переглянулись, и первая даже приоткрыла рот — она поняла, в чём было дело. Но ни слова! Ни за что нельзя было нарушать борьбу того, что не имело начала, с тем, у чего нет конца. И первое, и второе пронизывало обеих. В такие моменты может показаться, что сердцебиение слилось в один звук, переживания стали сплавом чувств, а музыка воздействует на тебя физически. Любой, кто слышал эти звуки, понимал, что это действительно, по-настоящему так.

— Это словно... словно извержение цветов из вулкана, что завис в воздухе, — попыталась найти слова Венди только тогда, когда мелодия кончилась, когда исчез последний звук.

— Больше, — Моника не могла оторвать глаз от человека, который прочувствовал все так же сильно, как она сама. — Это куда больше и выше.

И правда, она даже не решалась подбирать слова, но знала, что Венди с ней всецело согласна. Вспомни что-то могущественное — не то. Фатальное, неизбежное и непобедимое — все это тоже не подходит, если брать по отдельности. Но Моника понимала, почему прозвучало такое сравнение. Это был самый огромный вулкан, что извергал чувства. И два человека, как единственные жители, что стояли у его основания, захлебнулись в этих чувствах полностью.

Глава 7. Музыка 18+

Хтоника жить не могла без кутежей. Раз в несколько видов — это обязательно, какие бы обстоятельства ни были. Нужно было спускать пар и насыщаться энергией. Это всегда много людей, всегда много дыма, шумных разговоров и еды.

Всё организовывала Нерра. Бедолага плотно сидела на кутежах, порой казалось, что даже сильнее, чем на заварушках и драках. Она всё покупала, выбирала место и ждала мероприятия, как праздника жизни. Она же собирала и мелких сошек, которых даже Хтоникой-то назвать нельзя. Некоторые работали годами, но всё равно оставались новичками. Проверенными, уже не с трясущимися руками, но всё ещё чужими. Такие — чтобы выпить, чтобы позажиматься по углам, развязать язык и покрыться очередным слоем метастаз. Дальше всех как одного можно выбрасывать.

В этот раз всё закрутилось в многокомнатной квартире. Всё цивилизованно, без разбоев. Хтоника никогда не скандалила, когда дело касалось кутежей.

Венди расплылась на стуле. Закинула голову, упёрлась ногами в журнальный столик. На лице были большие чёрные очки Бриккта, которые он разрешил примерить. Они придавали уверенности, просто класс. Голова кивала в отрыве от общего гула, но оно даже лучше. Синхронность тут была лишней. Расслабляло, правда расслабляло. Все пили без разбора, особенно новички. Налей туда клея, и они выпьют с улыбкой на лице, тут даже сомневаться не приходилось. В отличие от большинства, Венди знала, что у неё в стакане пара глотков цирроза, а не невесть что.

— Я работаю за деньги, — присвистнул здоровяк. — Кто говорит иначе, плохо меня знает. Никакой идеи, Венди-ш.

— Ты присоединился к Хтонику почти с самого начала. Меня удивляет, что ты говоришь, как простой наёмник. Тогда почему Хтоника?

— Я зарекомендовал себя руками. Действиями, — он напряг руку. — Хтоника чувствует меня, а я её уважить стараюсь. Дарко не задерживает выплаты. Я получаю достаточно, чтобы не было сомнений.

— Но в теории? — не унималась девушка. — Если бы нашлась другая группа с большей силой, ты бы ушел?

— У Хтоники свойчие правила. Их нужно понимать. Не нужно придумывать лишнее, но не вычёркивай... — он замялся и подмигнул, чтобы та помогла.

— То, что есть?

— Скажем так. Тебе дадут погрызть много монет, но не нужно кобениться. Это понятно. Не нужно вырывать мешок и убегать. Не нужно заявлять, что этот мешок заслужил только ж ты. Не нужно жалеть сил, когда другие пожалейли бы. Ты понимаешь.

— Да, — Венди тяжело выдохнула.

— А так мы просто торгашим лицом, пока его не откусят. Я это понимаю, Венди-ш. Не знаю, как ты, а я понимаю. Это не бабушкам нужно говорить, что каждый день может последним быть, а нам.

— Да, рискованные мы ребята, — Венди начала весело, но закончила как-то уныло, будто в самой фразе ничего хорошего не было. — А ты... Бриккт, ты вообще из-за рубежа?

— Цвиритэль. Это деревня в Хикаридусе.

— Зачем тебя сюда понесло?

— Я учителем был. С немного найвничим взглядом на жизнь. Выпустился, и хотелось научавить молодое поколение цифрам. А вышло так, что учаблю жизни.

Он пожал плечами, и послышался веселый крик, громче общего гула. Оба повернули голову в сторону.

Нерре было хорошо. Очень, очень хорошо, прямо замечательно. Венди никогда не успевала понять или заметить, из-за чего. Напарница становилась счастливее и добрее, очевидно, что не сама по себе. Но каждый раз никаких улик.

— Венди. Эй, лапочка! — крикнула Нерра и позвала к себе.

Та жестом переспросила и в ответ получила кивок.

На полпути Нерра что-то ей бросила. Та словила. Фольга, внутри которой небольшой кубик.

— Это мой тебе подарок. Когда всё будет очень, *очень* плохо. Вообще в Тораксе кроме нас об этой вещице никто не знает. Даже Деревяшки.

— Что за вещица?

— Медовая конфетка, — та смотрела совершенно неестественным для неё ребяческим взглядом. — Только не выкидывай и не перепродавай. Поняла?

— Да. Я же не барыга.

— Ты милашка, я знаю. И я тебя так люблю. Так люблю, милашка! Смотри.

Она обняла Венди за шею и указала на Дарко. Тот поглаживал собаку, что приволок с улицы. Та не сопротивлялась. Он за целый вечер ни с кем не говорил, только и делал, что пытался понять пятнистого щенка.

— Собака. Ненавижу мерзотных собак, — в очень грубой форме призналась та, — но Дарко она приглянулась. И я будто прошиблась. Если ему нравится, то и мне начинает. Чего так?

— Психология. Любовь.

— Я же говорю, я ненавижу бродячих, тем более собак.

— Любовь к Дарко. Тёплые чувства, все дела. Я не знаю, я не мастер всяких таких связей.

— А ты как? Тянет на него?

— Нет.

Она ответила тут же. Упаси всё и вся, если бы она засомневалась или замялась. За этой дружелюбностью Нерры была неконтролируемая дикость, которой не дали повода сорваться с места. А улыбка, стоило признать, напарнице очень шла.

— А ты видела Шоэнта? Знаешь, где он?

— Не видела. Завис с девками, как всегда, наверно.

— Не угадала, но справедливое предположение! — крикнула рыжеволосая.

Ей перекричать громкий звук вообще ничего не стоило. Нерра совершенно спонтанно взяла Венди за руку и буквально побежала к выходу. За дверью было тише. Они сели на ступеньки, что вели на нижний этаж.

— Намечается какая-то жесть. Шоэнт до сих пор ищет ту важную женщину. Какой-то особый случай. Уже который день ищет, а?!

— В ней есть что-то принципиально важное?

— Че-а-а-а-а? — смеясь промямлила та. — Ты класс сказала. Да, всё другое. Ну да, есть. Мы же хотим резать «Циклу» цоколь, не забыла?

- Ну, а для этого нужно найти их информатора.
- Или его голову, — расхохоталась та и несколько раз выругалась.
- Голову!

Венди тоже посмеялась.

— Шоэнт всё объяснит нам. Пока это догадки и слухи. Но Хтонику поменяется, лапочка. Какая-то жесть. Чушь, но мне она так нравится.

— Это в наших силах. Ты знаешь, я не представляю как, не знаю всей этой схемы, но мне кажется, что Дарко может всё так закрутить. Мы сильнее «Цикла», я уверена. Там нет сплочённости.

— Да-а-а. Да-да! Ты, видишь, ты выкупаешь вообще от дна до неба. Молодняк этот, он, вообще, — Нерра пренебрежительно помахала ладонью. — Нет чувства. «Дайте деньги, мы создадим массовку» называется. У нас пятерых есть ритм. Мы возьмём больше.

— Возьмём, главное — общими усилиями.

Нерра весело качалась в такт громким звукам. Венди невольно начала делать то же самое.

— Ты ещё планируешь укатить?

— Планирую.

— С папаш... — она тут же в извинении помахала руками. — С отцом?

— Ну не одна же. Я из-за него копить и начала.

— Я вот, если честно, тоже хотела. Я когда с тётей осталась, там такая дикость была, что я каждый день думала, как оказаться за Тораксом.

— И почему передумала?

— То, что я там никому не нужна. А тут нужно просто найти свой образ жизни. И не дать сделать из себя слабую.

— Ты не дала?

— Нет конечно. Я залила ей в рот заражённую слюну и сбежала из дома. И вот я тут, а она нет.

— Не церемонилась, в общем.

— Ага, — Нерра издала смешок. — Поэтому выход может быть ближе. Бриккт вообще сюда приехал как учитель. Но три-четыре виада на наших улицах, и всё. Сама знаешь, чего говорить. Все либо ломаются, как соломинки, либо учатся у папы-Торакса уму-разуму. Ну вот эта вся псевдофилософская тема.

Она снова ругнулась и щелкнула себя пальцем по голове.

— Да, я знаю. Я-то могу, Нерра. Я знаю и понимаю, как нужно жить в Тораксе. А вот отец — нет. Тут он здоровее не станет.

Собеседница прикрыла рот пальцами, закатила глаза и провела ногтём по горлу.

— Нет, — Венди перевела всё в шутку. — У меня дома все ножи давно затупились.

Рыжеволосая любезно указала на себя.

— К вашим услугам.

— Нерра, я сейчас куда сильнее сконцентрирована на «Цикле», а не склерозном старикашке, м-м? Он сам утхнет скоро, не торопи события.

— Ладно. Но как твоя подруга я всегда готова тебе помочь.

По ступенькам поднимались. После протяжного «О-о-о», Нерра кинулась вперёд и обняла человека в очках.

— Какие люди! Что там, Шоэнт? Новости? Мы на шаг ближе к победе?

Тот выглядел не очень довольным. Информатор отмахнулся, мол, все разговоры потом. И только если настроение позволит.

— Я хочу выпить. Вусмерть.

* * *

Желания разделять алкоголь с Шоэнтом не было. Тому требовалось много, и когда всем уже становилось не по себе, у этого парня только начинала кружиться голова. Шум был приятным какое-то время, но когда люди начали дичать, Венди спустилась вниз, чтобы проветриться. Она дичать не любила, но и мешать никому не собиралась. Внизу у самой двери стояли Бриккт и девушка — новенькая из Хтоники. Они говорили о своём, но присутствия её не игнорировали.

— Составишь нам компанию, Венди? Мы пройтись хотим.

— Куда?

— Да девчушка не выдерживает, тяжело ей тут. Всё валяется из рук, а деньги позарез нужны. Предложил ей замолвить словечко в «Ключнике». Ну, домишке нашем любимом.

— Да, — поддакнула девушка. — У меня не получается сильно бить, и звучу я не грозно совсем. Дарко это не нравится, так что Бриккт меня очень выручил. А если вместе пойдём, так ещё веселее станет. Буду тебе благодарна.

Было видно, что девушка душой не кривит — миловидная, но не работоспособная с точки зрения Хтоники. Не может постелить человека под собой, значит, будет сама стелиться под ними.

— Повезло так повезло, — вяло ответила Венди и думала, идти или нет. — Не знаю... Пошли, чего не пройтись? Возвращаться смысла всё равно нет — там всё равно уже все животные.

— Всем ведь нужен отдых, — беспечно ответила девушка, и Венди лишний раз убедилась, что в Ключнике ей будет точно лучше, чем в Хтонике.

— Так иди отдохни с ними. Увидишь, от чего детишки берутся.

Девушка понурила голову — это и был весь её ответ. Они постояли ещё немного и пошли. Бриккт со спутницей то и дело болтали о предстоящем, Венди же шла молча.

Новенькой и правда повезло. Завертелось так, что публичные дома в Тораксе были на высоте. За чистоту купленной по дешёвке воды стоило переживать больше, чем за то, удачного ли партнёра тебе подобрали. Вопреки всей тораксоидальности поход в публичный дом не походил на лобызания двух практически умерших людей.

Обеспеченные люди делили постель лишь с такими же, как они. Иногда бабочки и мотыльки временно покидали свой дом и летели к гостю через грязные улицы. По пути их охраняли такие, как Бриккт, чтобы никто не покусился на заманчивые крылышки. Работники публичных домов не были искажены и безнравственны: в них увидишь разве что нелюбовь к грязи, но в нелюбви этой многие узнавали себя.

Когда Хтоника платила за всё веселье, Венди не брезговала. Бывало, делилась с человеком лишь звуками, а бывало, и словами. И когда до того доходили слова, временный партнёр казался единственным, кто тоже понимал, что за окнами что-то не так.

Однажды она выразила свою жалость к окружающему миру и оказалась понятой. Так ей и сказали, мол неправильно это всё и тоска берёт, что люди друг за другом увядают. Такому человеку было бы дуростью не отдать весь запас поцелуев и себя саму. Здоровое соприкосновение двух людей — даже стало странно, что её не попытались придушить или ударить по лицу, дабы угомонить своих тараканов в голове. Нет, довелось насытиться чистотой.

Сама Венди не тратила деньги на публичные дома — больно дорого они стоили. То ли дело Бриккт. Его искажение не было заметно с первого взгляда, как у Нерры или Дарко. Он платил втридорога, но отрывался за каждую отданную монетку. Если Нерра могла придушить от злости, Дарко из-за безобразного в глазах человека, Бриккт любил смотреть, насколько человек беспомощный на фоне его самого. И в любви, и в допросах он работал, пока глаза слабого человека не закатятся настолько, что будут видны лишь белки. Не будь у людей лиц, он бы потерял удовольствие жить. А так готов был платить любые деньги, чтобы позволить себе прикусить чей-то язык до крови, выжать человека и оставить его лежать тряпьем на полу.

На своих это не распространялось, но Венди всякий раз боялась сопротивляться, когда Бриккт касался её. Вдруг увлечётся, накинется и докажет, что перечить не стоит.

Венди завидовала девушке рядом — та не выдержала и догадалась уйти в другую сферу, заручившись хорошими знакомыми. А Венди как-то слишком быстро влилась и оказалась слишком полезной, чтобы так подсобили и ей. Тело её было не совсем здоровое и совсем не такое привлекательное. Если бы повезло с телом, а напарники не были теми ещё ревнивцами — Венди бы тоже ушла. Тоже бы летела на свет и делилась им, как мотылёк.

Девушка рядом с ней выглядела довольной. Оно и было понятно — меняла на неизвестное то, по чему точно не придётся скучать.

На входе в один из публичных домов под названием «Ключник» их пустили из-за Бриккта — он был здесь завсегдаем. Пока ждали, Венди пересекалась взглядами с посетителями и эскортниками. Взгляды последних не были какими-то из ряда вон, ни низменными, ни даже похотливыми. Просто себе люди, которые работали здесь.

Через время какая-то женщина встретила их и повела за собой в комнату. Маленькая каморка с зеркалом и без лишних деталей. Бриккт объяснил, зачем пришли, и женщина попросила новоприбывшую снять всю одежду.

Девушка без стеснения разделась догола, и Венди отдала должное — на её теле не было шрамов и рубцов. Та покрутилась немного, женщина сняла мерки и почти сразу кивнула, приказав одеваться. Объективно красивое тело. Совсем не тот случай, когда есть причины ворочать носом. Только бы не испортили слишком быстро такую гладь.

— Ну что? Да, пошли, отведу тебя к управляющему. Он покажет, где будешь спать, и по ценам сориентирует. Бриккт, стойте со своей подружкой снаружи, я сейчас вернусь. Рассчитаемся. А ты — за мной.

— Угу, — довольно ответила девушка и скользнула за женщиной.

Когда все четверо вышли, комнату заперли на ключ. Новенькая поблагодарила здоровяка и почему-то Венди — обняла каждого и много раз произнесла «спасибо». Двое ушли, двое остались ждать выручки. Бриккт потянулся и закинул руки за голову.

— Там нормалёшно так будет денег, — подмигнул здоровяк. — Задержимся? Угощаю тебя. Ты сегодня всех насмешунила, напялив мои очки. Так что заслужила.

— Дважды просить не нужно, дорогой мой. Конечно задержимся.

Напарник был рад услышать именно такой ответ. Сразу взбодрился, и настроение взлетело вверх.

— Походи, осмотрись тогда ж. А мне вот эта девица наша прилюбилась. Раньше не замечал, когда она в Хтонике была, а сейчас заметил, какая она красивая. Буду ждать её.

Глупости. Ни в коем случае нельзя ломать такое хрупкое целое тело. Пусть потом как сложится, но только не сейчас. Глупый бугай этого как будто не понимал — дай ему волю, он и на вазу накинется.

— Хороший мой, — нарочито со стыдом произнесла Венди и робко посмотрела Бриккту в глаза. — Уступишь, а?

* * *

Трое суток подряд проплыли в расслабленном и засасывающем темпе. Один большой кутёж, который будто и не кончался. Венди знакомилась с новыми людьми, много говорила, но на утро даже не могла вспомнить, с кем просто пересекалась, а с кем подолгу общалась. Прогулка, безделье, а к вечеру то же самое.

Она пропустила одну встречу с Моникой. Сложно вынырнуть из расслабленного ритма, будь ты хоть замкнутым тихоней, хоть игривым огоньком. Даже отца она провела всего раз. Благо приходил Кольг, который и для поговорить, и для подсобить годился. Не такой уж раздражающий старик, если задуматься. Отец ему радовался каждый раз так, будто пару лет не видел.

Всё это время Шоэнт так и искал информацию. Пропустил все шутки, разговоры, размусоленные истории и пустые обещания. Тут непонятно, завидовать или сочувствовать.

Венди совсем нарушила режим. Дьявол пойми, когда ложилась, дьявол пойми, сколько спала. Так же и с ругательствами. Почему-то с этими людьми хотелось, чтобы уместная брань становилась максимально грязной, и девушка не брезговала. Эти три дня как три ведра мороженого залпом. Приятно и сладко. Натощак так вообще вкуснотища. Но к обеду тебя ждёт кома, будь уверен.

* * *

— А что мы стоим и ждём, собственно? Мы же должны были в вообще другой клочок сегодня. «Переплёт» находится на юге.

— Прекрасно знаю. У меня же карта есть, не забывай. Но появилось одно дельце.

— Какое?

У Венди в руках оказался лист бумаги с аккуратным почерком. Целый список.

— Огурцы, морковь, гусеницы, тыквы, ягоды и насекомые комнатной температуры? Я это есть не буду, если что.

— У вас в Тораксе, что, даже такое считается невкусным? И кто тебе вообще сказал, что я поделюсь?

— Эй, — она сложила листок пополам и протянула обратно, — я не настолько плаваю в культуре других стран, чтобы купиться на такое.

— Но это правда нужно есть. О, Хофти!

Моника махнула рукой мальчугану, который показался из-за угла и тут же подбежал поближе. С ним был его товарищ, который остался стоять в стороне.

— Как там Пузожитель? Пришёл в себя?

— Он трясётся во время еды. Это он, чего, нервным стал, получается? Как думаешь?

— Брось ты. Скорее всего, ему давненько не перепадал хороший обед. Главное, что живой и здоровый, а тряска — уже дело такое. Вот список, который я обещала дать. Советовали знающие люди, поэтому можешь верить ему.

— Ура! Но опекун я паршивый. Брат мне помогает, он ведь с этим лучше справляется. Брат у меня что надо, знаешь?

— Ты рассказывал, я прекрасно помню, — девушка дружелюбно закатила глаза.

Парнишку позвал друг с густыми нахмуренными бровями и горсткой камней в корзине.

— Секундочку, а зачем вам столько камней?

— Это «Проныра». Нужно попадать камнем в ямки. И мы будем играть.

— Хорошо. Точно по ямкам, правда?

Парень думал было возразить, но скучающий друг снова позвал его.

— Правда. По окнам и животным кидает знаешь кто?

— Кто?

Мальчик грубо выругался, явно не ощущая никакой вины. Венди захохотала как не в себя, Монике же стало чуть паршиво от услышанного, но ребёнок и этого не заметил.

— Да... Хорошо, беги. Пузожителю передай привет.

— Спасибо большое ещё раз, Моника. Мы точно справимся!

— Ну а как иначе?

Знакомые улыбнулись друг другу и распрощались. Мальчишки очень быстро скрылись за первым поворотом. Венди что-то прокряхтела и протянула насмешливое «мда».

— Что?

— Решила завести знакомства?

— Нет. История — проще не бывает. Вчера ребёнок подбежал ко мне и сказал, что слышит из водостока писк. Мы полезли доставать, а там — ёжик. Решил прокатиться и застрял.

— Это о нём речь была?

— Ага. Вытащили и сели на скамейку перекусить мороженым. Поболтали, а в итоге он решил забрать ежа себе и назвать его «Пузожителем».

Моника рассмеялась, но Венди отнеслась к истории с явным пренебрежением.

— Мощно.

— Что именно?

Та махнула рукой, мол, пустое.

— В любом случае ежи — те ещё паскуды.

— Да ну? С чего бы? — в голосе прозвучало возмущение.

— Да-да. Они жрут что попало, даже мышей жуют и птиц. И ещё они лижут свои иголки, пока не появится пена, а потом их тошнит себе на спину. Самосмазыванием называется, ты знала?

— Стоп... — никаких эмоций на лице собеседницы не проступило. — Я предлагаю закрыть эту тему прямо сейчас.

— Ладно. Не сказать, что мне жаль. Теперь «Переплёт»?

— Переплёт переплёт, а я бы поговорить хотела.

— О чём?

Моника кивнула и зашла в ближайшее заведение. Держала руки в карманах, что не было на неё похоже. Там, в забегаловке, было много мягких стульев и крошечных столиков, куда мало что поместится крупнее тарелки.

— Мы прошлый раз не виделись.

— Да, знаю.

— Я жутко филонила с диссертацией, если честно. Зато много общалась с людьми. Не монолог, знаешь, а когда оба увлечены разговором по уши.

— Ты поэтому выглядишь такой... ну, типа обеспокоенной?

— Нет. Слушай.

Моника помешала содержимое стакана и цокнула языком. Обычно она начинала издали, но в этот раз решила сразу к главному.

— Некий Мистер Бестелесность. Ты слышала о нём?

— Ну... Если не ошибаюсь, это городская байка. Какой-то там мужичок, который поменял себе имя. Вообще не вникала и не интересовалась.

— Расскажу. Мне правда кажется, что это... интересно? Думаю, да, подходящее слово.

Моника отпила и принялась не спеша рассказывать.

— Та мелодия, которую мы слышали ночью, меня прошибла. По-настоящему. Я, если честно, напрочь забыла о диссертации и попыталась расспросить всех, кто мог бы знать об этой мелодии. И многие, даже те, у кого есть радио, скажу тебе, вообще не понимают, о чём речь. Но буквально пять человек, с которыми у меня завязался разговор... Это нужно было слушать. Суть в том, что это он написал и сыграл ту мелодию. Сам.

Моника посмотрела на пену в стакане и прищурилась, будто что-то хотела с ней сделать.

— Речь идёт об обычном человеке. Просто музыкант, который родился здесь, вырос здесь, здесь же начал давать концерты в полной темноте. И странная реакция появилась почти сразу. Понимаешь, люди выходили и делились впечатлениями. А впечатления были у всех разными. Один мог сказать: «Это лучшая игра на фортепиано, что я слышал», в то время как остальные начинали хмуриться. Потому что кто-то слышал флейту, кто-то ударные, другие ещё что-то. И звук начал обманывать всех: и очень богатых, и обычных граждан. Но каждый, каждый без исключения был в восторге.

— Когда это было?

— Семнадцать лет назад. Около того.

— Думаешь, такое действительно возможно? До Скрежета ещё ого-го, значит, и не было ароматов.

Моника о чём-то серьёзно думала и явно была на своей волне. Она смотрела на стакан, как кошка, что будто играет в гляделки с призраком.

— Потом произошло что-то страшное. Этого человека убили, но у всех разные варианты, как именно. И о нём, и о концертах забыли. Предположительно после этого появился странный способ связи, о котором знает не так много людей. Та волна, которую мы слышали, Венди, не принадлежит ни одному радиоканалу. Это вообще непонятно что, ни один человек не знает, откуда идёт сигнал. Мне рассказали, что и Древооточцы, и их предшественники пытались отследить волну, но не получилось. И многие брались найти этого мистера, но музыка, как видишь, играет до сих пор.

— Поэтому его называли бестелесным?

— Да. Н.М.Б. — инициалы его имени. Это уже сами люди его так называли — Некий Мистер Бестелесность. А так он везде упоминался просто тремя буквами. — Моника полезла в сумку и достала оттуда лист бумаги. — Ниас. Полагают, что его звали так. Ниас М.Б.

— Хорошо, дьявол, пусть так. Обычные мелодии — тоже его рук дело? Те, которые у тебя постоянно играют. Альты там всякие.

— Да. Они звучат каждый день несколько часов, все говорят, что вразной. А концерт всегда начинается в ночь, когда кончается торнавидор²². Ровно час ночи. Ни минутой больше, ни минутой меньше, как говорят все, кто знает об этой музыке.

— Ладно-ладно... — Венди явно пыталась переварить информацию и в то же время не испоганить всё своим скептицизмом, который обычно брал верх в таких разговорах. — Если он умер, значит, кто-то включает его записи, правильно? Каждый день кому-то настолько скучно, что он возится со всем этим: включает записи, транслирует их через дьяволом забытую волну и ещё инструменты не забывает менять?

— Я не знаю. Не знаю, записи ли это, и действительно ли умер сам мистер бестелесность. Но мелодии, что обычные, что концертные, никогда не повторяются. Никогда — так мне сказали.

— Ага, точно-точно, — Венди приподняла брови, в который раз убедившись, как местные любят приукрашивать. — Сколько эти мелодии и концерты уже звучат?

— Из семи людей дольше всего эту волну слушает пожилой мужчина. Семь-восемь лет, как он сказал.

— И ни разу ни одна из них не повторилась? Он что, всё помнит?

— Венди, послушай. Я не пытаюсь тебя убедить в этом, я и сама-то не понимаю всей картины до конца. Но люди, с которыми я говорила, делились историей с огромным порывом. Что-то забывали, что-то слегка приукрашивали, — это было прекрасно заметно. Но сам смысл каждый из семи людей передал так, что многое сходится. И, как ты говоришь, дьявол бы с ними, я бы и не поверила, но в моей голове наше с тобой воспоминание. Внутреннее чувство, или не знаю что, но я не думаю, что Некий Мистер Бестелесность — это просто байка. Сейчас я очень жду окончания этого торнавидора, чтобы понять, что всё это — настоящее. Мне тоже нужно время, чтобы обдумать услышанное.

— Хорошо, к дьяволу шулки. Сейчас серьезнее некуда, — она присматривалась к собеседнице, чтобы понять, точно ли та не лукавит. — Той ночью было много звуков и инструментов, так ведь?

— Очень.

— Ты помнишь, чем кончился концерт? Примерно последние полминуты.

²² Торнавидор — временной отрезок в шестнадцать дней.

Эту часть нельзя было спутать. Барабаны стучали так, будто твоя кожа издаёт этот глухой звук, а каждый удар о неё — воля к жизни. Огромная скорость и движение. Цветение через асфальт — вот что это было.

— Помню. Хорошо помню.

— Опиши.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — Моника ответила взволнованной улыбкой.

— Просто опиши и не тяни. Пожалуйста.

— Это был какой-то струнный инструмент, от которого мне было тепло. Что-то очень доброе, будто искренняя любовь. Мягкая и текучая мелодия, которой хотелось довериться. И тогда у меня даже ком в горле стал, честно.

— Ты мне правду говоришь?

— Да.

Венди откинулась назад и развела руками.

— Я даже не знаю, что сказать. Это не чушь. Я тебе верю, но мне сложно представить, как это так. Что это за мистер такой и прочее.

— Мне тоже, — призналась вторая. — Но просто держи это у себя в голове. Думаю, на следующем концерте мы узнаем что-то важное.

* * *

— Нет. Я не поведу тебя в «Церебрал». Давай ограничимся только этим клоком.

— Почему?

— Церебрал — плохое место, Моника. Понимаешь, есть грань между тем, где опасно ходить, и тем, где совсем не нужно.

— Там даже днём могут быть проблемы?

— Ну да, — Венди скривилась. — Я могу тебе так описать, на словах. Там психбольницы, там притоны и очень плохая еда. У какого-то уличного идиота зашуршат тараканы, он тебя пырнёт, а потом только подумает о том, что ты вообще как бы и ни при чём. Не надо туда.

— Ты там была когда-то?

— Да. Но одно дело — показать забытый и бедный район, как этот, а другое — прийти домой к торчкам, которые пьют бальзам как воду.

— Хорошо. — Моника достала карту и кучей штрихов зачеркнула бледно-зелёный клочок. — Верю тебе.

Девушка обратила внимание на маленькую чёрную надпись на стене, будто маркером наводили несколько раз.

«Кусай родителей за сердце».

— А здесь что? Слышала, что «Бивуак» — место изобретательных и предприимчивых людей. Это так?

— «Изобретательных» — это ты перегнула. Хитрых, да. Ну, то есть, открыто обманут редко когда, но выдвинут много условий. У ребят тут можно найти товары из-за бугра, но цены не для каждого, — Венди покосилась на двух мужчин и перешла на шёпот. — Ещё тут докторов-самоучек много. Вон, видишь? Он мужику зуб вырывает, прямо тут, на улице.

— А чего... — собеседница вовремя вспомнила, что её могут услышать, и понизила тон. — А чего в больницу не пойти?

— Бывают проблемы с документами. Ну, они не у каждого есть. Плюс деньги. Если ты не сирота, не инвалид или не какой ещё страдалец, то это влетит не в одну монетку. Слушай, слушай! Я даже знаю одного парнишку, которому вот так аппендицит под местной анестезией удалили.

— Аппендикс, — поправила Моника.

— Ага. А расплатился он крутыми ботинками. Бизнес на коленке, мать его, — она рассмеялась.

— Думаю, смешного здесь мало. Это ведь опасно.

— Ну, из-под палки никто не заставляет идти. Бывает, что иначе никак.

Они остановились, и Моника сфотографировала нарисованное на ржавой пластине лицо мужчины. На оранжевом полотне будто кто-то провёл тонкими кисточками, что стирали неприятный цвет.

— Красивый какой, кошмар.

— Да, иногда и такое встречается.

— Слушай, ну я даже в Тотше такого не видела. И правда искусство ведь.

— Ну, да. Тут любят такое. А ещё на фокусах тут какой-то движ. Ну, ты поняла, — Венди начала активно жестикулировать. — Человек кладёт деньги, ему показывают фокус. Если он угадывает, как он делается, ему платится двойная сумма. Если нет, то кто ж ему доктор. Фокусник показывает ответ и забирает деньги.

— Кто чаще выигрывает?

— Ну, ты же понимаешь, разгаданный фокус никто не будет хранить в секрете. Один человек всем разболтает. Потому фокусники каждый раз придумывают что-то ещё. Тут уже что быстрее родится — сплетни или новый трюк.

— Интересный способ развлечься. А у нас с бумерангами шоу устраивают.

— Зачем?

— Как зачем? Ты платишь артисту, и он начинает вытворять очень красивые вещи. Запускает около пятнадцати разноцветных светящихся бумерангов, и они по очереди возвращаются. Там разница в секундах. Он все успевает словить. Это очень зрелищно.

— Ха, — брызнула Венди. — Прикольно, думаю.

— Здесь тоже придумывают разные забавные вещи.

— Ага. Вообще «Бивуак» — не такое плохое местечко. Тут в принципе редко что плохое происходит.

С одного из внутренних дворов послышался настоящий визг. Совершенно резкий, Венди аж дрогнула. Он резал слух и вызывал желание отбежать подальше, лишь бы перестал раздражать. Во всём этом наборе звуков можно было разобрать только слово «отдайте», брошенное мальчиком с ещё несформировавшимся голосом. Моника покосилась на источник звука и аккуратно заглянула за угол.

Во внутреннем дворике действительно был мальчишка, четырнадцати лет на вид, который стоял на коленях, закрывал лицо руками и просто истерично кричал. Отталкивающее зрелище.

Только Моника сделала шаг, напарница схватила её за руку.

— Не нужно. Сейчас лучше просто пройти мимо, поверь.

Собеседница посмотрела в ответ так, будто маленький ребёнок подбежал и плюнул ей под ноги. Она плавно освободила руку и направилась во двор, к мальчику. Истерика того не спадала, и он всё так же верещал.

Венди прекрасно понимала, что Моника в эту самую секунду наживает себе целый ворох проблем. Строго заверила себя, что во двор ни ногой, и на этом их спокойные прогулки заканчиваются. Если вмешается, то это обернётся ошибкой, которая может кончиться очень неудачно и для неё. Венди в последний раз крикнула напарнице вслед, но та не повернулась. Тогда она ругнулась и начала наблюдать за всем издали. Проклятые сомнения с проклятой Моникой. И всё из-за какой-то мелюзги, дьявол его разорви.

— Что с тобой случилось? — спросила Моника, и мальчик поднял заплаканное лицо.

— Они украли... Забрали мою сестру! Я её больше не увижу!

— Люди, которые в доме, да? Много их?

— Это потому, что она хотела заработать! — мальчик рыдал о своём.

— А они её обманули. И забрали наши деньги!

— Сколько там человек?

— Пять или шесть, — хмуро ответила Венди.

Она стояла за спиной: недовольная своим решением, но слишком взволнованная, чтобы жалеть. Руки прятались в карманах, а лицо хотелось заслонить воротником. Исчезнуть бы и не выбирать вовсе.

— Сколько ей лет?

— Шестнадцать, — прохныкал парень.

— Её сдадут в ломбард для несовершеннолетних, — обратилась Венди уже к Монике. — Так мне кажется. Есть звенья, которые продают детей.

— Они сказали, да! Сестра им помогла, а они сказали, что... что обманули... — у мальчика заплетался язык. — Деньги не дали и сказали, что продадут!

Парню влетело, это было видно. Хоть он и прятал лицо, но даже по одежде можно было сделать вывод, что он до последнего пытался повлиять на ситуацию и получил отпор. Моника погладила его по голове и встала.

— Ты можешь идти, — обратилась она к Венди.

— Ты тоже.

Моника хмыкнула. То ли вызов какой-то в этом звуке был, то ли спутница находилась не в лучшем расположении духа. Что-то своевольное и слишком уверенное в себе.

Кирпич разбил окно и влетел в одноэтажный дом. После этого тишина, ни звука. Даже мальчишке было велено успокоиться. Он давился, прятал звук в ладонях, но старался не шуметь.

Дверь открыл мужчина среднего возраста.

— Он, — шепнул паренёк.

Металлический шарик набрал скорость и рассёк вышедшему верхнюю губу. Тот сначала гаркнул, а потом выругался так, что его услышали напарники. Из дома выбежало ещё четыре человека, среди которых была даже одна пожилая женщина.

В эту самую секунду Венди поняла, что прогуливалась по улицам с совершенно больным, неменяемым и безрассудным человеком. Этот её жест и прямое нападение — худшее, прямо-таки отвратительнейшее из всех возможных решений. Моника решила идти в лоб и делать это с максимальной уверенностью. Пусть так, лишь бы не увлеклась и тем самым не закопала их всех.

— Остановись, — с важным видом, выдавливая из себя спокойствие, бросила Венди напарнице. После этого она закатила рукава и обратилась к женщине в возрасте. — Привет сердечный и шепчущий. Зачем игнорируем пометки на домах?

— Что за чушь? — взъелась женщина, недовольная и обескураженная ситуацией. — Её дом проверяли — не было там никаких пометок. Потому и взяли!

— Не было бы пометок — не было бы и меня здесь. Вы поймите, мне дела нет, — она взглядом указала на ребенка так, чтобы Моника и сам мальчик этого не видели, — но всё должно быть по установленным правилам. Девочка не пришла, и меня послали сюда. Велели привести.

Ставка была на недоразумение. На многие дома разные звенья наносили свои пометки — так они общались между собой. Неприкасаемости на доме девочки быть никак не могло, но показывать это Венди не спешила. Важная девочка с важной семьёй, к которым лучше не совать руки, ведь так сказала Хтоники. Причина и правдивость этого факта роли играть не должны.

— Мы работает качественно и всегда смотрим за деталями. Я знаю, к кому и в какие дома приходят мои люди.

— Не сомневаюсь, — Венди нарочито устало вздохнула. — Будем собираться выяснять? Или две малолетки, может, не стоят того?

— Просто помечайте чуть очевиднее. Если там чиркнули мелом линию размером с волос — это не метка, вам ли не знать. А если и правда наша ошибка — извиняемся, будем смотреть ещё внимательнее.

Моника ждала, бросая взгляд то на одного говорящего, то на другого. Наверняка догадалась, всё же глупой её далеко не назовёшь. Конец всем вшивым спокойным прогулкам и спокойному общению. Перестанет говорить — и пусть, а полезет за деталями, так Венди ни слова не скажет. Многословностью не пахло в обоих вариантах.

— Понимаю. Девочку, пожалуйста.

Участники звена подсуетились, походили-походили по дому и вывели девушку, которая тут же кинулась к брату и обняла его. Она выглядела довольно спокойной и принимала ситуацию смело для ребёнка своего возраста. Все свои силы тратила, чтобы успокоить брата.

— И деньги, что забрали. Только после этого разойдёмся.

— Деньги? Мы забрали её без них и возвращаем тоже без них. Деньги так-то наши.

— Мне привести её без гроша и с ободранным братом подмышкой? Так вы это представляете? Дьявол, — чуть повысила голос Венди, — мы можем разойтись нормально, а не играть в нищенок?

— Хорошо, — кивнула та своему человеку. — Запомню, что Хтонь теперь деньги вымогает.

— Я вас умоляю, вы же профессионал. Должны понимать ситуацию и не скупиться, когда не следует.

Парень бросил мешок монет Монике, и та словила его. Она молчала, сохраняя такое же хладнокровие, которое было присуще и Венди. Чужое звено ушло, и всем стало проще — можно было не бояться и быть собой.

— Прости меня, милый. Всё, всё хорошо, вот, я здесь.

Непонятная детская логика, но все добрые слова сперва посыпались Монике. Она, видимо, выглядела как главная из их дуэта. Уверенный в себе человек с красивой осанкой, который шатается с вечно хмурой и невыспавшейся напарницей. Не за что Венди было винить детей, на их месте она бы и сама так подумала.

Девочка начала осыпать таким количеством благодарностей, что и правда могло начать тошнить. Моника была единственной из четырёх, кто улыбался. Мальчик всё шмыгал носом, обнимая сестру, а та места себе не могла найти, так хотела достучаться со своими ненужными благодарностями.

— Перестань, — просто ответила Моника, когда девочка замолчала.

Непонятно почему, но Венди очень понравился этот тон. Даже захотелось сказать, что она гордилась ответом. Это было взрослому, так, как она сама не смогла бы произнести. Показалось забавным, что одно только слово может рассказать о человеке достаточно много.

После того сестра парнишки подошла и к Венди. Аккуратничала, будто знала, что говорит с частью Хтоники, которая попросту не обнажала зубы. Для неё это было в диковинку — злое создание, которое вроде как оказалось на её стороне.

— Спасибо вам огромное. Право храбреца — оно ваше.

— Брось, девчуль. Какое ещё право храбреца? Ты думаешь, мы когда-то ещё пересечёмся?

— Если вдруг, то я рискну ради вас жизнью.

Глупые детские грёзы, не более того. Венди была уверена, что они не пересекутся, а устами девушки говорит вера в лучшее и чудесное. Даже случись какая заварушка, из которой Венди сама по себе выбраться не сможет, наличие ребёнка не сыграет роли. Только лишит её брата человека, которого она так сильно любит. Моника настояла на том, чтобы провести детей домой. Деньги, которые Венди выклянчила несколько минут назад, были у девушки в кармане.

— У вас есть родители? И если вы живёте в «Кипарисе», как вас занесло сюда, в «Бивуак»?

Венди нервничала. Шла не столько далеко, сколь отстранённо. Не держалась за руки, как остальные, не участвовала в разговоре. Моника оказалась полностью поглощена разговором и выяснением истории детей, которых она уже через несколько дней забудет. Они были в восторге от её харизмы и шли как замороженные, с лёгкостью отвечая на вопросы и задавая свои. Но когда дети уйдут, и Моника спросит её о пометках и звеньях — что она ответит? Будет ли та же лёгкость, как у детей сейчас, когда Венди начнёт лгать человеку, который её, может, и вдохновляет в чём-то?

— Работу посоветовал мой знакомый. Я и подумать не могла, что меня подставят. Я даже курьером работала, но это...

Пусть болтают, пусть. Лишь бы дом мелюзги не был за близлежащим поворотом. Тогда хватит времени собраться с духом и что-то выдумать. Только бы не услышать в ближайшие пять минут, что они пришли.

— Вы любите друг друга, потому цепляйтесь за это чувство, — Моника осыпала детей своими нравоучениями. — Даже когда станете старше, даже когда что-то не поделите — идите по жизни рядом, пожалуйста. Вас двоих надолго хватит.

Ну что за лучезарный человек? Понятно, почему дети проникались её словами — они пока не увидели сути изнанки всего этого. Сегодня лишь один из неприятных случаев, но впереди таких целое поле. Наивность и делала их детьми. Но отчего саму Венди это так задевало, она понять не могла. Она слушала слова, а не выдумывала ложные истории, которые вскоре облачатся в звук. Банальные, но цепляющие слова. Слишком оптимистичные, но сказанные взрослым человеком, а не наивным ребёнком. Моника держала детей за руки, одаривала историями о том, во что они и так верили, и шла по улицам разрухи так, словно её и не было. Слепая ли она была? Или непобедимая?

Оба зашли во внутренний двор клока, куда не пускали без разрешения. До дома детям оставалось пройти небольшой дворик, только и всего. Объятия и благодарности повторились по кругу. Брат с сестрой подошли к двери и напоследок помахали, прежде чем войти внутрь.

— Вечно детей куда-то тянет, ну, ужас, — взяла на себя инициативу Венди, надеясь болтовнёй отвлечься и отвлечь от насущного. — Я, дьявол, не знаю, какая вата должна быть в голове, чтобы тусоваться в тайне от родителей. Сахарная, не иначе.

— Венди...

— Что? — она попыталась отшутиться. — Не сахарная? Медицинская?

— Я не о том, — как же быстро воздушный тон от разговора с детьми сменился на серьёзный. — Не представляешь, как приятно ты меня удивила своим поступком. Ты даже себе не представляешь.

Глава 8. Тлей, не стесняйся

Когда к жителям домой наведывается звено, настроение первых сразу ухудшается. Если это Хтоники, почти всегда ухудшается ещё и здоровье. Шоэнт справился. Тут, конечно, браво. Цель меняла квартиру за квартирой, потом мотель за мотелем. Информатор уже не бежал следом, а ударил на упреждение. В этот раз он оказался быстрее. Только цель покинула предыдущее место, её уже ждали в следующем.

Трое стояли на улице, караулили кто тут, кто там. Остальные прятались, и их было не меньше десяти. В здание зашёл нужный человек. Для Венди задача за малым — показать, какая именно дверь. Они остановились у комнаты с цифрой семнадцать. Бриккт выбил дверь ногой с первого раза — у щеколды не было и шанса. Первое, что сделал Дарко, — утихомирил закричавшую женщину, прикрыв ей рот рукой.

— Шёпотом.

Тишина. Немой мальчишка семнадцати лет что-то промычал и больше не дёргался — страх работал, потому у него не было даже секундной мысли, чтобы закричать или сопротивляться. Бриккт придушил женщину и закинул себе на плечо. Только они вышли из комнаты — паренёк бросился следом, но Дарко загородил проход. Мальчик начал мычать и о чём-то просить на своём странном языке. В ответ абсолютно размеренный голос, как и всегда.

— Возвращайся в квартиру и жди нас. Мы вернёмся. Если я тебя не застаю, то найду и отрежу руки. Хорошо?

Парень дёрнулся. У него не хватило сил кивнуть, но Дарко хорошо разобрался во всех разновидностях человеческого страха. Он поцеловал мальчика в лоб и последовал за своими напарниками.

Бриккт нёс женщину на плече, та была без сознания. Остальные шли рядом, осматривая дикие земли Гавани. Не слишком далеко от города, но других людей тут точно не встретишь. Сюда они заходили только с лидером. Жило здесь что-то, чего он, в отличие от других, не боялся. Напротив, это «что-то» было близкое ему. Его аромат и поселившиеся здесь существа были похожи, а может, даже одним и тем же.

Дарко дал команду остановиться рядом с бледным пятном и Бриккт швырнул женщину в лужу. Один из новичков достал фотоаппарат и начал щёлкать.

— Буди её, — приказал здоровяк Нерре.

Та закатала рукава и два раза ударила женщину по лицу. Она проснулась, застонала и испугалась вида крови.

— Ну, привет, Кетагея. А ты умеешь прятаться.

— Кто вы такие? Где мой сын?! — испуганно спросила заложница, осматриваясь по сторонам.

— У меня вопросы. У меня, не у тебя! Есть тот, кто отвечает. Есть тот, кто спрашивает! — Нерра плюнула в неё.

— Подождите, пожалуйста!

Та выкрикнула и старалась защищаться от ударов, но даже через ладони костяшки попадали по голове.

— Скольких! Из-за тебя! Повязали! Ах ты! Шваль! С промытыми! Мозгами! — Каждая пауза сопровождалась сильным ударом. — Знаешь, сколько проблем доставляют такие, как ты? Знаешь?!

— Это не я! Не я! Я не знаю, кто это!

Хтоники знала, что женщина не до конца честна. Шоэнт трижды проверял информацию. Будь вероятность испачкать руки попусту, всего этого бы не произошло. Это была она. Нерру это враньё вывело ещё сильнее. Та пустила в ход ногти, но жертва закричала, и Дарко остановил избиение.

— Слепая ярость, Нерра. Доминируй, но не сходи с ума.

Он мягким движением отвёл кулак той в сторону и приложил ладонь к её щеке.

— Мягче.

Лидер повернулся к избитой женщине и присел.

— Кетагея, я тебе объясню. Ты прошла большую дорогу с «Циклом». Мы здесь, чтобы объяснить, что дорога была неправильной. Сейчас — момент твоего торжества. На твоём примере будут учиться другие.

— Помо...

Ладонь прикрыла её губы.

— Шёпотом. Исчезай шёпотом.

Мрак восторжествовал, и жертва снова лишилась слов.

Парень поднёс палец второй руки к вязкому пятну на земле, где жила какая-то дрянь. Он покрутил рукой, и оттуда, как марионетка, появился острый шип живого существа, которое до этого не хотело показываться. Все наблюдали за этим завораживающим процессом, не нарушая тишину. Из рта жертвы полилась чёрная жидкость, — значит, она кричала. Чтобы не оставить шансов, Дарко сжал ей горло. Сжал сильно, как наездник, что приказал своему животному молчать. Слабые руки вцепились в его ладонь, но чего ради?

Тонкий хвост, как гибкая иголка, следовал указаниям человека. Он вытянулся и медленно прошёл сквозь кожу живота. Женщина задёргалась и попыталась вырваться, но Бриккт прижал её руки к земле. Тогда хвост продолжил, стежок за стежком. Живот, затем грудная клетка, прямо между рёбер. Медленно и тихо, никакой импульсивности. Всё происходящее снималось на фотоаппарат. Крохотное отверстие под ключицами, потом в шее, выше и выше. Хвост поднялся над глазом и начал опускаться вниз. Венди закрыла глаза.

Никто не говорил, ведь боялся испортить момент. По телу пробежала дрожь, и Дарко отвлёкся.

— Что такое, чудо?

— Почему сразу не убить?

Лидер застыл, застыло и жало. Его почему-то очень удивил заданный вопрос.

— А в чём дело?

— Я просто не понимаю, — Венди увела взгляд. — Мы же таким не занимались. Зачем тянуть?

Злость Дарко не читалась в словах и действиях, только в интонации. Он говорил всё так же спокойно, но уже с нотами, когда на грани.

— Так нужно. Ты не понимаешь? Ты правда считаешь, что это лишнее? — ему не ответили, но он настоял, повторив вопрос ещё раз.

— Мне кажется, да.

И хвост буквально влетел в висок женщины, будто воплощение всей злости Дарко. Его кончик показался с другой стороны головы, хотя заложница прекратила дёргаться ещё до этого. После этого игла, наконец, спряталась в пятне.

— Хорошо, я доверяю твоему мнению, Венди, — невозмутимо произнёс лидер. — Обойдёмся без прелюдий. В этот раз никаких прелюдий. А теперь пойдём.

Он встал и ушёл прочь, обратно в сторону Торакса. Дарко злился, но решил пока не выяснять отношений. За ним хвостом скользнула

Нерра, а за ней и все остальные. Никто не сказал ни слова, но некоторые посмотрели на Венди так, будто та сорвала самое долгожданное шоу.

Она посмотрела на мёртвого человека, с которым обошлись крайне жестоко. Внутри стало мерзко, мерзко настолько, что захотелось выпрыгнуть из кожи. Она прикоснулась к существу, которое только-только было живым, и ощутила то ли жалость, то ли стыд. Венди погладила руку и захотела как-то помочь мертвецу. Глупейшая мысль.

Страх вернул ощущение реальности. В Гавани мало кто решался бродить один возле пятен — от них можно было ждать чего угодно. Девушка оставила неподвижное тело, но, даже когда бежала за другими, чувствовала себя предательницей. Будто не оправдала искренних надежд незнакомца, что навсегда останется лежать в болоте, вдали от родного дома.

Дарко выполнил обещание. Хтонику вернулась в квартиру парнишки, которому было велено ждать. Он сидел запуганный у стенки и лишь поднял голову, когда незнакомцы вошли в комнату.

Венди видела это взаимопонимание между Дарко и парнем у стены. Он не спросил про свою маму, потому что одним только взглядом лидер дал понять, что спрашивать не о чем. Пара секунд, а так много важного осталось позади.

— Пошли с нами, — сказала тёмное пятно и протянуло руку. — Мы дадим тебе то, что ты попросишь. Мы тебя защитим.

Внутри Венди что-то лопнуло, и сердцу стало больно. Как и многие в Тораксе, мальчик перед ней искал тепла. У него забрали основной источник, дарящий всё самое важное просто так, без корысти. И сейчас стоял выбор между голодной смертью или единственным оставшимся шансом. А человеческое тепло, пусть даже в малых дозах, в Тораксе перестало быть высоким понятием и стало товаром. Здесь без него умирали чуть медленнее, чем без чистой воды. Это была его первая доза — как и сама Венди когда-то давно, мальчик протянул руку.

* * *

Венди была таким же искажением, как и остальной костяк Хтоники. Она хорошо понимала дефектную суть остальной четвёрки, но и собственное уродство не ускользало от внимания. Человек на рубеже — после свиданий сознание и восприятие мира никак не искажались окончательно, но только тёмное касалось её, как как тяга к нему

давала о себе знать. С Дарко Венди была податливой, хоть и старалась искоренить в себе эту черту. Смотрит с холодом, флегматично отвечает, но порой думает о том, как облизывает его запачканные алым пальцы.

Отрицать мысли такие получалось лишь когда она возвращалась домой. Убеждала себя, что нет их вовсе, а если и проскочило что-то похожее, то было оно эфемерное и шуточное.

Помимо прочего Венди всеми силами прогоняла мысли о своей виновности в том, что свидания для многих кончались трагедией. Жизни ломали кулаки, которые она ни разу ни на кого не подымала. Так она и жила — отрицала то, что поглощало её, а когда приходила понимание этого, то отрицала и само понимание.

Когда Кетагея исчезла, Венди шла по следам. У неё был свой путеводитель, за которым просто нельзя было не пойти. Тот редкий человек, тропы которого Венди не могла найти и понять. Когда Дарко шагает — всегда молчит. Он словно не умел говорить на ходу. Каждый диалог с ним получался статичным. Два человека в крохотной невидимой клетке.

Сейчас они сидели у самого края Торакса, там, где начиналась Гавань. Перед глазами, всего в нескольких шагах, была арка, а за ней — что-то пугающее. Но никто не пересекал границу.

— У тебя всё хорошо?

— А почему ты спрашиваешь? Я выгляжу больной?

— У меня плохое предчувствие.

— Поделись.

— Будто на тебя что-то влияет и портит. Ты меняешься.

— Это выражается в моём поведении?

Дарко повернул к ней голову, но взгляд остался приклеенным к пейзажу перед ним.

— Просто не сдавай позиции. Делай то, что у тебя хорошо получается. Сердобольность здесь ни к чему.

— Хорошо. Я понимаю, о чём ты. Момент слабости.

— Да. С кем ты проводишь время, когда свободна?

У Венди пробежал холодок по спине, но она лишь безразлично пожала плечами.

— Я часто сижу с отцом. И стараюсь побольше читать. Не то что бы меня грела чья-то компания.

Он закрыл глаза и закивал. Затем встал, обошёл Венди и закрыл ей рот рукой.

— Ты переживаешь за этого мальчика, Венди. Я могу ответить на вопрос, который не задаёшь. На вопрос: «Что с нами не так?». Ты поймёшь, о чём я.

Иногда с Дарко можно было поговорить. Иногда даже поспорить. Но чем сильнее он был собой, тем меньше хотелось ему что-то сказать. Тем меньше лидер мог услышать. Он прикрыл глаза человека ладонью и подарил ему темноту. Когда он был искренним, он отдавал всю свою сущность.

— Вопрос в том, что с нами произошло. Все знают, кто виноват, здесь тебе даже подзаборный мусор ответит. С пеной у рта начнёт доказывать, что Риджикт погубил нас. Оно и понятно. Раскусил зубами наши дома и рельсы.

Это была сказка, никак иначе. Мягкий голос шептал на ухо, а глаза не работали, чтобы воображение могло разгуляться. Со стороны Гавани приближалось что-то большое, с чем Дарко был хорошо знаком. Возможно, кульминация истории.

— Но почему никто не говорит, что он в первую очередь раскусил нас? Почему не признают, что вместе с домами разрушились и мы, Венди? Я знаю города, которые даже под землю вкапывали, а они прорастали. Просто переплетались корешками и что было силы тянулись к солнцу. И получалось так, что со временем они обгоняли того, кто поднял на них ногу. Это правда, чудо. Обычная тяга жить и развиваться. Но как-то получилось, что у нас забрали эту самую тягу. Меня в мандраж бросает от мысли, что у наших людей забрали эволюцию, а они кричат: «Верните нам железную дорогу!». Не загнивших родителей, не загнивающих самих себя, а дома, работу и ровную дорогу.

Чувство, что вот-вот что-то произойдёт. Может поцелуют в затылок или туда же стрельнут. Будто завязали глаза и сбросили с неизвестной высоты. Каждую секунду ты ждёшь удара, даже если ещё лететь и лететь. Может, тебя обманули, и тело станет новым красным пятном на бетоне. Может, упадёшь в огромную кучу перьев, смазанных мёдом. А может, ты вообще никогда не перестанешь падать.

— Есть одно понятие, которое сильнее всего, что я когда-либо встречал. Одно слово, которое описывает прекраснейшую сторону мира. Это слово «рождение». Вдумайся, насколько оно безграничное, Венди. И теперь ответь мне, куда же оно пропало? Почему теперь женщины производят детей, но не становятся им матерями? А тот счастливец, кто всё же рождается, со временем загнивает. Каждый без исключения. Будто на нашем поколении должен кончиться род. Я

не понимаю Торакс так же, как и ты, чудо. Не понимаю, когда случилось так, что родители стали неспособны защитить самое драгоценное от огромной пасти.

Прилив. Она услышала его шум, и тут же ноги намокли. С Гавани пришла вода. Много воды, и она точно чёрная, даже ладонь убирать не нужно. Не настоящая, не существующая нигде за рамками. Торакса или воображения — невозможно было сказать. Но тепло поднималось выше щиколоток. Станный запах, отдалённо напоминающий рыбу. Этот прилив — просто одно из проявлений Дарко. Его жидкая форма.

— В Тораксе нет эволюции. Нет предков и нет потомков. Половина пока не верит, что это так. Их детей воруют. Их самих насилуют и убивают в подворотнях. Потому что тянутся к первозданному. К человечности. К ласке матери. К защите отца. Которые не смогли прижиться в самый важный момент. Но я никогда не тянулся к этому. Ни единую секунду своей осознанной жизни, будто сразу понял, что бал правит Торакс. И я тоже не рождался. Одну женщину просто стошнило мной. Тогда я начал делить квартиру с двумя разнополыми существами. Не мамой и папой, не отцом и матерью. Не как ребенок. Я, как и другие, просто-напросто продукт порочного зачатия. Изначально родившийся как плачущий обрубок в тёплой луже. Вот тебе и всё моё детство. И мне даже не грустно от этого. Мне никак. Чувство, что мне почти всегда никак.

Какие-то вульгарные мысли и чувства в голове. Такую воду хотелось выпить куда сильнее, чем обычную чистую. Это желание из тех, которые человек пытается часто прогнать, называя неправильными. Но под такой водой лучше всего открывается человек. Тогда тянет не к телу, не к поведению и не к тому, что у него в голове. Просто ты чувствуешь его в каждой капле и хочешь выпить досуха.

— Я видел, как пропадали те, кто продолжал играть в семью. И только сжавшийся кровавый комок не умер, потому что и не рождался никогда. Я вырос. Я проголодался. Выскоблил лучики несуществующего света из головы. И перестал бояться. Мне некого терять. Меня некому побеждать. А Хтонику может подойти к любому человеку и забрать у него куда больше, чем жизнь. Может забрать смысл жить. Может забрать будущее и настоящее. Даже изуродовать прошлое, если очень захочет. Ты только вдумайся, Венди, что значит быть сильнее человеческого естества.

Дарко убрал руку и обошёл. Стал прямо перед девушкой, но она и не думала открыть глаза. Люди всегда преклоняются перед теми, что выше них.

— Важно знать свою суть. Слово, которое с тобой с самого начала и до самого конца. Для меня это не темнота. Люди часто смотрят мимо. Они видят только мой способ выжить здесь, только и всего.

— Презрение. Вот моя суть, которую я передаю темнотой. Потому что я презираю тех, кто верит в несуществующее. Я презираю тех, кто отказывается признать, что он — суррогат. «Цикл» и всё, что он делает. Их подачки, их защита слабых и надежда на прошлое. Слабым уже не выбраться, защищать нужно было живых. Поэтому меня воротит от них. Но глубже всего я презираю наших предков за то, что мы так и не смогли родиться. Что в самый важный момент у них не хватило сил закрыть нас.

Прилив начал уходить. Чувствовалось, как вода направилась в другую сторону. Назад в свою конуру. Главное — не встать и не побежать следом.

— Вот тебе и война: нас и их. Метастазы в наших головах против психоза в их. Это моё виденье. И, честно, я не разделяю твоего взгляда на отца, но помогу, как и обещал. Потому что ты талантливая. Ты — человек, который находит дороги к людям. А мне довелось стать тем, кто их перерезает пополам.

Венди открыла глаза. С уголка рта у Дарко стекала чернильная капля. Тонкая, никакой опасности.

— Ты говорила, что не чувствуешь болезни в своей голове. Но она есть. И в моей тоже есть, потому мы уже не сможем стать нормальными. Целовать любимых матерей и отцов. Гордиться ими. Жить за стенкой. Мы — мутировавший слой. Дети, возвращённые Тораксом и реальностью, а не мамой и папой. Н-е-е-ет, — с наслаждением протянул он. — Никакие мы не взрослые. Я такой же ребёнок, как и ты. И все мы дети нового поколения, которые не знают, как вырасти. Повидавшие куда больше, чем те, кто нежится в беспечности. Заменявшие цветы на сигареты.

Лидер вытер каплю и коснулся губ Венди. Провел слева направо и превратил бледно-розовый цвет в родной. Она не облизнула их. Он не настаивал.

— Но ты... ты останься собой. Настоящей. Живи по единственному правилу, которое здесь работает. Разбивай витрины и окна. Вырезай своё счастье на чужой груди. Воруй чужое детство, чтобы сохранить своё. Иди и не обращай внимания на хруст других под ногами. Тлей, чудо моё. Тлей.

— Хорошо. Я...

Слова будто сами собой сорвались. Венди совершила единственную ошибку — ответила, хотя не следовало. Обычно она чувствовала это,

причём идеально, но сейчас случилась осечка. Разговор окончен, не нужно было продолжать. Иначе это как вода в уши, как слова ради слов. Словно глухой положительно кивнул на заданный вслух вопрос.

Дарко быстро закрыл ей рот ладонью и помахал головой. Лидер хмурился. Пальцами свободной руки он коснулся своих губ. А взгляд поедал. Будто рассказывал страшные сказки без букв. Обещал удушить, если что-то пойдёт не так. Если поведение станет ещё страннее. Если сердце хоть немного подтает.

«Не подтает, — поклялась она про себя. — Обещаю, что больше не ошибусь».

Глава 9. Гасим костёр, срезаем крылья

Вернувшись, она ни словом не перекинулась с человеком, который жил с ней под одной крышей. Молча пожарила еду и так же молча приготовила лекарство. Тот снова заснул как младенец и начал скрежетать. Зародилась мысль, что сладость его сна каким-то образом высасывала счастье из самой Венди. Хотелось вынуть челюсть из его рта, но она достала нитки из шкафа и устроилась на подоконнике. Главное — сосредоточиться.

Всё никак не получалось сплести товарища для Ричарда. Часто дело было то в настроении, то в занятости. Стыдно, но ничего не поделаешь. Ричард был другом и иногда, когда они оставались один на один, наталкивал на хорошие мысли. Хотелось отплатить, но только появлялась возможность — всё хорошее словно забывалось. Будто он и правда был переплетением ниток, только и всего.

Проблема пряталась в ней самой. Либо руки забыли, либо что-то в черепной коробке мешало. И не нужно было смотреть в зеркало, чтобы найти ответ, что именно. У куклы появились уродливые ноги, затем уродливое тело и такие же руки. Не лицо, а пепельница.

Нитка за ниткой, и она закончила. Венди не связала друга. Она просто придавала клубку ниток форму. Ни красок, ни индивидуальности. Никакого желания, чтобы эта кукла жила дальше. И хоть Ричард был далеко не красавцем, в его значимости никогда не было сомнений. Сейчас же в руках был какой-то мякиш.

Венди была человеком, который хорошо чувствовал и понимал живых, но неподвижных. Кукол, зеркала и почву она относила именно к таким вещам. Ножницы отрезали нитку за ниткой, а пальцы обвили вокруг головы неудачной попытки и даже не дали ей шанса побыть настоящей. Голова крутанулась и оказалась в левом кулаке. В мусорник.

Тогда хотелось найти хоть что-то в книгах о снах. Сны тянули. Они прятали в себе грандиозный секрет, может быть, даже непостижимый, но к нему хотелось прикоснуться. Раньше. А сейчас не было книг, не

было новых зацепок. Венди и в свой-то мир с божьими коровками могла сбежать всё реже. Непонятно почему: то ли сон стал слишком прерывистым, то ли мысли невольно крутились вокруг чего-то ещё. Просто не осознавала себя во сне как раньше, сколько ни смотри на асабикешу. Какое-то муторно-серое месиво, даже если ночью браслет молчит. А может, это место настолько надоело запахом, что уже и палочки не помогают. Так и остаётся сидеть и смотреть в одну точку. Думать, чтобы потом на пару десятков минут задремать.

* * *

— Я часто замечаю эти странные фразы. Вот такие, смотри. Что они значат?

На кирпичях у самого пола была написано кривыми чёрными буквами: *«Здесь нарисовано море»*.

Не тянуло на разговоры. Сейчас Моника этого почему-то не ощущала. Спросила о самочувствии, а вот многословность не искоренила. Здесь было так же, как в родном «Колькотаре». Валяются вонючие люди. Смотрят безнадежными глазами. Венди буквально выдавливала из себя слова, но не понимала зачем.

— Тут часто люди умирают на улицах. Особенно ночью. Многих грабят и избивают. Часто так сильно, что они способны протянуть максимум с пару часов. А эти записи... Своеобразная эпитафия.

— О... Звучит печально, — Моника записала фразу на лист.

— Наверно.

— «Здесь нарисовано море»? Это же странная эпитафия, не считаешь?

— Нет, не считаю. Я понимаю этих людей. Иногда они даже встать не могут, но хотят оставить хоть что-то, даже для самих себя. И когда такое происходит, вряд ли они думают о стихах и красивых высказываниях знаменитых поэтов. Я думаю, в такие моменты люди пишут самое сокровенное, что в них существует. Почему-то кажется, что для этого человека море играло большую роль.

— И, думаешь, сейчас он уже... не живой?

— Мне плевать, честно. Найти труп наутро — явление не первой редкости. Асфальту тоже нужно что-то есть.

Молчание. Проводница словила себя на мысли, что слишком сильно сжимает зубы, то ли от злости, то ли ещё почему-то. Нельзя, иначе

треснут. Как черепа, которые целует бита. Хотелось прогнать или даже пнуть пляющихся исподлобья местных. Непонятно только за что. Хотелось отчитать себя, а ещё больше отца. Вывести на улицу и крикнуть: «Ну ты посмотри! Посмотри, как хорошо вокруг. Только глянь на небо, на...».

Больше не на что было смотреть. Никак не упрекнуть за то, что люди не высовываются из домов. Нет того, ради чего можно было хоть выглянуть в окно.

«Умоляю, сломайте стены».

Моника сделала фотографию и записала фразу. Хрупкий аппетитный человек для Торакса. Хотя так. Хрупкий — ведь не значит сломанный, а аппетитный — не значит съеденный. И человек — такое странное слово для этого места.

«Абсолютно бесполезные люди!».

Слово точно для таких, как мерзопакостная Нерра. Как идиот-переросток или говорящий спиральями информатор. На счёт себя у Венди не было сомнений — такой же странный ребёнок, как и остальные.

«Мы — всё, что у нас было».

Спокойное выражение на лице Моника пропало. Видимо, стало не до беспечности. Она подолгу всматривалась в фразы, будто задумывалась. Полминуты внимания на строчки, которые пишутся, когда жизнь перед глазами пролетает. Полминуты на неудачника, о котором никто и не вспомнит уже через виад. Добро пожаловать.

«Мечтатели пишут здесь первыми».

Венди засунула руки в карманы и со всех сил сжала кулаки. Обида, невероятная дымящаяся обида, которая не проходила который год. Весь этот сумбур начался, когда важный человек в последний раз переступил порог. Единственный человек, которому хотелось пожелать всего самого жестокого и страшного.

«В этих минутах спрятан самый искренний слой».

— Я пришла к важному выводу, — резко начала Моника, — хотела бы поделиться.

Монолог. Это было понятно с самого начала. Никто из них не думал отступить от своего. Одна не закончит рубить слова, другая не закончит их выращивать.

— Дело в людях здесь. Я никогда таких не видела. Когда поговорю с ними, иногда даже когда просто посмотрю, то стараюсь развидеть то, что за общей картиной. И это... Невероятная надежда в их глазах, Венди. Какое-то непередаваемое стремление и сила. Да. Я правда замечала, что в глазах некоторых вижу так много воли и силы, что до мурашек. И мне почему-то хочется понять их. Ты никогда не замечала?

— Нет.

— Попробуй как-то посмотреть или поговорить. Даже с бездомными. Некоторые из них светлые и настоящие, хоть все думают, что они просто грязные. Но это не так.

Действительно неловкая пауза. Броня старалась не треснуть, а слово с острым наконечником не сорваться с тетивы. Обе старались держать баланс.

— Холодно. Пойдём домой?

— Да, давай заканчивать, — она постаралась прозвучать повеселее, но не вышло.

— Ты любишь горячее молоко с асситанью²³?

— Не пробовала.

— Возле моего дома есть забегаловка. Там его делают очень вкусным. Я угощаю, только попробуй, пожалуйста. Отлично согревает, к слову.

Венди безразлично пожала плечами. Моника знала, что «мне совершенно плевать» тоже относится к категории положительных ответов.

Забегаловкой оказалась совсем крохотная будка, где чудом умещался продавец. Он сидел на высоком табурете и мог сделать максимум полшага вперёд. Но работал тот оперативно: пару раз ловко крутанул налево за ингредиентами, направо к кипятильнику, потом заправил молоко, и всё — угощение готово.

После этого они уселись на скамейку под пансионатом. Венди попивала горячее молоко и согревала руки о стакан.

— Венди, ты планируешь сегодня вернуться к себе, да?

— Да.

²³ Асситань — пряная порошковая специя.

— А хочешь?

Венди проигнорировала вопрос.

— Ты живёшь с родителями или одна?

Полностью игнорировать слова было бы странно даже в таком состоянии. Моника искала слова, но они разбивались, не долетев.

— С отцом.

— А-а. Сильная связь. Дочь и отец, это такая уникальная любовь: мне сложно её описать, но есть в ней что-то, чем я восторгаюсь.

— Это точно.

— У вас нет такого?

— Не то чтобы.

— Жаль. Понимаю, когда не хочется говорить. Я вот всё своё детство провела с мамой. Папа часто ездил в другие города из-за работы, а я, мама и моя сестра ждали его. Так что я, считай, выросла среди девчонок.

На её лице показалась радость от воспоминаний, что сверкнули внутри. Появилась искренняя улыбка, а взгляд привязался к небу.

— Мы жили у большого озера. Заплетали и расчёсывали друг другу волосы, плели шляпы и даже рыбачили. Хотя моя сестра была той ещё мягкосердечной малышкой и всегда тайком выпускала рыб. Наша мама всегда была с нами, а папа... Знаешь, его силой были слова. Когда приезжал, он иногда мог сказать что-то такое сильное, что аж летать над озером хотелось. В эти смешные двенадцать-тринадцать лет мы, конечно, не понимали многого, что я могу понять сейчас.

Она закрыла глаза, будто синева просачивалась через её веки. Венди сделала то же самое, но не получилось. Темнота, да и только.

— Я думаю, что после Скрежета все дети моего возраста стали чуточку взрослее. Кончилась беззаботность, что ли. Все сконцентрировались на чём-то другом, а эти озёра, расчёски и целые семьи — они куда-то делись. Хотя семья — это важно. Важнее, чем может показаться в первые пару десятков лет жизни. И по своему опыту скажу, что важнее, чем нам кажется, когда мы кричим и ругаемся. Я счастлива, что иногда приходят такие мысли. И надеюсь, что у вас с папой станет чуть получше.

Венди не ответила, хотя её ответ был нужен. Смотреть вверх хотелось ещё дольше, чем плавать в приятных воспоминаниях. Хорошее настроение Моника осталось с ней.

— Пошли внутрь. Есть что показать.

Проводница молча последовала за подругой. Когда они вернулись, Моника выскочила в местную трапезную и вернулась уже с ужином.

Она разделила порцию пополам и неожиданно что-то достала из-под стола.

— Есть подарок для тебя.

— Что? — переспросила Венди.

— Подарок. Этот.

Моника протянула книгу, где на фоне птицы с длинными рогами красовалась надпись: «Где пересекаются дороги богов». Обложка была в фиолетово-красных тонах.

— Такие книги здесь и правда сложно найти, но одну удалось урвать. Получилось достать вчера на краю города. Я помню, что тебе такое интересно, а найти не всегда выходит. Это не совсем о снах, скорее о разных древних богах. Но это... Тоже можно считать древними знаниями. Мне хочется, чтобы, несмотря на проблемы и сложности, ты тянулась к лучшему. Чтобы притягивала добрых и отзывчивых людей. Хоть плохого много, важно не забывать о хорошем.

Венди взяла книгу в руки, пару секунд посмотрела на неё и положила на ближайшую тумбу. Её взгляд поник. На секунду дарящей стало страшно, нет ли на лицевой стороне какой-то обидной или грубой надписи. Голос прозвучал осуждающе и слегка враждебно:

— О каком, гори оно огнём, хорошем, Моника? Где ты здесь вообще увидела что-то хорошее?

— Я о том, что везде ведь есть хорошие люди. И если...

— Но это чушь. Ты несёшь чушь. Если ищешь тех «добрых и светлых» людей, о которых ты говорила несколько минут, иди и поосматривай морги — они все там. Поэтому давай без этого мерзопакостного оптимизма. Тебя тут сожрут живьём, если ты не так глянешь. Какое, дьявол, «тянуться к лучшему»?

Венди через силу улыбнулась, и эта улыбка была оскорбительной. Её собеседница прищурилась, и было видно, что слова её задели.

— Но я-то их видела. И говорила с ними.

Венди не давала нормально ответить, хоть и не переходила на крик. Но в голосе слышались все её настоящие чувства.

— Всё совсем не так, как тебе хочется видеть. Ты приехала невесть откуда, а болтаешь о том, чего не знаешь. Тебя здесь похоронят при малейшей выгоде даже близкие люди. Поэтому не заливай мне про свои рыбалки, шляпы и милую маму. Здесь бы она тебя сначала на руках носила, но потом бы не постеснялась ножом по горлу полоснуть. Тоже своим опытом поделюсь, ладно? Ведь, в отличие от твоих сказочных рассказов про отцов, мой папаша словил куш, и ему совсем сорвало крышу. Как оно, лучится добротой?

Тон стал выше, и говорящая полностью перетянула разговор на себя.

— Вот так вот с родителями у меня. Летать от их поступков и слов, увы, не хочется. Потому что одна мерзкая дрянь, а другой — потерявший веру в жизнь ходячий труп. И здесь так у каждого третьего — я не строю из себя страданицу. Поэтому оставь свои рассказы об озёрах и любви к родителям где-то там, у себя в голове. Мы тут развлекаемся по-другому и зависаем на наркотиках, объедках или петлях.

Венди взяла книжку в руки и захотела швырнуть её о стенку, но сдержалась. Она вцепилась ногтями так, будто хотела отодрать кусок переплёта.

— Отличный подарок, спасибо. Только ты не думаешь о том, что закончишь свою диссертацию, сверкнёшь пятками и забудешь этот город как страшный сон, а мне тут гнить до победного. Твои рассказы и эта книга — это скотский поступок. Потому что ты — человек с другого мира, заскочивший сюда на всё готовое. Так что забери свой сюрприз и беги из этого места прямо завтра, раз ты думаешь, что здесь есть какие-то волшебные лучики добра. Беги, просто чтобы не подохнуть среди жестоких и скомканных людей, потому что и те, и другие тебя утащат на дно. И ты начнёшь либо ломать, либо сама поломаешься.

Она бросила книгу, но не агрессивно, а пренебрежительно, будто окуроч. После этого Венди на пару секунд замолчала и прикрыла ладонью глаза.

— Я не наивная маленькая девка. Но я честная во всех ситуациях, и это, пожалуй, мой единственный плюс. Это к вопросу о моих сильных сторонах.

Одна медленно подобрала с пола раскрывшуюся книгу и положила её на ближайшую полку. Вторая уже была готова услышать оправданное «вон отсюда» и думала, какую колкость бросит на прощание.

— Ну а ты-то, Венди? Тоже сломанная и жестокая?

— Я вот-вот стану такой. Сейчас у меня две цели — найти еду и воду, от которых меня не вывернет наизнанку, и накопить денег, чтобы уехать из этого болота со своим полусдохшим отцом. Но, честно, отбросив все сказки, я знаю, что у меня вряд ли что-то получится. Я уже варюсь в черноте ради денег, и либо захлебнусь в ней, либо стану такой, как он.

— Ясно. Я тебя поняла.

Моника была серьёзной. Не разбитой, не обиженной, а какой-то неприступной. Она показала знак победы.

— Теперь две вещи, которые я хочу сказать. Первая — моё мнение. Просто мысли человека, который не родился здесь и ничего не понимает. Слова которого, может, и правда ничего не значат.

Никакого зрительного контакта. Моника справлялась — это Венди закрылась от мира ладонью. Она смотрела на темноту, и хоть реальность просачивалась сквозь пальцы, не удавалось вернуться в мягкие оранжевые цвета. Только не сейчас.

— Ты хрупкий и уязвимый человек, Венди. Это факт. Но в то же время с каким-то потенциалом внутри. Как бомба, в хорошем значении этого слова. Почему-то, смотря на тебя, мне кажется, что не так уж всё это безнадежно. И книгу я хотела подарить не мрачному Тораксу, с его убийствами, наркотиками и объедками. А всё же человеку, который меня вдохновляет. Не могу вам с папой помочь билетом за рубеж, как бы ни хотелось. Но решила порадовать мелочью. Не вышло.

Она загнула средний палец и заговорила ещё холоднее.

— И вторая. Я действительно не так хорошо знаю Торакс, как ты. Но не забывай — обо мне он не знает ничего. Вообще ничего. Я вижу, как он живёт, хоть и пока не успела это по-настоящему понять. Но, Венди, если он попробует меня пережевать, то переломает все зубы, можешь в этом не сомневаться. В своём металле я уверена намного сильнее, чем в чём бы то ни было. Не нужно забывать, что твой ночной кошмар может быть для кого-то пылью под ногами.

Девушка говорила это не безжизненным голосом, и слышалось, что в ней тоже пляшут эмоции. Но каждое слово будто проходило через непробиваемый барьер, прежде чем было озвучено. Если бы не он, то полилась бы желчь и те обидные слова, которые оседают в сердце надолго. Начался бы крик и тычки пальцем в ответ, но ничего этого не было.

Гнев переплывал в удивление. Моника не брызгала грязью в ответ и будто даже умудрилась не впустить её снаружи. Обидные слова не долетали куда нужно. Будто ядро внутри и впрямь было укутано в металлическую оболочку.

— И последнее. Я хочу, чтобы сегодня ты осталась спать здесь. Это моё «право храбреца». Нарушать его или нет — твоё дело. Если ты хочешь, ты можешь даже что-то разбить или сломать здесь, без шуток. Понимаю чувство, когда нужно выпустить пар. Я пока посижу внизу.

В результате из квартиры вышла не та, кто должна была изначально. Венди осталась стоять у двери и не находила себе места.

Мягкая кровать не помогла. С двух сторон накинута две главные мысли: насколько важно сдержать обещание и насколько низко его нарушить.

Сдержать — важно, тем более человеку, который о нём рассказал. Дело чести, но не факт, что такое понятие есть у жителей этих мест. Не стоило себя сравнивать с другими. Нет, не так. Не стоит себя возвышать. Совесть — это рудимент. Это выдумка.

Венди встала и вышла из комнаты, плотно прижав дверь. Ноги понесли её мимо дворика, мимо будки со сторожами и ворот. Шла медленно, но в каждом шаге оставался след от ненависти.

Внезапно остановилась. Неясно было, как выпускать злость, если время не помогало. И всё же. Пусть обманывают пресмыкающиеся крысы. Она останется омерзительной, грубой и хладнокровной, но сохранит лицо перед самой собой. Слово храбреца, а не труса. Нужно поступать как храбрец.

Переступить через себя было невыносимо сложно. Но ноги повели в обратном направлении, точно по тому же асфальту.

— Выходила купить еды, — отрезала Венди, показываясь сторожам. Никто не воротил носом. Кажется, они запомнили её.

Скамеек было немного. Все, кроме одной, пустовали. Отвратительное чувство, будто ты не перешагиваешь, а переползаешь через свой собственный овраг.

— Можно?

В ответ простодушный жест рукой: не грубый, но и не доброжелательный, как прежде. Венди выдохнула именно так, как выдыхают те, кто не находит слов.

— Не произноси слова, которые не хочется.

— Я правда хочу спросить.

— Спрашивай.

— Тебе здесь и правда не страшно? Неужели вообще не замечаешь настоящей картины?

— Замечаю, конечно. Я такой же человек, как и ты, Венди. Я тоже умею бояться, злиться и переживать. И, конечно, мне страшно здесь. Любая прогулка, особенно ночная — это уже вызов, просто нужно уметь не подавать виду.

— Со стороны... Выглядит, будто ты бездумно бросаешь Тораксу вызов.

— Нет. Просто я не пройду мимо ребёнка, на которого накинута пятеро выродков. Это, например. Чего тогда вообще стоит мой хваленый металл, если я пройду мимо того, кому он нужен? Чуть.

— И в Гавани тебе страшно было?

— Само собой.

— И было так, что злилась?

Моника махнула руками, мол, прямо сейчас злюсь, не задавай глупые вопросы.

— Ну... Что ты делаешь, чтобы выпустить пар? Пытаешься освободить мысли и смотришь на небо?

— Нет. Я беру ножницы и режу очень толстые блокноты. Чтоб аж ножницы сломались и пальцы болели. Или пытаюсь порвать какую-то проволоку, смотря что попадётся под руку. Бывает, бьюсь ногой о кровать, но тогда только хуже.

Венди было неловко. Почему-то она обозвала себя «мямлей» и это слово показалось подходящим.

«Ну же, подбирай слова быстрее, мямля».

— Мне... — девушка нервно выдохнула. — Кажется, что, может быть, я повела себя резко. Всё очень неправильно. Я вообще решила ходить с тобой потому, что дома сносит голову, а в итоге и деньги с тебя брала, и сейчас вышло... Мерзко. У меня не то чтобы очень спокойная жизнь пока, но я привыкла к такому течению. Просто... Хочу быть потише и ни на кого не навлекать проблем. Не готова я верить в то, что кто-то может бросить вызов.

— Готова. Просто не хватает смелости признать, что вся эта жестокость не всесильна. И не каждому жить по её законам. В этом нет ничего зазорного.

Венди медленно закивала. Она не смотрела в небо — оно её, по правде, мало интересовало. Смотрела на сухую-сухую почву. Маленький кусочек без асфальта, под покровами которого, может, была жизнь. Вот она-то и притягивала.

— Ты, Моника, странная, но в хорошем смысле. Хорошо умеешь контролировать эмоции и не подавать виду. Что злишься, что грустишь, что даже боишься.

— И переживаю. Что другого человека это может оттолкнуть. Особенно интересного мне. У меня всю жизнь так — общаюсь с тысячами людей, но особенных нахожу раз в несколько лет. И пока благополучно их теряю.

— Что за особенные люди?

— Я не знаю. Просто видишь, общаешься и тянет. У людей так бывает, когда притяжение и интерес выветриваются, а бывает, даже не появляются. Вот у меня так. Говорю, говорю со всеми, а помолчать

не с кем. Поэтому я... однажды хочу научиться слушать больше, чем говорить.

Венди цокнула языком, и разговор затих. Как-то грустно всё стало, несмотря на спавший тон разговора. Как-то... Тораксоидально. И так рассыпался десяток минут.

— Ты останешься здесь?

— Да.

— Хорошо.

— Но я больше не смогу показывать город. В этом куда больше плохого, чем может показаться.

— Как знаешь. В любом случае спасибо, что помогала.

Хотелось что-то добавить, что-то хорошее и утешающее, но ни у одной не нашлось слов. Будто ошибка, которую решили совершить вместе. В голове у Венди стрельнула даже не злость, а презрение к этой вот человеческой черте как таковой.

Она подумала о том, что людям так свойственно принимать самые болезненные решения. Знать, что из-за них всё совсем покатится к дьяволу, что радость прямо в противоположной стороне, но всё равно идти по этому следу. Люди, что б их.

Подумала, но не сказала. Тогда бы появилась новая петелька диалога. Но на слова смелости не хватило. Торакс не любил искренних и многословных.

Глава 10. Не называйте меня человеком

Гостя ушла настолько рано, что выполнила обещание лишь условно. Ночь, может, и прошла, но утро наступить не успело. Всё та же красота, когда любой проснётся и скажет, что за окном посерело.

Стоило переступить порог дворика, как минуты стали не только тихими, но и отравленными. Подаренная книга могла вот-вот выпасть из трясущихся рук. Голова болела невыносимо. Венди вернулась домой и заметила кастрюлю. Сразу такой приступ зла, когда хотелось откусить кусок от себя, лишь бы успокоиться. Отец проснулся от тяжелого дыхания. Силуэт за столом не двигался, но узнать его было легко.

— Милая, почему ты сидишь в темноте? Иди спать.

— И вот опять, — ответил вымотанный голос. — Я же просила тебя не добавлять бальзам в еду. Я же сто раз тебя просила.

— Не переживай. С ним и правда вкуснее. Сама попробуй.

— Что с ним вкуснее? Мы же это обсуждали.

— Что обсуждали?

Голос дочери звучал злобно, но сдержанно. Она сжимала челюсть и изо всех сил держалась, чтобы не наругать.

— То, что его добавляют в еду торчки и голодающие. Что от него можно заболеть. Что его льют на испорченную еду, чтобы её можно было впихнуть в себя. А я тебе приношу свежие продукты и мясо. Я покупаю овощи. Я готовлю тебе. А ты всё равно пьёшь этот яд. Опять и опять жрёшь не еду, а мусор.

— Ты из-за такого пустяка переживаешь, маленькая. Поверь...

— *Зачем?* — заорала Венди что было мочи. — *Зачем убивать себя?!*

— Прекрати. Прекрати, все спят уже, ты что себе позволяешь?

Она вспотела, и одежда начала липнуть к телу. Два пальца надавили на виски. Хотелось услышать звук треска костей. Не получилось. Венди встала и открыла ящик с продуктами. Достала все флакончики, что были, и со всего размаха швырнула их в стену. Какие-то разбились и разлетелись, какие-то отскочили и упали на пол.

— Сумасшедшая! А ну быстро, быстро прекратила! Сошла с ума! Сумасшедшая!

Он дрожал и хоть повышал голос, всегда боялся таких ситуаций. Пугливый и понурый человек, который знал об этом и наивно думал, что отпрыск его так не считает. Дочь его сжала руки в замок и что было силы сдавила их. Когда правую руку свела судорога, Венди укусила палец, чтобы полегчало наверняка. Стало больно, и часть гнева ушла. Нашлись силы на спокойный и ровный голос.

— Ещё раз. Пожалуйста. Не добавляй бальзам в еду. Это яд, и он вызывает страшные болезни. Пожалуйста. Можешь ненавидеть меня и презирать, но, пожалуйста.

— Венди...

— Умоляю, — она упала на колени и соединила ладони у губ. — Умоляю, не убивай себя. Нам сложно. Но всё получится, я тебе обещаю. Завтра будет лучше. Мы выберемся. Только не губи себя. Пообещай мне.

— Венди, встань.

— Пообещай. Пообещай мне, пожалуйста.

Отец с удивлением смотрел на дочь и будто не находил такого же избытка слов. Получилось выдавить только одно:

— Обещаю.

* * *

Несколько дней она просто спала. Спала, чтобы сжечь время: ни снов, ни разговоров, ни высыпания. День в конце виада вытянул много сил. Создавалось впечатление, что проводницу тягают за собой просто так, ради полноты картины. Никого не нужно было искать — обычная стычка с намерением вытянуть информацию. Разговор вышел боком, превратился в заварушку и закончился бойней. Хтоники умела делать своё дело. И в этот раз успех.

Шоэнт обыскивал тела, а затем Нерра волочила их за волосы и перекидывала через разбитое окно. Бриккт сидел на земле и перематывал порезы. Ему и ещё двум новичкам досталось больше всех, но и победа Хтоники во многом была их заслугой. Во время драки Дарко, Венди и Шоэнт просто наблюдали со стороны. Но когда всё кончилось, нашлась-таки работёнка.

— Бери, чудо, — бросил лидер.

Он смотрел сквозь и опять не видел тел. Сам бы потаскал покойных, если бы только мог. Такие руки любую работу делают аккуратно.

Венди осмотрелась. Глянула на напарников — те уже тащили второго. Ей не следовало медлить.

— Мы дурчаем, Дарко, — обратился Бриккт. — Вообще правильно на части, а не складировать в заброшенных зданиях. Так...

— Фу, — перебила Нерра и ругнулась. — Сам пилить их на куски будешь?

— Я давно в этой сфере. Так правильнойшей, ведь их увозят на общие свалки, если по пакетам. А вот эти горы мертвячных никому не нужны.

— Так решай вопросы без жести, умник.

— Это не я языком шуршу. Вопрос в том, кто провокатор.

— Сиди и бинтуйся, Бриккт. Начинаешь капать мне на нервы.

Они огрызались — обычное дело. Лидер молчал. Рядом прошел тот немой мальчишка, которого звали Мириш. Венди держала мёртвого человека за ноги и знала, что впереди минимум ещё одна мишень. Одна из главных. Шоэнт найдёт то, что нужно.

— Ну? Всё как я говорил, — гордо бросил информатор. — Вот этого тоже можете уносить уже.

— Нашёл что-то?

— Этот молодняк, смотри, — Шоэнт пару раз шлёпнул мужчину по щеке и начал рыться в своём дневнике с заметками. — Это у нас... Корвик Ягант. Да, одно лицо. Зять Агия Се-вайса. Приходится родственником. Родственником, понимаете?

— И что?

Тот потряс документом, что достал из заднего кармана.

— Вот здесь их фотография с женой. Свадьба, смотри. Она у нас...

Он нахмурился, перевернул несколько страниц и сравнил две фотографии. Сначала девушку на свадебном фото, потом на своём.

— Амила. Амила кто? Амила Се-вайс. Браво.

— Я понял, к чему ведёшь. Где дочь, там и папаня.

— Не в бровь, а в глаз, Бриккт. Детектив.

— Ну так ищай сразу Агия. Агий Севайс.

— Душенька, ты делай свою работу. А то веет сельским мастерством.

— Всё равно не факт, что...

— Не факт, — перебил информатор. — Но мы всё проверим. Мы же всегда проверяем.

Тот почесал усы и решил не отвечать. Информатор похлопал в ладоши. Он справился с работой и явно был горд собой.

— Спасибо, Дарко. Венди, солнышко, прошу. Амила Севайс.

Проводница вытерла руки об одежду, хоть те и не были запачканы. Но казалось, будто они покрылись какой-то несуществующей мёртвой пылью, пока она держала тело за ноги. Лицо женщины с закрученными волосами. Хтоника ждала, новички заканчивали с телами.

Потребовалось больше времени. По непонятным для всех причинам, даже для самой Венди, дело не решилось даже парой десятков минут. Они ждали минимум полчаса, а потом ещё столько же. Важно молчать и не мешать. Даже Нерра в этот раз не пискнула.

— Кажется. Не уверена, что нашла. Но давайте попробуем.

Венди звучала уязвимо. Такое в первый раз, и было стыдно, что слабость плавает прямо на поверхности. Будто это почувствовали все, даже новички. Когда она шла по следу, не раз теряла его. Не раз останавливалась и думала, что всё, пропал. В этот раз Хтоника буквально добралась ползком к своей цели, а не метнулась, как обычно. И всё же они её нашли.

Жену убитого пригласили на заброшенный завод. С ней говорил Дарко, даже Шоэнт стоял в стороне. Никакой агрессии, угроз или неадекватного поведения. Нужна была всего лишь фотография отца, но женщина наотрез отказалась идти на контакт. Ни показывать дом, ни отвечать хоть что-то по существу. Так и говорила: «Убивайте». Собеседники по две стороны баррикад не понимали друг друга. Кто-то хотел плюнуть в лицо напротив, кто-то поговорить, как нормальные люди. Но пылкий норв — он ведь только на первый десяток минут. Дальше утихает, какой характер не имей. Дарко умел промывать мозги, а это априори победа почти всегда.

Венди отделяли от них целые две кучи ржавого мусора и не меньше тридцати шагов. Довольно далеко, казалось бы, но женщину всё равно было слышно. Бриккт курил на улице. Рядом уселась Нерра и решила комментировать допрос. Якобы для себя, но реакция других была обязательна.

— Бойтесь своих врагов, говорит, — засмеялась девушка. — Дура, вас даже за людей не держат.

— Не нагнетай, — попросил информатор. — Если услышит...

— Вот пусть услышит, шавка. Пусть эта цикличная дрянь услышит, что их не боятся. Это же суицидники в обносках, разве нет? Кому там порядок наводить на улицах?

— Она не из «Цикла». Она — доченька ключевой цели. Это разное. — Та лишь цокнула языком. Ей было плевать на такие тонкости. — Да и если бы их люди не слушали, мы бы на них не охотились.

— Завались, Шоэнт. Иногда ты, сволочь, умный, как не знаю кто. Меня бесит это в тебе. Твой характер — это такая мерзость, знал бы ты.

— А я, знаешь, привык к тебе. Думал поначалу, что редкостная потаскуха, от которой куревом несёт. Ан нет, смотри-ка. Ты чаще вишней пахнешь.

— Балда, — Нерра рассмеялась и, не зная, что выкинуть в ответ, покачала головой. — Ой балда, слов нет. Язвы-язвы, умник. Лучше так, чем умничать постоянно.

Послышался глухой хлюпающий звук, будто кошку стошнило. Из двух собеседников остался один. Дарко подошёл к ним. Иного результата и быть не могло. А Венди чувствовала, что всё должно было закончиться раньше. Времени было меньше и меньше. Она не успеет вернуться домой вовремя.

* * *

— Я не могу. Не вижу.

Час насмарку, будто в водосток утёк. Настроения от этого не прибавилось.

— То есть как не видишь? — переспросил Шоэнт. — Ты бросай такие фортели выкидывать. На кой мы фотографию достали?

— Ещё раз. Я не вижу его.

— Но раньше же всех видела, — вмешалась напарница.

— А что я могу сделать? — она перешла на грубый тон, и это спровоцировало Нерру. — Я тебе не долбаные часы. Тебе если глаза выколоть, ты далеко уйдёшь?

— А ты чего на крик переходишь? И это я нервная после всего? Я?

— Помолчите, — попросил Дарко.

— Хватит ждать от меня безукоризненного результата.

— Заткнись, — Нерра умела нависать так, что аж скукожиться хотелось. — Делай свою работу, а не ной. В лепёшку расшибись и найди...

Дарко схватил напарницу за шею, и она тут же рефлекторно коснулась его рук. Но замерла, решила не сопротивляться.

— Скажи ещё хоть слово, Нерра. Ещё один бесполезный громкий звук, и мы сильно поспоримся.

Та приподняла руки и кашлянула. Лидер отпустил шею и шагнул к Венди. Пальцем приподнял подбородок и заставил посмотреть в глаза.

— Нам важно его найти. Очень, очень важно. Не разочаровывай Хтонику, чудо. Я верю в то, что у тебя получится. Мы подождём.

Самый настоящий ультиматум. Явно уловимый, но всё ещё якобы дружеский, звучащий не враждебно.

— Мне нужно домой, Дарко. Хоть на пару часов поспать. Пожалуйста, я совсем не соображаю. Давай утром. Хочешь, я приду в любую часть города уже в шесть утра?

— Поспи здесь.

— Я не усну, — Венди закрыла уши и села на пол. — Я не усну тут. Мне плохо и очень нужно домой. Всего до утра. Пожалуйста.

Не сразу, но он кивнул. Она ответила тем же в знак благодарности. Дом был не так далеко. И так было очень холодно в руки, но стоило выйти на улицу, как пришлось засунуть их в карманы. Венди быстро шла, смотря в пол и боясь опоздать.

С момента, когда она услышала чудо, прошло шестнадцать дней, и торнавидор кончился. Мысли о предстоящем отвлекали от целей, разрушали сон и с натяжкой вдохновляли. Было плохо. В таком состоянии не знаешь, стоит ли поесть нормальной еды, чтобы прошло, хорошенько согреться или выспаться. Просто начинаешь сбивать. Но в конечностях ютился какой-то вовсе не естественный холод — здоровые люди так не мёрзнут. Наберёт воду в таз и нагреет. Потом запрётся в ванной и послушает концерт. Эти мысли согревали, и ноги двигались ещё быстрее.

Тихий поворот ключа, а затем дверной ручки. Отец снова забыл надеть капюшон и скрипел зубами, но было не до них. Её зубы сами-то стучали от холода — не такой противный звук, как скрежет, но всё же. Стрелки показывали за полночь — скоро должно начаться. В таз полилась горячая вода, а плед с подоконника оказался на плечах.

На шкафу. Нет, скорее всего, внутри. Пусто. Венди нахмурилась и попыталась вспомнить. Мысли сходились — должно быть именно в шкафу. Она внимательно осмотрела каждую из полочек ещё раз и даже рукой проверила. Радио не было.

Пришлось отодвинуть шухлядки, посмотреть на столе и у себя на подоконнике. Затем под отцовской кроватью, в ванной и даже в мусорном пакете.

— Проснись, — голос выдавал, что она на иголках. — Просыпайся.

— Ммх? Маленькая?

— Где радио?

— Радио?

— Радио, да. Радио в шкафу стояло всё это время. Ты брал его?

Отец принял сидячее положение и выглядел как доходяга, которого с трудом вывели из комы.

— Кольг забрал. Он угостил меня вкусной курицей и помог помыться. Я отдал, чтобы не пылилось.

— В каком смысле? — выдавила Венди. — В каком смысле ты отдал *моё* радио?

Тот сжался. Ему становилось каждый раз страшно, когда она начинала говорить таким тоном.

— Он был добрым. Очень добрым со мной, Венди. Мне хотелось поделиться чем-то хорошим с ним. Ведь ты никогда не включала это радио.

Венди выпрямилась, сжала кулак и коснулась его губами. Говорила тихо.

— Где он живёт?

Отец не ответил, только с опаской посмотрел исподлобья.

— Где этот урод живёт? Скажи мне.

— Он не урод.

— Где?! — рявкнула та в ответ и тут же перешла на спокойный тон.

— Просто скажи, где он живёт. Я заберу радио. И всё будет хорошо.

— Я не помню. Правда, не помню. Он говорил, но я не могу вспомнить.

Венди кивнула и застыла. Нервы кровоточили, и она не могла сдержаться. Невозможно, как ни пытайся. Физически невозможно. Объективно и эмоционально. Совсем никак. Никак.

Она взяла отвёртку с тумбочки и что было мочи всадила в стену. Посыпались опилки. Удар за ударом. Если с такой силой по руке, то точно бы пробила насквозь. Но вся злость оставалась дырками на стене.

— Маленькая, — отец взмолился плаксивым голосом, — не нужно, пожалуйста. Злость ничем не поможет.

Она била и била, пока тело не задрожало от усталости, а все силы не испарились. Девушка быстро дышала. Отвёртка выпала из руки на

пол. Энергия пропала, а тёмное заразное пятнышко-то — оно никуда не исчезло. Всё так же расплзлось по сердцу.

— Я уже не знаю, что поможет. Я уже просто не знаю.

Мужчина пытался вывести на разговор, но в этот раз, именно в этот раз было не до разговоров. Надоедливая ржавчина ярости всё равно осталась где-то там внутри. Ни спать, ни есть, ни говорить, ни думать.

И звук, который отвлёк от мыслей. Тот, который умеет издавать только жидкость. За дверью ванной был маленький бассейн, который постепенно становился больше. Несбывшийся слой тепла превратился в потоп.

Она зашла в ванну и какое-то время просто смотрела, как продолжает набираться вода. Ширится и ширится. Поднимается и поднимается. Течёт по полу, поглощая грязь, волосы и мёртвых насекомых. А потом, будто запомнявав, для чего вода нужна, Венди пальцем перевернула таз.

Что-то горячее облизало её стопы. Что-то текучее вылилось за порог ванной и что-то осуждающее бросил человек в кровати. В зеркале читалось безвозвратное, но вчитываться было нельзя — её ждали.

И вскоре Венди вернулась в звено.

— Я готова.

Хтоника так тем более была. Люди ждали. Болтали, ели, соревновались в деградации, но как всегда сидели на взводе.

Проводница попробовала найти дорогу. Как и в первый раз, у неё получилось.

* * *

Агий был ключевым, но далеко не богатым человеком. Он не жил в каком-то одном клоке, вечно кочевал и наблюдал. Но что в трущобах, что на облагороженных улицах, он оставался мужчиной, которых Торакс даже не замечал. Дырявая шапка, слегка неухоженная борода и одежда не первой свежести. Агий сидел на пожарной лестнице, а его руку покусывали тупые клыки. По-дружески, без намерения сделать больно. Просто это игра такая.

А Венди опять вела за собой. Переулок за переулком, улица за улицей, и она нашла серого человека. Её дело было просто показать пальцем, после чего работа на ближайшее время переходила в другие, куда более грубые руки.

Для новенького, Мириша, это стало первым по-настоящему серьёзным свиданием. Ещё было непонятно, какую форму насилия приобретёт его молодая личность и приобретёт ли вообще. Он нервничал настолько же сильно, насколько Дарко был спокоен.

Взгляды Хтоники упали на мужчину с маленькой дворнягой на руках. Несколько секунд — и его затащили в широкую канализационную трубу. Недалеко, всего на пять-шесть шагов. Мужчина упал на четвереньки, и Бриккт захрустел шеей.

— Ну, здравствуйте-здравствуйте, Мистер Агий. Как там наши дела с доносами?

— Простите? — тот задрал голову и спрятал животное под балахон.

— Ну, ваши шушуканья с «Циклом». Отслеживаете и сдаёте ребят. Есть таковое?

— Нет, — сразу возразил тот.

Бугай дал сочную пощёчину и тут же повернул лицо мужчины на себя.

— Вот ты мне в глаза лжёшь, — Бриккт скалил зубы от злости. — Я сам значаю пятерых людей, которых заперли. Из-за тебя, Агий.

— Да потому что вы мерзкие бандиты! — прыснул он. — Вы грабите невиновных людей. Страшно смотреть в глаза своим врагам, а?

— Хэй, дядь, попроще, — задорно крикнула Нерра и тоже дала пару лёгких пощёчин. — Ты не болтай, иначе язык запутается.

— Чудовище малолетнее. В кого ты превратилась? Нравится быть такой? — Тот плюнул ей под ноги и уже не боялся получить ещё один удар.

— Мне прекрасно, — улыбнулась Нерра. — Главное — не мусором пищевой цепочки, как ты.

— Потому что такие безобразные твари заставляют прятаться по углам!

Нерра будто баловалась. Замахнулась, показушно прицелилась и ударила ладонью по уху. Дворняга выпала из-под плаща. Старик крикнул, но рука Дарко тут же закрыла ему рот. Казалось, что он вот-вот свернёт ему шею.

Но нет. Лидер щёлкнул пальцами, и мужчину положили на землю. Ему давили на голову, и сложно было даже сказать что-то. Оставалось мычать. Сам Дарко сильно сжал холку животного, чтобы то не высвободилось. Второй рукой он достал из кармана несколько флаконов с бальзамом, отпил немного и начал выливать их содержимое на собаку.

— Этот человек доносит на таких, как мы, Мириш. Подобные ему пытаются корчить из себя саму нравственность. Но Хтоника сильнее

его. Ты сильнее. Можешь развернуться и уйти, но тогда вскоре может исчезнуть кто-то из нас. Может быть, даже ты.

Дарко плеснул бальзам на руку и измазал этим морду собаки. Затем встал, выпрямился и вложил в руку зажигалку.

— Можешь проглотить обиду и стать трусом. Можешь есть грязь, как любой слабый человек в этом городе. Раннимый и испорченный. Но есть и другой вариант.

Мириш застыл от страха. Собака прижала уши и заскулила, а пойманный пытался что-то сказать, но громче всего этого было только собственное сердцебиение. Руки начали трястись. Мириш чувствовал, что есть единственный правильный выбор, и стоит поступить иначе, как произойдёт что-то страшное. Но уже с ним.

— Давай, — подначила Нерра.

Она звучала неуверенно, и было видно, что происходящее выше даже её рамок. Но она, как и большинство, ждала продолжения. Кто-то сомневался, кто-то ждал и боялся. Не колебался только Дарко.

— Реши сам, — приказал он. — Сейчас это твой поступок.

Мириш промычал и бросил пугливый взгляд на лидера.

— Ты решишь, — настоял тот. — Мы либо развернёмся и уйдём, как дрожащие животные, либо нет. Третьего не будет.

Тот снова промычал, будто надеялся, что его поймут.

— Не бойся ты, — подключилась Нерра. — Будь мужчиной.

Брикк поддакнул тем, что стукнул кулаком по своей ладони, — действуй.

— Он же сдал нас!

— Мириш, ну, прекращай, это же не твой товарищ.

— Дело двух секунд, слышишь?

— Заткнулись! — рявкнул Дарко, и никто больше ни слова не сказал.

Он достал огнестрел и прислонил его к виску самого младшего. Страх всё ещё витал в воздухе. Дарко посмотрел на паренька.

— Решай хоть что-то, иначе я прострелю тебе голову. Решай быстрее.

И он сделал выбор. Палец надавил на колёсико, и только появился язычок племени, как парень швырнул зажигалку вперёд. Собака вспыхнула и тут же завyla. Все направились к выходу, только Венди и Мириш остались стоять, боясь сдвинуться с места. Старик с покрасневшим лицом бросился к животному и пытался потушить, но ничего не получалось. Для обоих стоящих время потеряло свои привычные рамки. Мириша потянули за руку, а он всё никак не мог оторвать взгляда от картины перед ним.

Агий не обращал внимания на остальных и пытался спасти животное, крича и рыдая. Бриккта это будто разозлило, и он набросился на старика. Тот упал после первого тумака. Но его настигал удар за ударом. Меньше чем пять минут назад Агий Севайс строил планы и нёс в себе крохотное семя надежды. Сейчас не осталось ничего.

Венди сделала пару шагов назад, а затем ноги подкосились. Стало сложно дышать, и её стошнило. Чёрная лужа, как и кровь. Из неё вытекла смола. Хрип бездомного был настолько громкий, что захотелось пробить иглой барабанные перепонки. Пахло горячей шерстью, и из-за этого запаха в голове всё пульсировало. Сознание разогналось и разбилось об асфальт. Несчастный случай.

Глава 11. Когнитивная катастрофа, увы

Бриккт донёс бессознательное тело до обители звена. Никаких проблем — такой здоровяк на одном только плече мог бы выдержать минимум ещё такую же девчонку. Венди пришла в себя на следующий день, а вечером велено было присоединиться к празднику. Хтоники не частила с кутежами, но регулярными семейными ужинами не гнушалась. Кроме Бриккта никто не пил, но вот наелись досыта.

Большая компания сидела в одной из тех забегаловок, в которую не заходят случайные посетители. Не так давно владелец находился в списке тех, кому назначено свидание. Человеком он был очень предприимчивым, но далеко не из тихих. А где громкие звуки — там и соответствующее внимание. И если удача живёт в четырехлистных клеверах, то этот индивид умудрился насобирать целое ведро. С битой у лица он предложил попробовать цикорий, который он готовит сам. Говорил смело, а не жалко, и Дарко это невероятно понравилось. После нескольких обжигающих глотков между ними появилась какая-то странная дружба. Все знали, что за этого человека лидер может влезть в драку и перегнуть палку. С тех пор кабак открыт и по ночам, но не для любого прохожего.

Посетители не хамили персоналу, и те тоже не язвили. За овальным столом уже с час пытались перекричать друг друга голоса, все как один режущие ухо. Новички болтали друг с другом, Шоэнт шептался с лидером, а Нерра и Бриккт что-то объясняли Миришу.

— Я тебе точно говорю, — твердила девушка, а здоровяк иногда подхватывал. — Бери сколько хочешь, не переживай о вопросе денег.

— Ну да. Считай, всё бесплатно, не переживчай.

— Но кутежи это никогда не заменит. Я уже скучаю.

— Чем хуже здесь?

— В помещении? Ты шутишь?

— Тут есть больше вкуснот.

Они говорили и говорили. Говорили, говорили, говорили. Венди крутила в руках чашку и сидела ближе к выходу. Даже не вслушивалась. Таким людям не расскажешь о том, что играет в конце каждого торнавидора. Такие не поймут.

Она закинула ноги на стул. За весь разговор не вставила ни слова и пыталась вспомнить то, что успела прочесть в подаренной книге. Внимание слетело с крючка, когда Нерра заговорила о недавнем инциденте. И что-то неконтролируемое щёлкнуло в голове. Проводница встала, и её напарница была первой, кто это заметил. Видать, из-за этого ловко подалась в сторону, когда Венди со всей силы швырнула чашку в стену. Она пролетела недалеко от лица и разлетелась вдребезги. Все головы в заведении повернулись в сторону гадкого громкого звука, а затем в сторону девушки.

Та грязно выругалась, слишком грязно даже для себя.

— Я тебя чем-то обидела?

— Нет. Просто я по ночам буду молиться, чтобы тебя где-то заловили и вскрыли. Отличная смерть для такого мусора.

Она не сдержалась и пнула свой стул так, что тот перевернулся. Её никто не остановил, пока она шла к выходу. Пару людей из компании что-то крикнули в спину, но, к счастью, эффекта это не произвело.

Никто не преследовал её даже тогда, когда она возвращалась домой. Она готова была снова ощутить запах йода, сопение справа от входа и ощущение, что грязь под ногами вдруг поднялась до уровня шеи. Но она прогадала. Интуиция подвела, и, только стоило это понять, уже появился собеседник, идущий рядом.

— Нужно поговорить, чудо.

Спокойно, даже немного сонно. Но почему-то так страшно. В последнее время аж до мандража. Её за руку взял не тот человек, которому можно было отказать. Только играть по правилам. Выдавать самовозгорание за плохое настроение, а свежевание — за щекотку. Иначе никто никуда не уедет. Просто некому будет.

— Составь мне компанию.

— Составлю. Пошли. Куда?

— Туда, где мы поймём друг друга лучше всего.

В Гавани стоял и́ост²⁴, к которому не прижились люди. Пустое строение с невысокими скульптурами существ, в которых здесь никто

²⁴ Иост — маленькое место успокоения религиозного значения, важная часть культуры другого материка, Эмиронии. По размерам похож на небольшую часовню.

не верил. Под каждой из восьми была своя табличка с текстом. Ни имени, ничего другого. Только слова, напоминающие молитву.

— Нерра — твоя семья, чудо. Зря ты так себя повела.

— Она психически больна.

— Она психически куда прочнее многих в городе. Таким, как она, стоит завидовать.

— Дарко, мне плохо. Мне физически плохо. Я не хочу есть. Я не хочу спать. Всё катится настолько вниз, насколько это возможно.

Лидер обнял её и прикоснулся губами ко лбу.

— Это страшно. Я хочу, чтобы тебе стало легче. Искренне хочу. И переживаю.

— Мне...

— Знаешь, что? Помолись, — он показал пальцем на одну из статуй.

— Может, это и правда помогает. Мы ведь никогда не пробовали.

— Я далека от этого.

— Не нужно заморачиваться, Венди. Здесь всё написано, смотри. Я помогу.

Девушка неуверенно посмотрела на лидера, и взгляд сказал всё сам за себя. Она стала на колени и вслух прочла написанное.

«Благодарствуйте. Начните с ценного и светлого. Не скупитесь словами, чтобы задобрить слышащих вас. Скромно выскажите своё желание. Вы говорите одному, но ощущают все они. И каждый поможет».

Дарко ждал, пока Венди подберёт слова.

— Спасибо.

Хоть бы одно слово после. Даже это звучало пресно, ни о какой искренности здесь речь не шла. Неосознанно и совершенно пусто. Сложно было вспомнить события в хронологическом порядке, поэтому она вычленяла кусками. Дни разные, но ни один не заслуживает благодарности. Хорошие фрагменты были, но Венди не решалась их вскрывать. Сидели глубоко. Пусть там и остаются. За давние картинки «спасибо» не говорят.

— Скажи им всё как есть, — послышалось рядом. — Если хочешь благодарить, то пожалуйста. Но если хочешь передать другие эмоции, не выдавливай из себя святость.

Она понимала, просто не решалась. И опять Дарко давал выбор, где каждое из решений даётся с большим трудом.

— Они ведь виноваты. Божества. Какие же они божества? Я сейчас не могу и простой благодарности выдать, Венди. А вот порицать... Ты ведь понимаешь, да? Понимаешь, сколько они могли нам дать, если бы хотя бы кто-то протянул руку?

— Шанс. Настоящий шанс. А у нас его нет.

— Место, которое хочется назвать домом, — Дарко просто подкидывал легковоспламеняющиеся слова, пока девушка обращалась к фигуре.

— И людей, которых можно назвать родителями.

Лидер перечеркнул глаза статуе, к которой обращалась напарница. Намазал не так много чёрного, но глаза начали слезиться. Струи из глаз потекли вверх по лбу и, наконец, к самому потолку. Сперва они вытянулись ниточкой, но потом становились всё шире и шире. Жидкости из глаз было всё больше и больше, будто Дарко решил закрасить верх слоем презрения.

Тем временем Венди говорила через стиснутые зубы так, будто словами хотела умертвить божество перед собой. Такие режут не содержанием, а тем, как звучат. Желчью, презрительным тоном и ненавистью. Вандализм и осквернение святыни в полной красе, куда эффективнее бездумного хулиганства.

Девушка выкричалась и запрокинула голову. Чёрная жидкость не растекалась по потолку, а собиралась в один большой пузырь прямо над головой. Если он упадёт, то проломит пол, а её попросту превратит в труху — таким тяжёлым он казался. Венди перевела взгляд на глаза статуи, что всё ещё кровоточили. Всегда бы такую смелость.

— Я презираю вас. Каждой клеточкой своего сознания презираю.

И эта огромная масса упала ей прямо на темя. Чувство, будто просто тяжёлая капля, что миновала воздух, волосы и череп, разбилась о поверхность рассудка. Все эти слова, всё презрение и ненависть сжались до размеров одной лишь чёрной капли. И она достигла своей цели.

— Тебе лучше, Венди? Стало легче?

Непередаваемое чувство, когда что-то течёт в самой голове. Ты сам будто становишься жидким. Девушка не ответила, только посмотрела на руки и рванула к двери. Вопреки ожиданиям, лучше не стало ни на йоту.

* * *

Дверь домой со всего размаху захлопнулась.

— У тебя всё хорошо?

Венди не обращала внимания на отца. Сейчас голова была забита страхом, который просачивался в дом сквозь щели, окна и замочную скважину. Она несколько секунд смотрела в глазок, затем прижалась к двери спиной и сползла вниз.

Ей было страшно смотреть на родного человека. Дороги, по которым она ходила во снах, испачкались в мазуте. Сейчас Венди сама видела, как из тела сочится чёрная жидкость. Казалось, что эта субстанция появилась на спине, под одеждой и в глазных яблоках. Паразиты эволюционировали.

Не было сил рвануть к зеркалу, чтобы проверить. Пусть они так и вытекают вместо слёз, пусть скатываются по лицу. Лишь бы эта вязкая жидкость не коснулась кого-то ещё.

— Отойди. Отойди от меня, пожалуйста.

— Не переживай, — жалостливо попросил мужчина, кладя ей на ноги полотенце. — Всё устаканится, моя хорошая. Я убрал ванную.

Он сгорбился, но не прикасался. По её щекам тёк жидкий мусор, но отец его даже не замечал. А Венди только прикоснулась к полотенцу, как запачкала его угольным цветом. И тогда в голове всполохнул резкий приступ ужаса, которому она боялась проиграть. Зубы вцепились в руку. Оставалось только перетерпеть боль. Резцы справились, и постепенно начала виднеться жидкость — ржавое подобие. Не то, совершенно не то. Она закрыла глаза на пару секунд, чтобы мираж рассеялся. Чёрный, совершенно чёрный цвет. Вирус был внутри. Венди закричала.

— Что ты такое делаешь? — послышалось наконец.

Отец достучался, и его голосок смог проскользнуть через пелену. Девушка замолкла. Точно дёготь, точно. В ней теперь тёк дёготь. Телу хотелось дрожать, но что-то необычайно сильное и страшное прикусило эмоции. Теперь оставалось просто смотреть.

«Никому не говори» — шептало чудовище внутри.

Реальный голос, как и странная кровь. Абсолютно настоящий и очень опасный. Венди утихомирилась и выдавила максимально спокойным голосом:

— Ничего. Испугалась просто. Всё хорошо. У меня всё хорошо, правда.

* * *

Отец выпил больше лекарств, чем обычно. Он много спрашивал, заметно нервничал, но не прикасался к дочери. В итоге кого-то съел сон, кого-то — ванная комната.

Венди выключила свет. Чтобы ни в коем случае не заметить себя в зеркале, чтобы не становилось ещё страшнее. Звук льющейся воды тушил червивые мысли. Те, которые то кажутся безобидными, то шевелятся в голове и царапают мягкие ткани. Ладони тёрлись друг о друга, чтобы стало хоть немного теплее. Не получалось. Её передёрнуло.

Понятно зачем руки нырнули в карман. К дьяволу фольгу — пальцы с ненавистью разорвали серебряную чешуйку, и в руках был какой-то кубик. Крошащийся, будто бульонный. Венди бросила в рот и начала рассасывать подарок, который дала ей Нерра.

Подавилась и закашлялась. Это было не больно, не горячо, но даже без света было видно, что она выдыхает синий пар. Ощущение, будто её лёгкие стали печкой, а кончики пальцев почему-то согрелись. Девушка села на пол и просто начала глубоко вдыхать и выдыхать.

Низкосортные мысли ушли, и в голове появилось одно чёткое слово — детство. Его не хватало. Ей и каждому в Тораксе. Об этом периоде жизни осталось совсем мало греющих воспоминаний. Доброе выветрилось, а вот обида до сих пор не пропадала. Часто в голове проносилась фраза, но каждый раз она видоизменялась. Если бы самый важный человек решил вернуться, что бы Венди сказала?

— Я презираю тебя, — улыбнулась девушка. — Ты растоптала мою жизнь, а я топчу десятки других. Гордись собой, мама. Гордись.

Понравился этот взгляд, которым бы на неё мог посмотреть близкий человек. Уязвимый и сожалеющий. Точно. А Венди бы оставалась до омерзения холодной и не стирала бы ухмылку с лица.

— Я вычеркнула тебя из своей жизни. Твоё имя и твой запах. Как ты когда-то наше будущее. И...

Бесполезно. Иллюзии в голове всемогущи. Они знают, когда ты врешь. И знают, во что ты веришь, а во что нет. Венди понимала, что вряд ли пересечётся с этим человеком хоть раз. Вряд ли станет слушать, а даже если станет, вряд ли хватит сил выдать хоть слово. Оно окажется бесплодным и даже сквозь кожу не проникнет. Не

сделает больно, не вызовет жалость или любовь. Просто буквы попусту. Зачем?

Девушка разозлилась и что было силы пнула табуретку. Накатили мысли об отце. В лёгкие — синий пар, она закашлялась и начала хлопать в ладоши. И правда, это великолепно.

Самый настоящий восторг. Старик просто скрутился, как испуганная гусеница, и решил, что удобнее позы не найти. Он ест, не вставая с кровати. Деньги копят, а он не нервничает и не встаёт с постели. Наутро все плохие мысли проходят. Настолько удобно, что фантастика. Венди заулыбалась и продолжила хлопать в ладоши.

— Прекрасные вы мои. Мои вы хорошие.

Оба родителя вызывали крайнюю степень отторжения. Хотелось вытереть о них ноги. И что-то ещё. Что-то доброе. Нужное хорошее слово было подобрать куда сложнее, чем плохое. Гадости так и лезли в голову, а вот найти бы что-то приятное. Может быть, обнять, но это такое пустое слово. Это не то. Легче просто ненавидеть.

— Я презираю тебя! — крикнула она. — Тварь. Какая же ты тварь!

Внутри проснулся настоящий восторг от того, что происходящее стало понятнее. В Тораксе ведь всё так и работает. Под него нужно подстраиваться. Или уходить, или не высовываться из дома, как отец. И тогда сразу удобно становится. Так и выходит, что в дураках остался только рано повзрослевший ребёнок. У него свой способ, он даже руки не пачкает в крови, только мысли. Но мысли ведь тоже можно отмыть?

Венди занесла голову наверх и медленно выдохнула. Какой же красивый пар. Какой же он, дьявол его прокляни, свободный. Ни детства, ни родителей, ни барьеров. Летучее чудо, которому даже Торакс нипочём, чтоб его.

А потом кошмарный приступ страха, от которого чуть кости не переломались. Венди встала и прыгнула в ванну. Стопы и ладони были запачканы в мазуте, который просочился меж досок. Она чувствовала, что на полу есть какая-то дрянь. Гадкая, уже поселившаяся в их доме.

Посмотрела на струю воды в раковине. Звук изменился, будто кран стошнило. Чавкающий и тянущийся звук. Венди встала на парапет, но уровень жижи повышался. Она начала вытекать из раковины, начала течь из душа и тоненьких щелей в стене. От страха пришлось прыгать через всю ванную комнату. Венди очень неудачно приземлилась и ударилась локтём, но не почувствовала боли. Открыла дверь, не прекращая дымить, и рванула. Из ванной. Из дома, дальше, где побольше людей.

Ноги подкашивались и путались. Плевок. Нерастворившийся кубик покотился по асфальту и быстро остался позади. На улице крестовиков её уже ждал отец.

— Папа! — прокричала девушка, налетев на того. — Папа, там... там...

Её оттолкнули. Достаточно сильно, но она не упала. Лжеотец, только и всего. Нужно было просто найти настоящего. Здесь все родные люди. Все и есть папа. А если есть отец, то есть и мать. Венди была уверена, что она здесь. Точно. Весь город ведь трубил вчера о том, что она приезжает. Пальцы даже помнили, на какой странице была эта новость. Значит, она где-то здесь.

Девушка быстро шла, а не бежала. Оборачивалась назад, чтобы убедиться, что ничего чёрного нет. Зубы почему-то стучали, но ведь холодно не было. Каждый раз, как она издавала нелепый смешок, в голове всплывал вопрос: *«Над чем я сейчас смеюсь?»*.

Матери не было. Все женщины нацепили её лицо и волосы, а все мужчины напялили на себя голову отца. Но никто не выделялся и не казался подлинным. Она подошла к маленькому низенькому отцу с хрупким телосложением. Этот был одет в официальный костюм и совершенно нелепые башмаки. Венди подтянула его за галстук и процедила сквозь зубы:

— Скажи своим лжедрузжкам убираться.

Пошла дальше, а там людей было так же много. Низкорослый не испугался и никого решил не прогонять. Но они точно были заодно. Твари.

«Над чем я сейчас смеюсь?»

Венди подошла к крупному мужчине с худощавой головой отца.

— Номера. У вас в номерах есть раковины?

— Это бардак²⁵, какие раковины?

— Комната, комнаты. У вас есть она. Они?

Очень много слов. Непонятно.

— У меня есть деньги. Комната без раковины и зеркал есть?

— Есть! — тот уже перешел на крик. — Но нужно платить!

Венди кивнула и зашла внутрь. Неконтролируемый смешок.

«Над чем я сейчас смеюсь?»

Мерзко. Громко. Воняет. Мысли клеились примитивно. Но нужно было добороться.

— Мама?

— Что, прости?

²⁵ Бардак — то же, что и публичный дом.

— А... — Венди отмахнулась. — Есть номерок?

— А вам кого?

— Номерок! — она ответила, чтобы перекричать звуки. — Просто номерок на ночь. Без кого, без никого.

Та аж прыснула от удивления.

— Есть. Пятьдесят... девять. Спондеев.

— На свои деньги, — с отвращением бросила Венди, доставая мешочек.

Плевать уже на зеркала и раковины. Она принялась считать, а числа никак не шли.

«Вот точно пять. Это двадцать и двадцать. И два раза вот так. Непонятно как сделать пятьдесят девять».

— Ну-у-у? — протянула женщина.

«Тридцать? Это тридцать? Дьявол, как шумно здесь. Нет-нет. Это двадцать. А над чем я сейчас смеюсь?»

Достало. Она отдала мешок — там было сверх нормы. Любые деньги за спокойный сон. Любые. Она готова была вынести каждую монетку из дома, чтобы отоспаться и чтобы всё прошло. Чтобы не было страшно.

Она последовала за женщиной.

— Мама, ты такая дрянь у меня, — бросила Венди в спину женщине. — Просто омерзительная, ты знаешь?

Ей не ответили. И хорошо. Просто было важно сказать это. Внутри не было зеркал. Маленькая сносная дыра, даже в сравнение с комнатой Моника не идёт. Но нет раковины, ванной и досок. И звук почти умер, когда дверь закрылась. Хотелось залить клей в замок, но его не было при себе. Тогда просто лечь и отдохнуть.

Плед был приятным. И снова непонятный смешок. Почему-то раздражало, как икота. Она закрыла глаза.

— Тварь.

Венди заснула. Без мыслей о чёрном или некогда родном. Через пять часов завибрировал браслет. Она мгновенно проснулась, как и всегда. Отключила, но он завибрировал снова. Снова и снова, оставалось отключать каждые пару минут. Потом с трудом раскусила его пополам и выбросила в приоткрытое окошко. Повернулась на бок, но так и не смогла уснуть до утра. Осталась наедине с мыслями о чёрном и некогда родном.

Глава 12. Я хочу пахнуть цветами

К следующему вечеру стало получше. День был крошечным, но все же облегчением. Только солнце спряталось, нервы снова начали покрываться рубцами.

— Венди, — фыркнула Нерра, — что это было ночью?

— Проблемы.

— Какие? Почему ты не пришла?

— У отца проблемы. С головой.

— Мне кажется, что это у тебя в последнее время проблемы с головой. Вяленько оправдываешься.

— Считай, что меня сбил поезд, — она потупила взгляд. — Я на одну ночь немного умерла.

— Чудо, не кипятись. Я введу тебя в курс дела.

Дарко рассказал о том, что намечается встреча. Какая-то цель, которая куда-то ведёт. Непонятно куда, что за схемы и в чём смысл. Предстояло кого-то допросить или убить, чтобы в дальнейшем сделать то же самое. Ей нужно лишь найти виновного и указать на него пальцем.

— Твоя помощь понадобится, если только у них не будет зацепок, где искать цикличных.

— Их? Их — это кого?

— Людей из центра. Из-за центра мы тут и стоим.

— А, центра. Поняла. Да, поняла.

— Тогда просто ждём. Говорить с ними будет Шоэнт.

В этот раз Хтонику предстала десятиеликой. Ждали все десять с час, не меньше. Нерра и Шоэнт что-то рассказывали Миришу, остальные молчали. Стало ещё темнее, а желудок начал ныть. Захотелось теплого супа с луком. Непонятно почему это блюдо, но за него Венди готова была заплатить хоть втридорога. Он мог бы согреть, но в таком клоке, как Церебрал, да ещё и в это время такое объедение не найдёшь.

Пришёл человек, Венди даже не разглядела его лицо. Мужчина средних лет — вот и всё, что о нём можно сказать. Венди опёрлась на стенку и ждала, когда всё закончится. Над головами — козырьки закрытых прилавков с выбитыми окнами, по сторонам — никого. Ближайшая людная улица достаточно далеко, чтобы крик не услышали. Хотелось бы, чтобы никто не кричал, так как спать хотелось больше, чем жить.

Шоэнт вышел вперёд и начал болтать на своём жаргоне. Иносказательно и больно уж вычурно, как показалось Венди. Она стояла с двумя новичками, Миришем и Дарко у стены, а остальные — перед разбитой витриной заведения, которую, разумеется, обнесли давным-давно. Курево напарницы доставало аж до неё.

Ошеломляющий звук выстрела. Ни с того ни с сего, Венди аж потрянуло. Нерра громко ругнулась и прыгнула на мужчину. В таком состоянии всё кажется слишком быстрым. Венди увидела, что Бриккт держится за плечо. Топот ног над головой — на невысоких крышах были люди. Спрыгнули прямо на голову Миришу, который стоял рядом. Проводница закрыла лицо рукой и тут же, буквально через долю секунды, почувствовала, как же уязвимо её тело против острого металла.

Венди упала и начала тереться ногами друг о друга — многие так делают, когда очень плохо. Выжившие новички не трусили и вместе с остальными показали, что Хтонику умирать не собирается. Из шестерых нападавших остались двое, и оба пустились наутёк. Один рванул в одну сторону людной улицы — Нерра и Бриккт метнулись за ним. Другой — в противоположную, и за ним побежали Дарко с Шоэнтом. Бесплезный Мириш остался лежать без сознания, рядом с двумя убитыми новичками.

— Дарко! — бросила вдогонку раненая, опираясь на стену, чтобы встать.

Из предплечья торчала рукоять ножа. Клинок ножа показывался совсем едва, а значит, рана было глубокой. Ноги подкосились, и проводница снова упала на асфальт.

— Дарко! — крикнула она так сильно, как могла.

Нет ответа. Только Мириш и она. Тело начало дрожать. Страх ещё больший, чем при появлении незнакомых людей. Ничего непонятно. Первая цельная мысль — ржавое лезвие. Заражение крови, а значит, долгая боль. Венди знала, что исход может быть плачевным. Даже титаны в книгах умирали от того, что в их крови зарождалась чума, какие уж там шансы у человека. Пришлось сжать зубы, схватиться за рукоять и дёрнуть. Легонько, ведь сильнее смелости не хватило. По

руке потекла сочная тёмная струя — то ли венозная кровь, то ли что-то ещё. Страшно, аж бабочки в животе. От такого все силы теряются.

Ни в коем случае. Чувство подсказывало, что зря она это делает, что нож вынимать нельзя. Пусть там хоть колонии вирусов и инфекций, но если выдернуть, то точно конец. Ржавый или нет — сейчас неважно. Она медленно встала и достала из своей сумки платки. Они были чистыми, но быстро пропитались жидкостью и прилипли к коже, как баррикада вокруг ножа.

Венди снова встала, опираясь спиной о стену, и быстрым шагом вышла из закоулка. Рука была под плащом в полусогнутом положении. Пришлось идти с пару минут, чтобы встретить первых людей. Она села на скамейку остановки, но тут же подъехал трамвайчик. Ночью почти никого. Свет яркий, чтобы создавалась иллюзия, что бояться нечего. Девушка уселась на самое заднее место, укутавшись в плащ.

Вопрос тринадцати кварталов. Всего два блока, и она дома. Отец ей не поможет. Он, наверно, и не проснётся. Венди начала кусать губы и медленно дышать через нос — казалось, это помогает держаться. Двинула пальцами руки, чтобы проверить, не онемела ли. Новая струя крови. Не получилось сосредоточиться на нужном.

Напротив сел мужчина. Из всех мест он выбрал самое неудачное. Венди сглотнула. Совсем неприятное чувство. Дома она выдернет. Нож из раны. И тут же перемотает бинтом. И зальёт дезинфектором. Через двенадцать кварталов. Пассажир напротив косился ей под ноги.

Девушка и сама наклонила голову. Она не чувствовала, как с пальцев стекает на пол. Маленькая лужица, будто кто-то пролил рюмку. Они пересеклись взглядами, после чего мужчина встал и ушёл в другой конец вагона. Упаси небо, если за кем-то из персонала. Трамвайчик невыносимо долго проезжал следующие два квартала. Осталось девять, а пить захотелось так, что она готова была слизать чёрную лужу с пола. Не выдержит девять кварталов, никак. Даже пяти не выдержит.

Венди выбежала из транспорта, когда дверцы открылись. До дома было далеко. Да и не было никакого дома. Только место, где она ночует. Ноги сами повели туда, куда ближе. Куда можно добраться физически. Венди вышла, забрела в один из переулков и тут же села. Кошмарная идея. Стало стыдно и тошно. Не туда её ведут ноги, не туда. Появилась мысль:

«Если я сейчас лягу, то до утра не доживу. Точно не доживу».

Вдох, выдох. Вдох, выдох. Боль была прекрасным стимулятором. Плевать ей на тошноту, слабость и головокружение. Либо иди и

сжимай зубы, либо почувствуй порванную кожу и лезвие, что прошло насквозь.

Венди встала, и на несколько секунд картина стала полностью чёрной. В точности как её кровь и мысли. В переулках никого — такая особенность ночи. Все спрятались в норках, каждый в своей. Норы были заперты на замки, а замки охраняли те, кто умел махать кулаками.

Хотелось не сдержаться и разрыдаться — исключительно из-за страха, а не жалости к себе. Но стоило представить эту картину, как мерзко становилось. Так и умирают в этом городе. Поджав коленки и в позе эмбриона. Потому что надеются, что Торакс их пожалеет. Но он ещё ни разу так не поступал.

Воротило от каждого запаха. Благо здесь не несло свалкой, невымытыми телами и канализацией. Лёгкие бы разлетелись на части, если бы наполнились омерзительным запахом йода, что ждал дома. Просто в щепки, Венди точно знала.

Речи не шло о длинных словах. Тут бы хоть пару коротких выдавить. Зайдя на территорию заведения, она не смогла ни найти документ, ни прозвучать уверенно.

— Меня ждут. Т-т-п... Пятнадцатая квартира. Ждут.

— Здравствуйте. У нас положено, чтобы вас встречал резидент. Где она?

Гостья отрицательно махнула головы.

— Пятнадцатая квартира — это госпожа Сэйль, правильно? Ничего не путаю?

— Да. Да, она.

— У вас есть с собой документы?

Венди прикрыла рот, чтобы не стошнило.

«Держи в себе. Держи. Тихо. Тихо».

— Забыла их. Думала, только первый раз. Нужно показывать. Простите.

— Ну, вы... — Мужчина покосился на нездоровое лицо, — Вы... Вы здесь были раньше, правильно помню?

Неуверенный кивок с закрытыми глазами.

— Ну, давайте, — сторож кивнул в сторону двери. — Помню вас. Только ведите себя прилично.

Венди качнула головой в знак благодарности. Зашла внутрь, и дальше по коридору. В голове крутилась цифра пятнадцать. Она помнила дверь, только сейчас различить цифру было не так легко,

как обычно. Стукнула в дверь и села рядом, вытянув ноги. Слабовато вышло. Снова прикоснулась костяшками, будто погладила.

Но дверь скрипнула. А там нужное лицо. Не незнакомое и не чужое. — Бинт, — тихо попросила она. — У тебя есть бинт, Моника?

* * *

Здесь пятьдесят на пятьдесят, как аверс и реверс. Либо веки больше не поднимаются, и ты смотришь на почву изнутри, либо поднимаешь их и наслаждаешься рябью перед глазами. Выпало так, что второе. Оранжевые огоньки стали обжигающими, а окружение превратилось в лёд для вестибулярного аппарата. Тот будто в первый раз стал на скользкую поверхность, и казалось, что можно упасть даже лёжа в кровати. Поэтому лучший вариант — потолок. Неизменный друг, чья магия в простоте. Сплошная поверхность.

— Не нервничай, всё обошлось. С возвращением.

Приятный голос. Добрый, по-настоящему. Сложно представить, чтобы он произносил ругательства и проклятия. Взрослый и не испорченный, что удивительно.

— Ты можешь просто кивать, если сложно говорить. Я просто...

— Я же не инвалид, — хватало сил только на тихий тон. — Ты мне руку перемотала? Я чувствую, что там куча тряпья намотано.

— Не я. У нас в пансионате живёт доктор из Риджикта. Мы вместе старались.

— Серьёзно там всё?

— Сказал, что вену задели. Но спохватились вовремя. Теперь главное — отдыхать.

Моника положила руку на ладонь Венди и та сжала её. В касании было что-то, что она ни разу в жизни не передавала словами. Стало как-то невероятно, просто невыносимо грустно и в то же время хорошо.

— Умирать страшно. Когда не сразу, а постепенно. И не знаешь, на сколько хватит тебя. Это так, если вдруг будешь задаваться вопросом «Страшно ли умирать?». Да, страшно, — от лёгких движений шевелились и тени у потолка в углу комнаты. Вот бы орлом полетать или утку показать, как в детстве. Покрякать себе, потом превратиться в зайца и убеждать всех вокруг, что это не ты уродливого зайца сделал, а тень просто какая-то дурацкая. — В книге, которую я читаю, у людей было семь способов сказать спасибо. «Спасибо» как клятва

отплатить тем же, «спасибо» за наставление от мудрого человека, за простую доброту... За жертвенность и так далее. Жаль, что в мерзком ридасе²⁶ до такого не додумались и сделали это слово таким скучным. Так что обычное тебе «спасибо», раз уж у нас язык такой скучный. Спасибо и прости уж, что приношу в твой дом всё это болото. Кровь, раны и грязь.

— Страшно за тебя, если честно. Благодарность благодарностью, но с тобой происходит что-то страшное. Кошмарное. Я думала, тебе это подконтрольно, но вижу, что нет.

— Злишься, а? Скажи, злишься, что книгой швырялась и рано ушла? Только честно.

— Брось, даже обсуждать сейчас такое не хочу.

— Ты мне скажи. Пожалуйста, не заставляй вытягивать. Скажи.

— Нет. Не злюсь, просто не понимаю, зачем всё это. Тебе здесь было хорошо, но ты тянешь себя куда-то, где мало спишь и вечно устаёшь. Где тебе наносят травмы, от которых ты можешь погибнуть.

Ощущение безопасности этого места нахлынуло с такой силой, что аж глаза намокли. Она стыдилась каждый редкий раз, когда такое происходило. Даже не полноценные слёзы, а просто блеск, вызванный чувствами, — за это Дарко бы её задушил. Он ненавидел таких людей. Тряпки, которые становятся чувственными оттого, что ничего не могут поделать с накопившимся.

Моника легла рядом. Не отпуская руки, тоже уставившись в потолок. Пусть Венди молчит. Она не собиралась её торопить. Но сердце билось быстро, потому что было страшно за скомканного человека рядом. Не такого плохого, как казалось многим прохожим. Не такого холодного, как думали другие замёрзшие. И совсем не такого отвратительного, как думал он сам.

— Мне нечего сказать, Моника, — сдавленным голосом заключила девушка. — Несмотря на то, что я завалилась в твою квартиру с серьёзными проблемами, а тебе пришлось спасти мою жизнь. Я не хочу в этой комнате, такой светлой и уютной, обсуждать кровь. Темноту. Деградацию. Я вернусь к ней, когда переступлю порог.

— Зачем?

— Чтобы вскоре стало лучше. Я хочу накопить на маленький дом в Хикаридусе. И уехать отсюда с отцом. Всё. Я это вытерплю. Я это вытерплю, я знаю.

Идея была слепой. Но одна не готова была озвучить это, а другая — принять.

«Не сейчас поднимать эту тему», — подумала Моника.

²⁶ Ридас — язык, на котором говорят на этом материке, Дамон-Тарре.

«Не в этой комнате говорить о мраке», — зареклась вторая.

Может, просто ошибка, которую не хватит духу признать. Которая всё равно свершится, потому что не нужно нравоучений, когда само понятие «нрав» куда-то пропало.

— Всё это паршиво. Цель стоит усилий, а не таких страшных вещей. Так до покупки дома можно и не дожить. Ты ведь просто... просто теряешь себя, понимаешь?

— Мысль.

— Какая мысль?

— Мысль, что мне сложно делиться. Во многом мне сложно признаться даже самой себе. Другим, мне кажется, невозможно. Я когда представляю, что делюсь чем-то с отцом, то тошнит. И нет людей, которым мне хочется рассказать, как есть. Даже кусочек жизни. Все заняты собой — я это понимаю. Но чувство, что если я расскажу немного тебе, то это не просто слова по ветру. Можно?

— Не просто, ты права. Можно.

Замуровали руку так, что дьявол не проберётся. Приятно, что бинтов не жалели. Только шрам останется. Хоть бы тонкий и красивый.

Она цокнула языком.

— Самая частая мысль, что сидит в моей голове, — я презираю своих родителей. Я живу с отцом и из-за него не хочу возвращаться домой. Хочу протянуть ему руку. Помочь. А он... будто без конечностей. Смотря на него, хочется просто сдаться. У меня уже много, процентов семьдесят от нужной нам двоим суммы. Иногда думаю, чтобы отправить в Хикаридус только его, а самой остаться здесь. Но толку нет. Он не человек с волей к жизни. Я просто сожгу себя ради биологической связи. А иногда думаю уехать без него. Просто не прийти домой и всё.

Венди чувствовала, что куда-то пропала эта желчь. Исчезло чувство, будто можно убить человека на расстоянии одним только словом. Без чувства этого стало очень, очень хорошо.

— И, дьявол, стать похожей на человека, которого я презираю ещё больше. О котором мне, правда, Моника, страшно думать даже. И тогда я отбрасываю эту мысль, потому что не хочу быть похожей на неё.

— Ты о матери?

— Да. Она так сделала. Мы хорошо жили. Но это тот случай, когда «до» и «после». Мы снимали большую квартиру. И был день, когда мы вернулись, а в ней ничего не было. Вообще ничего, Моника, только обои. Пропала вся мебель, все деньги, которые они откладывали.

Каждая лампочка пропала. И это тот момент, когда Торакс впитал нас в себя. Отца это сильно ударило, и у него случилась большая проблема с головой. А у меня со сном.

Венди выдохнула мягко, ведь презрение было тут ни к чему. Оно могло выразить всё как есть при разговоре с отцом, со случайными бездомными, но не здесь. Тон стал спокойнее.

— И мне всё равно жалко. Какой бы он ни был сломленный и беспомощный. Ты только представь чувства любого человека, когда он ждёт меня, единственного дорогого человека, а он не приходит. И становится больше некого ждать. Больше никого нет. Это настолько жестоко и бесчеловечно, что мне плохо от самой мысли. Потому что этого чувства, когда тебе есть, к кому тянуться, заслуживает самый униженный и жалкий.

— Может такое быть, что с твоей матерью что-то случилось? Что она не сбежала?

— Она сейчас живёт в Риджикте. Это я могу с уверенностью сказать.

— Ты бы хотела её найти? Если бы была возможность.

— Раньше я пыталась, — выдохнула девушка, — отыскать её во снах. Вот так, как тебя, думая о человеке и смотря на асабикеши. У меня проблемы со сном, понимаешь?

— Понимаю.

— Но я умела пользоваться этим. Входить в странное состояние, которое я контролирую. И то старалась найти, то подождать, пока она придёт. И раньше было очень легко оказаться в серпантине снов. Их природа меня невероятно тянет, пусть я и не до конца понимаю её. А сейчас что-то не то. Не могу себя узнать. Мне сложно засыпать, когда нужно, а в последнее время я не вижу серпантина. Просто закрываешь глаза и надеешься отдохнуть, а просыпаешься настолько усталой, что даже конечностями шевелить нет сил. Мне хочется с ней встретиться хотя бы во сне. Но никак не получается.

— А в реальной жизни? Если человек жив — его можно найти, хоть и...

— Нет, — усмехнулась та. — Нет-нет, никаких встреч. У меня крайне негативные эмоции к ней. Это не кончилось бы ничем хорошим.

— А во сне? Что ты ей хочешь сказать?

— Посмотреть в глаза. Увидеть или сожаление, или то, от чего при реальной встрече мне может быть слишком больно. Больше, чем я могу выдержать.

— Безразличие?

— Ну, да. Во сне я бы ударила её. Или не ударила. Я... Я не знаю. Хочу уехать туда, где её точно не будет. Поэтому Хикаридус, а не Риджикт.

Венди перевела взгляд на гирлянды. Всё такие же ласковые, просто нужно было привыкнуть глазам. Аккуратно сжала кулак. Далеко не отличное состояние, но если сравнивать с предыдущими днями, то просто сказочное. Вдохнула и опять почувствовала этот аромат.

— И ещё, Моника. Когда я была маленькой, мои родители пахли цветами. Колокольчиками. Они выращивали их в саду. Это я очень хорошо помню. Но после того, как мама ушла, у отца пропал этот запах. Больше я не встречала людей, которые пахнут так природно. Но когда мы встретились вживую, в моей голове всё треснуло. Удивительный запах. Будто ты прыгнула в поле цветов и заснула там. Что это за аромат?

— Ирис.

— Никогда не слышала. Но я уже люблю это растение. Прекрасное.

— Приятно, что я смогла вызвать хорошие ассоциации. Тут никто не использует духи?

— Нет. А если и использует, то никто не пахнет цветами.

— А чем пахнут? Сможешь описать?

— Как смесь бензина с рыбой. Будто окуня замариновали в горячем и подали на стол.

— Не то. Совсем не то, к чему хочется тянуться.

Венди протянула грустное «ага» и резко приняла сидячее положение.

— Я чувствую себя выпавшейся. Полностью.

— Большой ценой тебе даётся здоровый сон.

— Да. Я пойду. Мне нужно проверить отца. И я должна довести всю эту чушь до конца.

Стоило ей встать, как вскочила и Моника.

— Что? Нет. Что за чушь? Тебя чуть не убили. Ты сама сказала, что страшно было умереть. Уйти сейчас — это абсурд, — впервые она нервно хохотнула. — Это даже не один из сотни вариантов. Вздор, да и только.

— Не глупи, — девушка качнула головой.

— Это ты не глупи, Венди! — палец указал на повязку. — Это ты не глупи. Ты ведь умный человек, разве нет?

— Что ты мне предлагаешь?

— Искать другие способы, а не проблемы.

Болотце в голове мешало слышать. Мешало рассуждать и спорить. Вело по одной дороге человека, который мог найти десятки других. Тораксоидально.

— Больше никаких проблем, я тебе даю слово. Я справлюсь. Ты считаешь меня безнадёжным человеком? Или нет, не так. Я тебя отвращаю? Только говори честно, как мой друг. Скажи, отвращаю?

— Мне не нравятся твои вопросы. Ты пытаешься меня на чём-то подловить, или что?

— Если я задаю вопрос — мне правда нужен ответ. Ты ведь уже могла привыкнуть. Так что не меняй тему. Я тебя отвращаю?

— Нет.

— Это искренние слова?

— Да. Я чувствую переживание и страх, но не то, что ты назвала.

Венди засмеялась скорее искусственно, чем искренне.

— Отец в таких случаях спрашивает, в порядке ли я. Слышит «да», кивает головой и ложится спать. Представляешь? Я могу вся в крови завалиться домой, могу хоть без рук и ног вернуться, а он спросит меня: — «Ты в порядке?» — она спрятала глаза за ладонями и кивнула.

— Да, пап, в порядке. Отдыхай.

Наступила пауза, необходимая, чтобы вернуться к обычному состоянию. Не ненависти, не озлобленности или обиды. Сдержанному, ведь собеседница ни в чём виновата не была.

— Но я верю тебе. А ты поверь мне, пожалуйста. Мне нужна эта вера. Всем нужна, если так. Поверь, что сейчас, правда, нет альтернатив. Мне нужно идти, а тебе нужно продолжать писать диссертацию. Она у тебя не застыла на месте, я надеюсь?

Моника ответила не сразу. Этот вопрос был ни к месту, будто собеседница просто хотела затоптать важную тему.

— Нет. Справляюсь. Постепенно.

— Я...

— Если...

— Ты договори. Пожалуйста, — попросила проводница.

— Просто если что-то случится — приходи. Не только проблемы, даже если захочется поделиться чем-то. Или рассказать. Мои двери всегда открыты для тебя.

Венди многократно закивала.

— Эти слова куда ценнее, чем ты думаешь. Спасибо. Спасибо за искренность. Бывает, её не хватает.

Они обнялись. Венди не думала о том, что это сердобольно, а вторая пыталась через эту близость передать и немного уверенности. Той уверенности, что не заканчивается за пределами этого блока. Затем

Венди встала, набросила на себя плащ, но тот оказался окровавленным. Выбросит, у неё их много.

— И ещё, — бросила Моника прежде, чем та переступила порог. — Вот, протяни руки.

Кожу покрыл слой волшебства. Руки, затем шею и одежду. Маленький цветок в руки перед прыжком в жерло кровоточащего вулкана. Теперь и она пахла ирисом.

Глава 13. Верните моё сердце на место, спасибо

Скрип, но не двери, а зубов. Иногда это быстро проходило, иногда создавалось впечатление, что скрежет звучит всю ночь. Коробит. Он бы мог надеть капу, но опять забыл.

И всё же можно понять. Как-никак человек неуклюжий и абсолютно забывчивый. Он зациклился на старых воспоминаниях и напрочь отказывался воспринимать новые. Не мог запомнить, как готовить лекарство, сколько ни объясняй. Любые правила и просьбы к следующему дню благополучно вылетали из головы.

— Он больной человек, — подумала Венди. — Не плохой. Это совсем другое.

И в Риджикте, и в Хикаридусе его могли бы вылечить — это вне сомнений. Первый шаг — граница. Второй — жильё. Третий — лечебница. Шоэнт умел вытянуть информацию даже из-за рубежа. Цифры незначительно менялись каждый раз, и он постоянно держал в курсе. Больше чем две третьих от общей суммы уже лежало в шкафу.

Такие мысли отвлекают каждый раз. Она держала в руках подарок Моники и перечитывала абзац третий, если не четвёртый раз. Правая рука по привычке лежала в щели под окном. Что-то не то. Раньше получалось прочесть страницу и мыслями спрятаться под ней, будто под одеялом. Вчитываться в строчки, искать скрытый смысл и наслаждаться понравившимися фразами. Как в маленькой комнате, где тебе хорошо. Подумать, запомнить и только потом переходить к следующей странице. Книги читались долго, но каждый лист — как маленькая полочка огромной библиотеки. Сейчас абзацы, строчки и даже слова посыпались. Может быть потому, что испортилось зрение. Может быть, сама Венди резко переросла это, и стало уже не до старых божеств, не до загадок и серпантина из снов.

Нет же, интерес пробирал как раньше. И к символам, и к бессмертным деревьям с цветами. Наверно, Венди не переросла, а наоборот, очень отстала. Не понимала того, без чего раньше даже заснуть не могла. Бессмысленная ночь, но спокойная.

* * *

Пролетели сутки. Все говорили на ходу. Тут был и скелет группы, и её мелкие жучки вроде Мириша. Всего около двадцати человек, может, чуть меньше. Гул сильный, тут только приставлять ухо к чужому рту, чтобы услышать, или идти в стороне. Венди было ближе второе.

— Точно порядок? — ещё раз переспросил Бриккт.

— Точнее не бывает. Вот, смотри, перебинтовано. Я жива, и всё такое. Проще простого. А ты, Мириш, как?

Парень с зашитой губой посмотрел на Венди так, будто она ему врезала. Он сутулился, держал руки в карманах и был не в настроении.

— Ну, я имею в виду помимо...

Тот только промычал.

— Забыла об этом. А вы словили тех уродов?

— Аха-ха, — сразу вклинилась Нерра. — Да! Конченные совсем. Там один мужик себе язык отрезал, когда его поймали. Прямо на моих глазах, представляешь? Он в дурке лежал, а его наняли на нас поохотиться. Ты бы видела.

— Я тебе верю. Ответьте мне ещё раз внятно, куда мы идём. Мне не нравятся все эти вокруг да около.

— В эту самую дурку и идём.

— В психбольницу? Зачем?

— Та нет, она шутчает. В центр идём.

— Какой?

— Реабилитационный. Той, что Нерра дуркой назвала. Не дурка это совсем, а центр.

— Бриккт, ты правда считаешь, что мне стало понятнее?

— Да, цепра, — ругнулась Нерра. — Эти типы были из реабилитационного центра, которым рулит «Цикл». Подпольно, конечно. Находят шваль и промывают им мозги, типа вот вам еда — и делайте, как нам нужно. Набирают количество, в общем. Фигня?

Никто не ответил, потому что это даже не прозвучало как вопрос. Девушка сама закончила мысль.

— Фигня. Надо прекращать.

— А я зачем?

— Пара рук. Хотя лучше бы дали мозг, чтобы ты не задавала idiotских вопросов.

Венди замолчала. Её примеру последовал и Бриккт, а Нерра тут же отделилась от скучных собеседников и вернулась к основной компании. Они шли ещё с минут пятнадцать.

Кто-то свистнул, и все начали друг другу передавать биты, одну за другой. Они прыгали из рук в руки, а на лицах всё большего количества участников начали появляться маски.

— Нате, — здоровяк протянул их и Миришу с Венди.

— Бриккт, — она занервничала.

— Не паняч. Мы просто поговорим с ними.

Нижней части лица стало теплее из-за маски. В руках был какой-то проклятый металл. Не такой красивый, как алефарз. Что-то в нём было отталкивающее. Её передёрнуло не из-за ночного холода.

— Просто поговорим.

* * *

Полная паника. Люди пробежали мимо неё по узким коридорам, толкали и почти сбивали с ног. Чувство, будто всё здание горело. Орала так, будто им пальцы резали. Звено шумело не меньше. Кто сносил всё, что попадалось под руку, кто обращался к убегающим, кто их избивал и пинал.

Это был самый шумный инцидент на памяти Венди. Крик Агия и писк собаки и рядом не стояли с тем, насколько громко это было сейчас. Проводница суетилась и подбегала то к одному месту, то к другому. Рядом один из группы начал драться с местным.

— Уроды! — орала Нерра, и у неё изо рта вылетал синий дымок. — Кому вы поверили, уроды?

Венди ударила какого-то мужчину, который вцепился в ногу. Сочная пощёчина получилась. Никакой тактики: кто-то из Хтоники находился уже в конце центра, кто-то перекрывал выход. Венди занесла свою битую и что было мочи ударила. Ваза разлетелась к дьяволу. Аккуратно, одной рукой. Вторая пока не предназначена для резких движений. Затем взялась за жалюзи и сорвала их, пнув ногой. Ещё удар, и теперь уже не было ручки на одной из дверей. Девушка толкнула её плечом и оказалась внутри.

Дверь тут же закрылась, а рука нащупала выключатель. Лампа зажглась, и три пары испуганных глаз уставились на Венди. Сидели все в обнимку в самом углу. Ни слова, ни даже кивка. Указательный палец девушки коснулся губ. Молчание. Девушка шагнула вперёд и с

размаху снесла лампу. Затем два таких же удара по выключателю, в результате чего он слетел. Она открыла дверь и вышла.

Пересеклась с парнем, который направлялся внутрь, и агрессивно его толкнула. Руки тут же поднялись как жест извинения.

— Не признала. Помощь нужна, подсоби.

Венди взяла его за руку и отошла на добрых десять шагов.

— Подсади.

— Ох, ну давай-ка!

Он приподнял девушку, та замахнулась и сбила вентилятор с потолка. Затем прыгнула и аж засияла от радости. Напарник одобрительно заржал, и кулаки дружественно ударились друг о друга.

— Молодцом.

— Да! — он заверещал на грани адекватного.

Каждый занялся своим. На глаза попался Мириш, который хлопал другого новичка по щекам, чтобы привести в чувство. Боковым зрением Венди заметила на пересечении коридоров Дарко. Девушка размахнулась и швырнула битую в горшок с каким-то растением. Послышалось победное «у-у-у». Развилка осталась позади. Почему-то мерзкий привкус во рту. Она сплюнула.

Оставалось бродить коридорами, ставить подножки и демонстративно махать битой. Здание оказалось большим. Она заходила из помещения в помещение, чтобы постоянно не быть на виду. Комната отдыха, в которой уже особо не расслабишься. Затем маленькая кухня, судя по ошметкам мебели. Потом комната, которую легче было просто навсегда запереть, нежели отреставрировать.

После неё Венди зашла в большую ванную комнату с не самыми чистыми стенами. На полу хохотала Нерра и ещё один парень с разбитой головой. Не в маске, без биты и с совершенно незнакомым лицом. Значит, местный. Он, видимо, даже не замечал стекающую по виску струю, слишком весело было. Оба смаковали кубик, из-за которого изо рта шёл пар.

— Лапочка-а-а, — протянула Нерра и захохотала как ненормальная.

— Подруга! — присоединился парень.

— Нет-нет-нет, а ну, иди сюда! Не уходи, Венди.

Она догнала её и обняла шею руками. Потянула за собой. Нужно было думать над тем, что говорить, особенно когда Нерра в таком состоянии. Каждый второй раз, если задуматься.

— Нужно ломать, а не сидеть здесь.

— Да а что там осталось ломать, а? Жизни? Я уже всё поломала. Давай с нами.

— Нерра, мы же тут не просто так, помнишь?

— Тебя по голове жажнули? — та на пару секунд нахмурилась и снова принялась смеяться. — Приложи подорожник. Серьёзно, тебе даже если башку проломают, он поможет. Не растение, а чудо какое-то. Ха-ха-ха!

— Я сам видел. Натираешь, вот так. Втираешь, втираешь — и ура! Заживает.

— Лапочка, на, пожуй.

Отвратительное зрелище. Напарница вела её дальше и дальше, но Венди вырвалась. Страшно было оказаться далеко от выхода. Кубик выпал из рук. Нерра подняла его и протянула.

— Эй, ну возьми.

— Я пошла помогать нашим.

— Возьми и съешь.

— Не хочу.

Она произнесла это, но развернуться и уйти смелости не хватило. Нерра говорила всё так же с улыбкой, и она только придавала какой-то жути её словам.

— Если не сожрёшь этот кубик, я зарежу этого принца.

— О-о-о, — протянул имбецил, будто дразнился. — Она меня убьёт.

— И подожгу это паскудное здание. Если ты не возьмёшь его, я обещаю, что половина тут передохнет.

— Нерра. Ты с ума сошла? Я зашла сюда пос...

Девушка замахнулась и ударила ногой парня по лицу, будто в мяч играла. Тот упал и начал истерически хохотать, вытирая кровь.

— Успокойся!

— Я, — она ругнулась, — подожгу тут всё, Венди! И этого урода подожгу! Мне сейчас очень нужна подруга, понимаешь? Я тебя не переносу такой мерзкой, поэтому съешь. Съешь ты его уже!

— Нерра... — Шаг назад, а дальше ступор.

— Меня так зовут. Не нужно меня успокаивать. И компромиссы не нужны. Ещё раз промычишь, я его ударю сильнее. А не поможет, ударю тебя. Всех вас, черви, ударю. Бери.

Венди жестом попросила успокоиться и протянула руку.

— Отлично. В рот.

Она послушалась. Положила кубик в рот и расмаковала. Всё тот же дьявол в виде синего цвета. Нужно было только периодически открывать рот, будто трубку куришь.

Они принципиально смотрели друг другу в глаза.

— Что, Нерра, успокоилась?

— У тебя такой приятный разрез глаз. Тоже хочу себе такой.

— Я могу идти?

— Куда?

И правда, куда идти-то? Нет-нет, можно найти место. Коридор, всё такое. Но зачем? Зачем куда-то идти?

— Ну, туда.

— Так ты уже пришла. Там — это здесь.

Фраза показалась забавной. Венди улыбнулась. Нерра, дьявол бы её побрал, умела баловаться словами. Парень рядом тоже заценил.

— Это ты его по макушке ударила?

— Лампа упала. Я притащила сюда.

— Помочь?

— Помоги перекурить. Я не люблю курить одна.

Венди засмеялась, и было видно, что Нерре это приятно.

— Веселье там уже кончается. Все либо дали дёру, либо ещё что.

Дьявол, какую же глупость она сказала. Хохот трёх людей залил комнату. Стало смешно аж до шистосом.

— Кончается? Веселье только начинается, моя хорошая!

* * *

Весело было почти до полуночи. Потом Венди стояла на коленях, чтобы позвали того, кого нужно. Знакомых ей сторожей пансионата не оказалось. А незнакомые, все как один, реагировали на неё очень неоднозначно, но не со злом. Пытались задавать много вопросов. Девушка на коленях повторяла одно и то же, и человек, который был явно сильнее неё, попросил выйти за территорию заведения. Обещал помочь, но только если она послушается. Только бы не соврал.

Она сидела в нескольких шагах у калитки, поджав под себя ноги и закрывая лицо одной ладонью. В жидкости было перепачкано всё: руки, одежда, волосы и даже асфальт под ней. Моника едва коснулась кончика рукава и не смогла сдержать тревоги в голосе.

— Что случилось? Венди, почему ты в крови?

Ответа не последовало, и подруга села рядом. Она просто положила на чужую ладонь свою, а показалось, что на кожу вылилось жидкое солнце.

— Как-то так выходит, — голос совсем не дрожал, в отличие от тела, — что я убиваю людей. Привожу к ним смерть.

Она убрала ладонь с лица, но не подняла головы. Смотрела в одну точку, что размывалась из-за воды в глазах, и не могла шевельнуть взглядом.

— Видела, как человека бросили в измельчитель. И его просто не стало. Это не несчастный случай, а люди. Исполосовали лицо, а потом вот... это.

Собеседница выглядела уставшей. К чему ей эти откровения сумасшедшего человека? Самое время потерять её окончательно. Идеальное, идеальное время для этого.

— Я слышу тебя, — аккуратно попросила Моника. — Говори.

— Я могу смотреть им в глаза и сказать, что мне нравится. Даже не выдать себя, хотя это всё сложнее. Могу заверить отца и людей, которые умирают из-за меня, что это пустяк. Раз плюнуть. А себя не могу. Мне плохо смотреть на это. Это чужое, и я не могу привыкнуть к жестокости. Так не должно быть. Даже в самом грязном и безнадежном мире. Так не должно быть.

Венди коснулась окровавленным пальцем стены. Буква за буквой — крови хватало сполна.

«Злые»

— Что-то идёт не так. Я хочу радоваться. Хочу, чтобы другие радовались, чтобы был шанс на лучшую жизнь. Но шанса нет ни у меня, ни у них. Поэтому остаётся только принять этот мир. Потускневший. Дегradированный. Мёртвый. Мне страшно оставаться в этом городе, но я не знаю, куда идти. Нет места, где рады человеку, из-за которого умирают другие. И там, за границей, оно не появится. Остаётся лишь Торакс, который тонет в крови своих же микробов. Ты только вдумайся — я убитых людей видела больше, чем деревьев. Чем цветов. Ты только вдумайся, Моника.

— Он гадкий, — согласилась та. — И грязный, и жестокий. Но в Тораксе есть и другая сторона. Незаметная, правда, но не такая тёмная. Что, если попробовать по-другому?

— Не получится по-другому. Здесь не работает честность. Ты знаешь, до всего этого я искала способы зарабатывать хоть какие-то деньги. Я связала пять кукол и попыталась продать их. Всего три этюда²⁷ за куклу — это дешевле, чем пакетик самого дрянного табака. За два виада у меня купили только одну. Все остальные украли. А когда я написала заявление в «Цикл», поразбивали окна. Здесь не работает искренность. Эта грязь непобедима. Даже для таких людей, как ты.

— Я знаю, — кивнула Моника. — Она непобедима. Но смысл не в том, чтобы сразить этот мрак. У меня ни разу в голове не было

²⁷ Этюд — наименьший номинал. За одну монету можно заказать чашечку чая.

желания сделать невозможное и выгнать темноту из этого города. Потому что он состоит из неё. Дело в другом.

Венди не понимала, это было видно. Но сейчас не перебивала, не качала головой и не спорила.

— Суть не в тех, кто украл твою куклу, а в человеке, который её купил.

— Посмотри на эти руки, — девушка протянула ладони, но Моника накрыла их своими.

— В крови, я знаю. И что, ты хочешь и дальше топтать чужие жизни? Просто по инерции, потому что привыкла?

— Это не смоеет всего, что было до этого.

— Не смоеет. И даже так, помоги ты одному живому существу в этом городе, и совершишь подвиг, о котором половина Торакса боится даже подумать.

— Да некому помогать, — Венди грустно улыбнулась. — Город вымер. Слово храбреца придумали, чтобы замылить нам глаза. Будто есть хорошие люди. А по факту головорезы и те, кому поломали кости. Ещё тени, которые нами всеми играют. Всё.

— Не всё. Правда не всё. Посмотри на меня, — Моника потрясла подругу за плечи. — Посмотри на меня, я тебя очень прошу. Не бойся. Посмотри.

Тёплые ладони помогли. Они касались щёк и пачкались в крови ради того, чтобы дать совсем немного смелости. Жест искренности, а не сухой приказ поднять голову. И тогда взгляд скользнул чуть выше. Стыдливый. Испуганный.

— Я видела и других людей. Недавно я была в «Коловороте». И там всё как всегда — разрушено всё, что может быть разрушенным. Разбитые окна. Предсмертные надписи на стенах. Представь это. Я иду по дороге, а там все деревянные двери уже давно сгнили. И среди всего этого я вижу длинную дорогу. Не серый асфальт, Венди, а нарисованную мелками радугу. Длинную, на несколько десятков шагов. Кто-то же это нарисовал? Человек взял и нарисовал радугу среди полуразрушенных домов и валяющихся под ногами людей.

— Один на миллион.

— Нет, это только самый недавний случай. Я постоянно натыкаюсь на такое. На людей, которым нужны куклы. А несколько дней назад я общалась с мальчиком, который хочет стать фокусником. Он уже даже показывал мне свои трюки. Мы заговорили случайно, пока стояли в очереди за молоком. В «Колькотаре», где тоже не всё спокойно.

Венди вцепилась в руки говорящей. Первое слово она произнесла с облегчением. Будто в нём было всё самое доброе.

— Дети, — она на время замолчала. — Иногда я думаю, что только на них и надежда. На слой непорочных и чистых. Я люблю их невинность, люблю, когда они улыбаются. Но их тоже уродуют, поверь мне. Я сама была ребенком, я помню. Раньше я насыщалась детством, а потом выросла и начала его забирать. Я тоже хотела играть в ансамбле. А имею что имею. Поэтому этот мальчик не станет фокусником.

— Тогда я помогу ему не стать монстром. Как смогу, даже если это будет приятный воодушевляющий разговор. Иногда и он может всё изменить. Тебе не нужно переворачивать весь город вверх дном, Венди. Нужно сделать то, к чему тебя тянет. Я бы ни слова не сказала, если бы ты пришла сюда и сказала, что тебе нравится. Но тебе плохо. Всё хуже и хуже. Значит, ты хочешь чего-то другого. Так?

— Я не знаю, как. Я забыла самое важное. Человечность. Забыла, как выглядят колокольчики. Даже оркестр, который мы слышали. Я уже не помню, как он звучит. И голос матери я тоже не помню. Я всё забыла и не знаю, как вспомнить. — Ногти вцепились в кожу второй руки. — Я не знаю, как по-другому.

Моника мягко отвела впившуюся руку в сторону.

— Я попробую показать. Только дай мне это сделать, пожалуйста. Не говори, что у нас нет шансов. Не говори, что это никому не нужно. Торакс всех запугал. Избил почти каждого. Но не проглотил. Вот тут ты ошибаешься, если думаешь, что это так. Всё здесь, — Моника коснулась испачканной в крови рубашки, указывая на грудную клетку. — Ужас, как наивно, правда? Но я говорю тебе правду. Не то, что ты хочешь слышать. И не слова, которые ничего в себе не несут. Хотя бы попробуй.

Моника протянула кусочек металла. Форма быстро поменялась: длинная спираль превратилась в стебелёк, а шесть лепестков раскрылись, создавая подобие чаши. Туда смело можно было класть самое сокровенное.

— Вот так выглядит колокольчик. Может, нам тоже нужно научиться расцветать?

Венди взяла металлический подарок с таким же трепетом, с каким мать берёт своего первого новорожденного. Руки дрожат, но внутри что-то, что бывает раз в жизни. Невинная красота. Её рождение.

— Ты не укладываешься у меня в голове. Я была уверена, что Торакс тебя сожрёт. Тут это просто, достаточно вечером не туда повернуть. Но ты сейчас — это та же Моника, что и при первой встрече. Будто ты укутана в металл, что куда прочнее, чем я думала. Дьявольский поезд, который удержался на рельсах.

— Ты же помнишь? Я не лишена недостатков и переживаний, — голос стал чуть веселее. — У меня всё внутри. Тебя, Венди, разрушают внешние факторы, а меня — внутренние. Наверно, поэтому мы восхищаемся друг другом в каком-то плане.

— Что? Что во мне вообще может восхищать? Посмотри на меня.

— А ты смой, — ухмыльнулась та.

— Смыть?

— Да. Смой всё это. Приоденься, заплети волосы и выйди на веранду. И, клянусь тебе, люди оторваться не смогут. Я могу попробовать перековать другого человека, но с собой справиться куда труднее. Мой характер, мои принципы и взгляды на многие вещи — кажется, что всё это замерло на месте. Знаешь, сформировалось, но отказалось развиваться дальше. И такое убеждение внутри живёт уже не первый год. Поэтому я думаю, что останусь таким же человеком, что есть. Ни лучше, ни хуже. Но даже так, мне кажется, что это застой. А ты — как две стороны монеты. Реверс, и загорится целый лес. Но выпади аверс, и он расцветёт там, где его никогда не было. Вот и твоя красота, которую ты не замечаешь.

Венди опёрлась головой на плечо важного человека и обняла его за руку.

— Моника, — умоляюще сказала она. — Ты же умеешь слушать внимательно, да?

— Умею. Тоже моя сильная сторона.

— Хорошо. Я просто хочу сказать, что могу быть настоящей, Моника. Я знаю, как выглядит моё лицо, но постоянно боюсь, что перестану его узнавать в зеркале. Бывают моменты, когда такое случается. И мне кажется, что всё вокруг испачкано чёрной слизью. Когда я опускаюсь на самое дно, тогда начинается. Но бывает и пик. Очень редко, когда почему-то мурашки от восторга бегут. Я чувствую, что хочу тебе признаться в том, кто я. Потому что многие думают, что я человек, который может находить других людей. Но это не так.

Венди встала, будто забыв, что перепачкана в крови. Она осмотрелась и закрыла глаза. Видимо, прислушивалась.

— Я целый торнавидор думала о том, когда же он закончится... Надеюсь, что важный звук меня спасёт. Но сейчас, мне кажется, он может сделать даже больше.

— Я готова. В любую секунду, я...

— У тебя в комнате, — перебила та. — В маленькой коробке прячется то, что мрак никогда не сможет поглотить. Принеси это мне, умоляю. И бегом за мной.

Обнимая спрятанного в коробок ангела, они бежали по ночным улицам. Венди вела за собой и следила, чтобы беды не попадались на пути. Выше и выше по лестнице, туда, где было прохладно, но спокойно. На самую верхушку заброшенной газовой вышки, чтобы хоть часть города оказалась как на ладони.

Верхушка была просто широкой прямоугольной опорой под ногами с крохотной будкой наверху. Никаких бортиков. Никаких ограничений. Венди стала в широком шаге от края.

— Это поможет мне настроиться на нужные эмоции.

Поворот ходунка в нужную сторону, и радио ожило. Нужно было ждать недолго, ведь предыдущий торнавидор остался позади. Венди смотрела вперёд и дрожала от волнения. Приближалось что-то важное, о чём знала только она. Дыхание стало глубоким и медленным.

Некий Мистер Бестелесность никуда не денется, она была уверена. Ветер может сбежать из города, солнце может струсить и не появиться, но не Нияс. Его посыл, пусть и пока нерасшифрованный, не может взять и перестать существовать. В час ночи после окончания торнавидора, как и должно быть. Минуты, которые тянутся, но не сводят с ума. Предвкушение. Настрой. Искренность.

Началось. Зазвучал тот же человек, что всё это время не забывал о них. Венди сделала шаг навстречу пропасти и развела руки в стороны. Инструменты продолжали то нагнетать, то окунать в блаженство. То ли они аккомпанировали стоящей на краю, то ли это она пыталась соединиться со звуками и проникнуться ими.

— Послушай меня внимательно, пожалуйста. Попробуй провести смысловые цепи. Когда-то ты спрашивала меня про мой аромат. Вот он, прямо здесь. Выше меня и тебя. Выше самого Торакса.

Моника всецело доверяла её равновесию и искренности слов. Не меньше, чем звукам музыки. Всё началось с того, что ветерок дал о себе знать.

— Мой аромат — это обожание воздушного пространства, будучи в нём крошечным пёрышком. Когда дыхание перехватывает. Это любовь к направлению течения. Ветра. Птичьего клина. Мой аромат — это корни, которые я никак не могу пустить из-за асфальта под ногами. Каждодневное удушье из-за отсутствия почвы. Это не дороги к людям. Это тропы к первозданному. Я нахожу чувства. Человеческие и природные.

Продолжением стал раскат позади них. Будто что-то вдалеке взорвалось, и взрыв донёсся аж досюда. Но природный, а не

искусственный. Не тот, к которым привык этот город. Моника знала, как звучит гром. А затем новая молния, что мелькнула перед ними, — настоящая стихия.

— Мой аромат — это зной. Музыка, которая не перестанет играть, даже когда испарится человечество. И я — его нота из нескончаемого полотна. У которой древнее начало и абсолютно неизвестный конец. Вот что мне по-настоящему важно. Стены из песка и то, что человеческими пальцами не возвести. Буря, что может снести укрепленный мегаполис. Моя левая рука — это град, а правая — засуха. По моему телу делают предсказания и молятся, чтобы урожай удался. Не тому телу, что перед тобой. По общему, которое и у тебя, и у меня, и у всех людей под нами единое.

Дождь появился невероятно резко. Он сменил морось и так же быстро превратился в ливень. На удивление тёплый, такой, с которыми Моника ещё не сталкивалась. Она смотрела на Венди и то, как быстро мокнут её волосы с одеждой. Практически чувствовала, как с человеком перед ней соприкасается вода, но не мягкая, не ласковая, а разгневанная и обиженная, разбиваясь насмерть. С ними стекала и кровь, а вместе с ней и что-то чёрное, что пряталось в волосах, под одеждой и даже глазах. Всё вытекало через слёзы и уносилось прозрачными пулями. Дышать становилось тяжелее, но приятнее. Так наполнялись лёгкие живого человека.

Чтобы перекричать шум, Венди начала говорить куда громче, буквально кричать. И теперь было слышно, что слова даются ей не так просто — это уже не была размеренная речь. Даже предложение становилось испытанием.

— Но отбери у меня почву, я не потеряю связь. Пусть они заасфальтировали целый город, я насыщусь через капли. Через бледные солнечные лучи. Через чистый воздух, пришедший с моря. И тогда я перестану быть человеком! Потеряю имя. Форму. Цвет и слова. Стану молниями. Ливнем.

Все капли будто разом закипели. Они стали значительно горячее, всё ещё не обжигали, но это был совершенно не привычный дождь. По округе разлился туман, искусственно созданный, но выглядящий по-настоящему. Капли всё ещё с невероятной силой стучали по всему, к чему прикасались.

— И паром. Так я покидаю это кладбище. И улетучиваюсь. От мрака. Чтобы расцвести. И тогда... И тогда... Я наконец... Становлюсь... Сама собой! — закричала она, будто бросая каплям вызов.

Венди резко опустила руки вниз и отшагнула назад, словно держала камень и боялась, что тот её раздавит. Ливень продолжался не

больше десяти секунд. А вся эта величественная жизнь, созданная так внезапно, так же быстро и пропала.

Она почти было упала, но её подхватили. Дышать было тяжело. Не меньше внимания привлекал пар, будто исходящий от тела.

— Такое уже было. Было. Не бойся.

Затылок коснулся чужих коленей. Телу следовало прийти в себя, но нельзя было перестать говорить. Ни в коем случае нельзя, несмотря на изнемождённость и одышку.

— Поверить не могу. Это...

— Моника. Это самый важный день в моей жизни. Я клянусь. Всё самое важное кроется в наших сердцах. И всё самое страшное началось, когда мама ушла. Но я не говорила тебе, что было до этого. Это сидит очень глубоко. Мне тяжело говорить о важном.

— Я слушаю тебя, — заверила она человека, что вцепился в неё руками. — Я слушаю каждое твоё слово. Только не спеши, прошу.

— Да. Да. Всё моё детство мама писала сказки для меня. Они были настоящими, но рассказывали о чудесном. Тогда я и полюбила природу и сны. Полюбила запах колокольчиков, которые она выращивала в саду. А потом я забыла его и не могла вспомнить, пока не встретила тебя. Я искала колокольчики, но здесь всё меньше и меньше цветов. Мама подарила мне беззаботность. Она любила меня всем сердцем, понимаешь? А я любила её.

Моника кивала и даже в глаза не смотрела. Незачем. На таком уровне люди могут достучаться одними словами и соприкоснуться взглядами на луне.

— Я понимаю, насколько... — она делала паузы, — насколько неправильно она поступила со мной и отцом. Но если честно, я безгранично благодарна... этому человеку за то, что в моем детстве она создала картину человечности, которой хочется следовать. О которой ты мне смогла напомнить. И морали, которой она меня учила. Она уделяла мне много внимания, и каждая секунда — тепло, благодаря... которому я родилась не мертворождённой, как большинство в этом городе. И благодаря её же сказкам в моей голове есть образы и вопросы. А потом она ушла, и всё, всё, о чём я сказала, пропало.

— Ты и сейчас чувствуешь обиду, да?

— Да, невероятную. Но и благодарность. Хотя мне стыдно признавать это, я не знаю, почему. Такого не бывает в обычные дни. Я понимала это где-то там, у себя в голове, а сейчас оно вырвалось. Все эти приключения по снам, мой аромат — это всё из-за неё. Я помню, как моё тело умещалось в её объятиях. И насколько же по-

человечески она улыбалась. Одного только этого было достаточно, чтобы отгородить меня от чёрной картины за стенами нашего дома. От всех тех людей, которым уподобилась и я.

— Это хорошее чувство, Венди, даже если оно осталось в прошлом. Это эмоции и мысли, которые меняют нас.

Та закивала головой.

— Да. Я часто представляла что-то теплое и родное рядом, когда сплю. Но какая-то крупца внутри потерялась. Думаю, в какой-то момент я настолько отвыкла от любви и тепла, что разуверилась в том, что они реальны. И мне стало куда легче смотреть на то, как людям отбивают колени, и они теряют возможность ходить. Мне хочется уехать отсюда, ты даже представить не можешь как. Но будь у меня одно желание, я бы отдала все свои деньги, чтобы она оказалась за моей спиной. Не чтобы задавать вопросы или обвинять. Я бы просто обняла её и насытилась... жизнью, которая недостижима для самых богатых и властных людей в мире. Это то, что лежит во мне глубже всего. Жизнь.

— Жизнь, — повторила девушка и обняла близкого человека. Тот со всей искренностью сделал то же самое.

— Моника.

— Да?

— Неправильно всё это было. На счёт ансамбля и прочей ерунды. Вообще всей лжи и жестокости. Но не отворачивайся от меня. Пожалуйста. Я стану лучше.

— Ты ведь уже стала. Совсем не тот человек, который был вчера.

Венди покачала головой, и впервые за весь разговор ей хватило сил на вялую, едва заметную, но всё же улыбку. Она глянула на колесо обозрения неподалёку. Светится. Есть чему поучиться.

Глава 14. Подающие надежду

Через пару дней уже к середине дня у порога семнадцати совершенно разных квартир лежали большие коробки. Всё работало по одной схеме: стук в дверь, молчание извне и поворот ручки. Люди осматривались, глядели вниз и растерянно заносили коробку в дом.

Внутри была еда, вещи первой необходимости и одежда. Всё это покупалось с утра, только начинали работать магазины. Восемнадцатая коробка нашла своё место к полудню. Два человека без труда несли её за ручки; на узких лестницах иногда было потруднее, но недолго. Коробка оказалась на месте, и палец надавил на звонок.

Они наблюдали из-за угла. Зачастую всё получалось быстро. Когда восемнадцатую посылку забрали, двое выбежали из парадной и направились в новый квартал. За всё время молчание наступало только тогда, когда приходилось выжидать. Такие моменты длились недолго.

— Какое название этому можно дать? Металл и...

— Если подбирать простое человеческое слово, — объясняла Венди, — то да, можешь назвать это природой. Но, — она протянула это мечтательно, словно всё самое интересное таилось в продолжении, — это самая масштабная суть природы, которую я могу представить. Это не сама природа, скорее, её проявление.

— Разъясни, не до конца понимаю.

— Я не управляю ей. Дьявол, к счастью, никогда и не удастся. Потому что это она играет мной. Сначала слушает. Я искренне думаю, не о грозе, но о шторме внутри себя. А она сначала оценивает, после чего решает. И, кажется, я ей нравлюсь. Но лишь *она* решает — хочется ей пролить дождь и послушать меня или нет. Я лишь сгущаю тучи.

— Тогда твой аромат — это всё те же тропы. Но ведут они не к людям, а к чему угодно, что может услышать.

— Именно так. Дело в методе, а не цели, понимаешь? Природа грозы — я прекрасно знаю, где она находится. Но и природа человека — я представляю её вот здесь, между большим и указательным пальцем. Уже потом узнаю, представляю лицо и иду за ним. Но нитку можно держать только этими двумя пальцами, никак иначе. А ветер, например, получается при соприкосновении двух мизинцев. В общем, вариаций много: я могу попробовать найти воду под землёй, а могу — человека. И уже мой выбор — передавать что-то через нити или, наоборот, просить.

Они слушали друг друга, всё остальное получалось само. Когда пришла пора отдохнуть, на глаза попалась кондитерская. Непринуждённая и тихая атмосфера, ничего необычного. Но стоило только начать собираться, как сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

— Риннэст²⁸, простите, риннэст, — обратилась Венди к хозяину заведения и наклонилась вперёд, чтобы разговор не слышали остальные. — Вы первый, у кого в заведении играет эта волна. Она просто попалась вам под руку?

— Вот уж. Это Некий Мистер Бестелесность. Слышали о нём что-то?

— Шутите? Я... Я даже не знаю, что вам сказать! Ещё как слышали. Но о нём катастрофически мало информации, с кем ни говори. Вы тоже замечали, что каждый воспринимает его музыку по-разному?

— Да-а-а! — мужчина был в восторге, будто член небольшого клуба по интересам. — Вы записывали его музыку на фонограф? Пробовали?

— Нет. А вы записывали?

— Не раз, — тот закивал. — И каждый раз ничего не слышно.

— То есть как?

— Не читает. Шум, а музыки нет. Пять раз пробовал.

— Такое может быть?

— Я понимаю, почему вы мне не верите. И понимаю, почему другие не верят, когда о нём заходит речь. Но мне кажется, что это не в фактах проблема, это всем нам не хватает зацепок, чтобы всё стало ясно. Каждый что-то там знает, что-то там гадают, а нужна целая картина, понимаете?

Венди приоткрыла рот — видимо, не знала, что сказать. Вопрос задала подруга.

— Подскажите, он играет в прямом эфире? Или это записи?

— Ну, если его нельзя записать, то как думаете?

²⁸ Риннэст — форма вежливого обращения к владельцу заведения. Применимо по отношению к мужчине. Женская форма звучит как «Ри́эта».

— Тут сложно думать в одну лишь сторону, вы же понимаете. Хорошо, а мелодии его? Вы слышали хоть раз, чтобы мотив повторялся?

— Слушаю три года и ни разу такого не замечал.

— Хорошо, а что вы ещё знаете? Поделитесь, чем можете, пожалуйста. Мы обе в этом вопросе те ещё невежды.

— Так-так, — риннэст задумался и начал загибать пальцы. — Некого Мистера убили примерно семнадцать лет назад. Его концерты звучат до сих пор, в начале каждого торнавидора. Ровно в час ночи. Про то, как включить его волну, вы, наверно, знаете. Что ещё? При жизни он давал концерты в полной темноте. А после смерти люди придумали такой вот странный псевдоним, который прижился. И никто не знает, что на самом деле стоит за инициалами. Только часть фамилии, но не полностью.

— Фамилии, вы сказали?

— Ну да. Модлей. Разве по-другому?

Подруги переглянулись.

— Мы думали... Понимаете, я говорила с разными людьми, и как раз фамилия была проблемой. Три разных человека сказали, что его зовут Ниас. Я думала, что имя всем известно.

— Ниас, Ниас, Ниас, — повторял мужчина, будто хотел отпечатать это в памяти. — Первый раз слышу, признаться. Ниас. Запомнил. Ниас Модлей Б. Видите, не знал.

— Забавно выходит, — Моника рассмеялась. — Вот так рождаются либо слухи, либо истина. Из разных капель.

— Послушайте, — он вмиг посерьёзnel. — Я не сумасшедший, у меня есть жена, дети, кондитерская, как видите. На нервах слегка. Просто хочу сказать, что Некий Мистер Бестелесность пытается что-то сказать своей музыкой. Тем, кто может его услышать. Он ведь не заглушает другие волны, хотя уверен, что мог бы. А просто создал свою в стороне, которую тоже никто не может заткнуть, как бы ни хотел. Вот в этом, я думаю, главная загвоздка. Не заглушить их волны, а сделать свою неуловимой. Бестелесной. Извините за излишнюю эмоциональность. Мне почему-то кажется, что это очень важно.

— Да, я понимаю это, — в порыве ответила Венди. — Мне тоже так кажется. Я стараюсь слушать его каждый день. У нас тоже нет доказательств, просто слухи. Но вот не кажется мне, что это обман. Понимаете?

— Да. Когда ты слышишь эти прекрасные мелодии, которые ведут за собой...

— ...к вершине, — Венди аж дрогнула. — И снова взрыв, но уже другой.

— Да. Да, мы не понимаем до конца, но не просто же так это... Это так прекрасно, что ещё тут скажешь?

— Прекрасно, — Венди покосилась на фотографию, где мужчина во весь рот улыбается рядом с двумя девочками. — Ваши дочери?

— Да. Два моих светлячка. Четыре и шесть лет, — он гордо закивал и обратил внимание, что Венди копошится в кармане.

— Вы их любите, это видно. Хорошо, когда человек любит человека. Вот, для старшей, — она вынула двух кукол из кармана и положила на прилавок. — А вот это для младшей. Или наоборот, как они захотят.

— Это сколько-то стоит? — он посмотрел на подарки, но поднял голову, как только услышал смех. Венди закружилась к выходу.

— Стоит приятного разговора, но мы уже в расчёте. Спасибо вам огромное.

Колокольчики над дверью зазвенели, и она закрылась. Моника и продавец переглянулись.

— Нет, просто так, — та отреагировала на происходящее улыбкой.

— В таком случае огромное, огромное вам спасибо, мисс. Если я могу вас как-то отблагодарить, вы же скажите мне.

Моника достала из кармана мешочек, положила деньги на весы и указала на леденцы за витриной.

— Да. Подарите по одному всем, кто зайдёт к вам сегодня.

* * *

Венди шла босиком, иногда подпрыгивая, иногда кружась. Ей быстро надоело просто идти. Взгляд вперёд горящий, наполненный чуть ли не жаждой.

— Ты же помнишь, я говорила, что здесь сложно ощущать первозданное? Потому что в этом городе очень мало моего природного слоя. Может полить дождь, например, и это будет приятно, но вода — не первостепенная сторона природы для меня. Так и с солнцем, и с луной, и всеми другими её проявлениями.

— Важнее всего земля, да?

— Да. Было несколько случаев, когда я выезжала за черту основных клоков, там, где уже не так много построек. И ходила там тоже босыми ногами, но по настоящей земле. Не по этим засушенным клочкам, что здесь, а по живой почве. Я не подавала вида при других, но, знаешь,

по моему телу бежали мурашки. Каждый новый шаг, и это словно целая секунда речи после так надоевшего языка жестов. Мы понимаем друг друга. И...

Подул сильный поток ветра, и пару секунд трудно было даже открыть глаза.

— Вот это не я, честно!

— Просто кому-то там не нравится, что мы обсуждаем природу. Вдруг даже ей самой?

— Да, она с характером. Я как-то видела, как на человека из-за ветра свалился столб!

— Кошм...

— Он не умер, без паники. Тот просто был высотой с два этажа, не больше. Столб, не человек.

— Ну, не самое величественное проявление ветра. Как же ураганы, что сносят целые поселения? Это что-то неостановимое, такое...

— Ага, — Венди дёрнула подругу за рукав и показала пальцем на ближайший обветшалый дом. — Смотри, я знаю это место.

— Ты меня не слушала, да?

— Ураганы и поселения. Было такое?

— Выкрутилась. Что там с домом?

— Тут живёт один мальчик. Мы незнакомы, но я часто вижу, как его родители носят. Он болеет, как думаешь?

Моника тихо подошла к окну и аккуратно заглянула внутрь.

— Вижу мальчика. Он спит.

— Он постоянно или в постели, или у родителей на руках.

— Может, подарить ему друга?

Моника покосилась на сумку, что была переброшена через плечо.

— Что? Чуть. Разве мальчики играют в куклы?

— А почему нет?

— Ты думаешь, им нужны все эти побрякушки?

— Это же воплощение всех образов в голове.

— Как же ты иногда всё усложняешь, — цокнула языком Венди. — Я рассчитывала на «да» или «нет».

— Определённо нужны.

— Я почему-то уверена, что ты ошибаешься, — возразила та, растёгивая змейку. — Но раз осталась одна, то пусть. Листок, так. И... Ручка! У тебя есть ручка?

Она похлопала себя по карманам, ещё раз перерыла всё содержимое сумки и принялась обыскивать Моника.

— Я не ношу с собой ручки.

— Ты же всегда с ними таскаешься из-за диссертации! Обычно у тебя их не меньше трёх.

— Но мы же не ради диссертации здесь. Ты хочешь нарисовать что-то?

— Написать. Написать хочу. Может, монеткой выцарапать?

— Брось, — Моника потрепала подругу по голове, и та остепенилась. — Я даже не уверена, что он умеет читать. Это довольно бедный клочок, разве нет?

— Может... А вообще так и есть. Ты молодец, соображаешь. Тогда просто оставлю куклу.

Она суетилась, будто собиралась вручить незаконченный подарок. При себе не было ни достаточного количества денег, ни конфет, ни даже ручки, чтобы написать хоть пару слов. Венди положила куклу на подоконник.

— Дьявол. Терпеть не могу, когда так. Терпеть не могу.

Липкое чувство внутри оказалось недолгим. Оно выцвело ещё по пути домой, а потом и вовсе исчезло, стоило только лечь на кровать. Обе чувствовали усталость — за целый день они довольно много протащили и немало прошли. День протёк по одной схеме, но даже это было чем-то свежим и новым, совершенно несвойственным для будней Торакса. От уюта проснулся и аппетит, благо достаточно было зайти и забрать готовый ужин. Одна порция вмиг оказалась разрезанной на две части и быстро съедена. Моника погасила свет.

— Я хотела спросить тебя касательно... Твоей компании, назовём это так.

— Слушаю?

— Что ты им планируешь сказать?

— Я уже говорила с ними. Всё позади.

— Правда? Ты попросила перерыв?

— Что-то вроде того, — серьёзным тоном произнесла она. — Сказала, что папа умер.

— Мать честная.

— Это не те люди, у которых можно попросить отпуск лишь потому, что устала. Но они знают, что отец болеет.

— Отстанут, думаешь?

— Надеюсь. Я могла бы уйти в детали, рассказать, о чём мы говорили и кто где сидел. Но я даже вспоминать их не хочу. Очень много темноты. Хватит.

— Хорошо. Просто если будут какие-то сложности, не прячь их в себе. Взаимопомощь, ты же помнишь.

Хтонику отсеялась, больше не нужно было копить деньги. За один вечер наедине с самой собой был сделан очень важный шаг — уедет только один человек. Всё могло измениться со временем, но изначальная ставка была на отца — если в Тораксе у Венди всё наладится, отец уедет один, где его встретят люди, которые будут о нём заботиться. Денег уже хватало на один билет, место в доме престарелых и качественное лечение.

Она же попробует закрыться от звена, найти своё место и идти за лучшим. Попробует сама выйти на источники, которые помогут с билетом и жильём для отца. Если получится, пусть даже со сложностями, отец окажется за границей, а она — на своём месте. Не хотелось думать, что будет, если идея эта провалится.

Дарко её выслушал. Пообещал не беспокоить и дать время смириться с утратой. Подчеркнул, что Хтонику пока откидывает нити, но не забывает о них вовсе. А после, когда всё устаканилось, они покормили бездомную собаку. Этот разговор был из тех, которые не хочется вспоминать, потому что слишком уж много смелости на него потребовалось. Венди знала, что не накопит эту злосчастную сумму для двух людей. Слишком многих свиданий это стоит. Но сейчас денег хватало больше, чем на одного, и этим нужно было пользоваться.

— Венди, ау?

Девушка не ответила, только подвинулась чуть ближе. На секунду охватило какое-то пугающее чувство, но человек рядом сделал то же самое, и отпустило. Страх ушёл.

* * *

Чтобы добраться куда нужно, приходилось плыть на металлической пластине над ржавой ямой. Настоящее кладбище давно забытых запчастей под открытым небом. Повсюду валялись погнутые рельсы, что тонули в грудах щебня и стекла. Тут и там торчали железные пруты, а огромные прогнившие трубы походили на грязное кострище, что никак не могло загореться. Стоило только глянуть вниз, как по телу будто пробежали тараканы.

— Ну вот на кой мы сюда забрели, а? Ну вот надо оно мне было?

— Тебе — нет. А нам — да. Ты как-то очень быстро сдуваешься. Мы же плывём над оранжевым морем, всё хорошо.

— Цыц. Я ещё могу согласиться, что видок здесь сносный, но вот что я сдуваюсь... Враки. Просто мы бы могли...

— Мы собьёмся, если будем обходить. Нам же сказали, что он живёт прямо по ту сторону ямы. Зачем придумывать невесть что, если всё работает?

— Тут дурно пахнет, дьявол. Но вообще ты права, так быстрее. Вжик, — Венди провела пальцами возле губ так, будто закрыла воображаемую молнию.

Когда свалка кончилась, алефарз принял привычную форму плаща. Моника немного отдохнула и восстановила силы, которые забрал аромат. В таких случаях Венди всегда начинала переживать за подругу, но хватало одного «я в порядке», чтобы волнения развеялись. У неё это хорошо получалось, с какой-то ноткой мощи в каждой букве. Этого «я в порядке» хватало надолго.

Венди взяла большой чемодан на колёсиках, с которым они прибыли, и покатила за собой. Место было совершенно безлюдным и оттого нагоняло то ли страх, то ли тоску. Одно радовало — чем дальше от ямы, тем меньше слышалась странная вонь.

В голове начинали роиться переживания. Что, если они не найдут этого человека? У неё же ни фотографии, ни фамилии — ничего, чтобы найти. Вот вдруг всё оказалось байкой, которую придумал какой-то пьянчуга? Тогда чтоб он чесался всю ночь, чтоб язык себе прикусил. До крови, дабы больше не молол чушь.

Моника воспринимала ситуацию совершенно иначе. Она шла медленно, прислушивалась и осматривалась. Точно найдут, в крайнем случае можно будет крикнуть — может, кто и отзовется. Не найдут, значит набредут на другого человека. Они зашли так далеко в городе, где люди боятся сдвинуться с места. Эта мысль вызывала лёгкий кураж.

В конце концов, блуждания не были напрасны. У мусорного контейнера, что был выше человеческого роста, копошился мужчина с очень густой бородой и панамой на голове. Он пытался забраться наверх, чтобы заглянуть внутрь, но где-то посередине пути почти замер.

Самодельная лестница дрожала со стороны в сторону, а сам незнакомец напоминал акробата-новичка на ходулях, что старался удержать равновесие. Он пытался подняться маленькими аккуратными шажками.

Когда лестницу придержали, тряска сразу утихла.

— Аккуратнее, а то упадёте и поранитесь.

— Ай, да ну, — он взобрался на самый верх и включил фонарик. — Я как-то с крыши дома упал, так что мне всё нипочём.

— Одноэтажного, я надеюсь?

- Да это был сарай, высотой как три меня.
- Хорошо, что не выше.
- Но, — мужчина кряхтел, пытаясь раздвинуть кульки в стороны.
- Я упал мордой, а это было больно. Кровищи было...
- Кошмар, — выдохнула Моника. — Сочувствую.
- Да было и было. Не было бы и не было бы.
- А вы... Дúзовик, да?
- Дúзовик.
- Нам рассказали, что вы живёте здесь один.
- С дядей, — поправила Венди.
- Да, — простодушно ответил тот. — Двинул подальше от города.
- Почему? Если это не секрет, конечно.
- А как вы думаете? Слишком уж там хорошие люди, вот и всё.

Обе уловили ироничную нотку в голосе. Речь шла о звеньях или ком-то другом, похожем на них. Ком-то, кто мог сильно обидеть. Он разворотил кулёк и, уже с добычей в руках, начал спускаться вниз. В его руках были слипшиеся кусочки картошки, не сильно приятные на запах. Мужчина достал из кармашка тюбик с прозрачной вязкой жидкостью и хорошенько плеснул ей на объедки. Она быстро начала впитываться, но Венди накрыла картошку рукой.

— Не нужно, не ешьте эту гадость. Секунду! — Девушка очень быстро расстегнула чемодан и мгновенно нащупала ещё тёплую сдобу. — Вот, лучше возьмите это.

— Вы это *мне* даёте?

Ему как-то удалось одновременно выделить два последних слова. Один вопрос подразумевал сразу два ответа.

— Да, конечно. Это вам, просто так.

Тот уважительно кивнул и сунул картошку в карман.

— Скажите, — произнесла Моника, — вы живёте где-то поблизости?

— Ну... Живу. Но не поблизости, а недалеко.

— Понимаете, мы хотели отдать вам всё, что в этом чемодане. Там есть что показать и объяснить, поэтому можно заскочить к вам домой на минутку?

— Что такое? Что-то произошло? — Мужчина выглядел совершенно растерянно. — Нет-нет, правда, в чём смысл?

— Я понимаю, что вы боитесь, — как можно мягче сказала Моника.

— Но мы не из звеньев. Просто хотим помочь. Честно.

Дúзовик не ответил, а только посмотрел на них так, будто пятнадцатилетний мальчишка, которого угораздило влюбиться.

Домом оказался перевёрнутый вагон, с огромным количеством приколоченных металлических пластин и деревянных досок. Он лежал на боку, весь ржавый и абсолютно мёртвый, как и большинство других. Такие оживить уже невозможно.

— А-а-а-а-г-гг! — слышался старый голос, только они вошли, но ему тут же ответили.

— Дядька, они хорошие, не бойся.

— Я не боюсь, — его голос был ворчливым и довольно громким. — Я отпугиваю!

— Их не нужно отпугивать, дядька. Это Моника. А вот это Венди. И они не незваные гости. Они хотят подарить нам подарок.

— Здравствуйте, — ответила одна, а вторая просто вежливо кивнула. — Не переживайте, грабить не будем.

— Было парочку, кто хотели. Я им так палкой настучал, что мигом забыли, как сюда лезть, слизняки!

— Будут знать.

Моника подошла ближе к лежащему старику и указала на край кровати. Тот разрешил сесть. Венди осталась с Дузовиком. Они разделились на пары, не сказав друг другу ни слова. Обе делали то, что ими двигало.

— Смотри, мы пока с тобой разберёмся что и как. Чтобы ты мог позаботиться и о себе, и о своём дядюшке. Так?

— Так-так.

— Вот это, видишь? Это фильтр для воды. Пожалуйста, старайтесь не пить проточную воду, потому что в ней очень много дряни. Нужно просто вот так закрутить... видишь? Крутишь, давишь, и всё, у нас есть выемка. Сюда можно лить любую грязную воду. Вот, можно?

Тот глянул на стакан с мутноватой водой и быстро закивал.

Они уставились на прозрачное стекло. Посередине была пипетка, с которой вскоре вытекла первая чистая капля.

— Работает!

— Отлично. Оно будет набираться медленно, но хватит надолго. Где-то через несколько джаэ фильтр загрязнится, но вот здесь лежит парочка запасных, запомнил?

— Да. Прости меня за такой вопрос, девочка Венди. Правда, прости. Почему ты нервничаешь?

— Просто боюсь что-то забыть.

— Хорошо-хорошо! Ты ничего не забудешь. Я внимательно слушаю. Ты не забудешь, точно. А это что такое в горшках?

— Растения из Риджикта. Вот здесь много круп и прочего, что можно легко приготовить. Но ещё, думаю, было бы неплохо выращивать хоть какую-то нормальную еду у себя дома.

Она достала из сумки листки бумаги и положила возле соответствующего горшочка.

— Плодородная почва — редкость для Торакса, поэтому не загни. Это батат. Вот тельзень. Дальше ренге, лук и трикорис²⁹. На листках написано, что за чем нужно делать. Если займёшься этим, то с голоду точно не пропадёте.

— Займусь, — заверил Дузовик, внимательно читая один из листков. — У моего отца когда-то был огород небольшой, а я ему помогал. Помню некоторые вещи.

— Отлично. А это просто еда. Там на задней стороне всё написано. Только...

Тот тоже вдохнул, будто хотел что-то начать говорить, но не успел. Они оба запнулись. Венди кивнула в сторону двери, и они на время вышли.

— Говори. Ты первая.

— Просто хотела попросить: не используйте бальзам для еды, пожалуйста. Я уверена, я даже знаю, что это та ещё гадость. Вы ещё долго сможете есть нормальную еду.

— В нём какой-то вирус?

— И это тоже, но дело немного в другом. Просто, вы оба... вы ведь люди, которые должны есть еду. Иногда пресную и без соли, пусть так, но не делать еду из мусора.

— Я попробую, — закивал бородатый. — Я правда изо всех сил попробую, обещаю. Но клянусь, клянусь тебе, что я не понимаю, почему это происходит. Мы никогда раньше не виделись. Как так произошло?

— Это просто случилось. Как самые страшные истории в Тораксе, да? Когда раз, и жизнь становится скомканным катышком на полу. У тебя же такое было?

Мужчина кивнул.

— И у меня было, если честно. Поэтому не относись к такому слишком серьёзно. Это как капля мёда, что упала в огромную смоляную бочку. Запасы кончатся, а темнота и страхи точно никуда не денутся. Но знаешь, даже так, есть что-то в ней принципиально важное и непобедимое, в этой капле мёда.

²⁹ Тельзень, ренге, трикорис — три самых популярных быстрорастущих растения, относящиеся к зернобобовой культуре. Эндемики западного района Риджикта.

Моника больше слушала, чем говорила. Признаться, истории у дядюшки были интересными, но зачастую грустными. Когда истории кончились, а объяснять Дузовику было уже нечего, гости ушли. Дорога к ворчливому старику и его племяннику казалась уже не такой сложной. Несмотря на местоположение, она вела к месту, куда хотелось вернуться хотя бы ещё раз.

В этот раз они ночевали порознь. Венди провела отца. Тот задавал всё те же вопросы, на которые приходилось отвечать надоевшими фразами. Если он не спал, то обычно либо читал, либо просто лежал. Какой-то дар часами просто смотреть в потолок. Отец никогда не включал свет, даже когда шаркал по квартире. Венди он казался кротом, что навсегда устал рыть норы.

Когда крот уснул, она пересчитала деньги. Слегка расточительно, но ни одну монетку не хотелось вернуть обратно. Всё внутри подсказывало, что они потрачены не впустую. Спрятав свои богатства обратно, девушка взяла подаренную книгу и устроилась на своём месте. Снова пол далеко от ног, снова хоть какое-то ощущение уюта.

Она читала медленно. Ни разу не было так, чтобы получилось проглотить всё содержимое за несколько дней. Абзац за абзацем, но зато внимательно и с пониманием — такое было куда ближе.

На этот раз книга рассказывала о далёком северном мире. Целая история о самом большом во всей вселенной дереве, что росло, растёт и всегда будет расти. Венди никогда до этого не слышала ни о птице, что восседает наверху, ни о страшном чудовище, прячущемся в недрах. Оно обгладывало корни, но дерево никак не умирало, ведь о нём заботились три женщины, которых и женщинами было сложно назвать.

Венди малость запутывалась, но тогда перечитывала ещё. Эта книга была из категории тех, которые невероятно интересны, но содержание которых нельзя воспринимать буквально. Суть таких рассказов и тайн не имела чёткой формы, поэтому давала шанс воображению. Девушка прочитала рассказ ещё раз и запомнила его по-своему. А после этого представила переплетающиеся в серпантине тропы. Заснуть и увидеть не могла — не получалось. Но немного поиграть с воображением — и становились видны широкие тропы божеств, дороги звездопадов и пульсирующей почвы. Дьявол, тот, кто их никогда не видел, даже не поймёт, о чём речь. И правда, Венди не

смогла бы описать это другим. Просто дороги, коим нет числа. И всё тут.

Утро было посредственным, но когда она бежала в пансионат, то чувствовала восторг. Ветер дул в спину и делал тело чуть невесомее. На несколько секунд появилось чувство, что она может прыгнуть так же высоко, как во сне. В нос не били неприятные запахи, а кожа не скукоживалась от холода.

И внезапно ноги будто сами остановились. Венди уставилась на одинокий домишко, где несколько дней назад оставила куклу. Вне всяких сомнений, тот самый подоконник и те самые занавески. Но куклы не было. Было очевидно, что либо её кто-то унёс, либо родители успели занести подарок внутрь. Хотелось узнать, что же случилось на самом деле. Она на цыпочках подошла к окну, чтобы на секунду разведать обстановку, но внутрь так и не заглянула. Весь ответ таился в аккуратно приклеенном кусочке бумаги на окне.

Тем временем Моника пыталась заумно описать очевидные вещи, увиденные ею. Диссертации уделялось уже не так много времени, поэтому нужно было работать быстрее. Но когда мысли слишком долго не шли в голову, расшатывались и нервы: пальцы барабанили по столу, а ручка вот-вот готова была попрощаться с жизнью. Но внезапно распахнувшаяся дверь выкинула из головы всё нарастающее напряжение.

— Мон, ты была права! Ты была права! — Венди находилась в порыве чувств. — Это ты дала идею! Получилось!

Та не успела сказать ни слова, как в руках оказалась какая-то бумажка.

— Читай, просто читай, срочно!

Пальцы сжали бумажку за самый краешек, и Моника принялась читать про себя.

«Меня зовут Сайм. Спасибо, что подарили мне друга. Нашей семье сейчас сложно жить. Но есть и очень-очень хорошие вещи. Теперь мне будет проще не грустить, когда плохо. И вы тоже радуйтесь, пожалуйста. Это для вас».

Под ломкими буквами, выведенными детской рукой, красовался рисунок девушки. Она стояла спиной к морю и держала в руках венки. Всего три цвета, но смотрелось гармонично.

— Видишь, мальчики играют в куклы, — улыбнулась Моника.

— Ты понимаешь? Смотри. Руки дрожат, видишь?

— Это не от старости ведь. Значит, всё хорошо.

Венди бросилась вперёд, и чувства теперь выражались через тактильность.

— Спасибо. На фоне хронически грустных лиц это письмо... Это очень много. Намного больше, чем может показаться другим. Ты прочла, и мне стало ещё лучше, чем было. Так тепло.

Моника ответила на объятия, а не слова. Начали зарождаться новые идеи.

Глава 15. Мы умеем в унисон

Дни сменяли друг друга очень медленно. С начала нового виада у детей разных возрастов стали появляться куклы. Они находили их у входа в квартиру, на подоконниках и даже на своих кроватях. Большинство ребят охватывало изумление: они знали, что это, но были уверены, что родители точно не стали бы тратить на такое. Удивлённые переглядывания матерей и отцов ставили точку в детских догадках. Никто их не покупал и не знал, откуда они появились.

Связанные человечки были разными: отличалась одежда, длина и окрас волос, даже цвет глаз и оттенок кожи. Некоторые дети видели в них точно себя, другие же — воплощение настоящего героя, что жил в их голове. Куклы стали тем слоем маленькой радости, о котором Торакс и не подозревал.

На первых порах другие дети не верили счастливицам. Не каждый решался взять нового друга и выйти с ним на улицу, поэтому друзей приглашали к себе. Гости помладше охали от простого восхищения, а те, что постарше, ломали голову, откуда же эти куклы появились. В округе таких никто не продавал, поэтому стащить из магазина, чтобы похвастаться, не вышло бы. Самому связать у малышни не получилось бы — слишком хорошая работа для неопытных рук. Взрослым не до того — их интересуют более насущные вещи — оно и справедливо. Банальный интерес заставлял ломать голову, но ответа они так и не нашли. В конце концов те признали, что некоторым загадкам просто нужно время. Старшие начали заходить в гости к друзьям помладше.

Ни в коем случае не для того, чтобы поиграть с ними — всё же им было уже тринадцать, четырнадцать, а то и все пятнадцать лет. Кого-то из старших родители просили присмотреть за своей малышней, после чего давали пару монет или угощали вкусным обедом — кто на что был горазд. Другим подросткам нравилась атмосфера — посидеть с толпой шумных детей иногда хотелось даже больше, чем шнырять по надоевшим улицам. Некоторые приходили на такие мероприятия

просто потому, что впервые в своей жизни их охватывало чувство окрыления от первой влюблённости. Так в одном доме могло собраться от трёх до пятнадцати человек, в зависимости от погоды и обстоятельств.

Разумеется, все присутствующие делились на две группы — младшие и старшие. Первые рисковали, приносили своих кукол домой к кому-то другому, и так по очереди. За день они успевали стать семьёй, бросить вызов кровожадному воришке-людоеду, заколдовать друг друга в слизней, проползти всю планету на животе и расколдоваться обратно. Ребята постарше строили друг другу глазки, сами пытались связать таких кукол, много болтали и не забывали следить за детьми. Кто-то умудрялся показывать остальным фокусы, кто-то сидел в углу и то и дело писал стихи. Говорил, что в такой атмосфере куда уютнее, чем дома.

В то же время Венди продолжала вязать так много, что через несколько дней её пальцы научились делать всё сами. Цвета подбирались уже интуитивно, а каждая кукла занимала всё меньше и меньше времени. Она почти каждый день ночевала у Моники и лишь иногда навещала отца, чтобы приготовить ему еду, дать лекарство и взять немного отложенных денег на всё необходимое.

Моника временно бросила написание диссертации и занялась поиском полезных товаров из-за рубежа, поэтому иногда её спутница оставалась одна. Торгаши диковинками знали её уже не хуже, чем местных завсегдатаев. Она умела держаться уверенно, иногда блефовать, иногда не жалеть денег на нужный товар. Просто провизии с едой было уже недостаточно. Нужно было найти что-то долгосрочное, что хоть немного меняет жизнь, а не рацион питания. Прямо как для Дузовика, только ещё лучше.

Пока Венди оставалась одна, ей не было одиноко или уныло — стоило только устроиться на кровати поудобнее, подождать, пока радио заиграет любимой волной, и пальцы сами пускались в пляс. В обычные же дни они выходили на улицу и придумывали новые идеи. Одним вечером в голову пришла мысль, которую невероятно захотелось воплотить в жизнь. И эта идея стала следующей шестерёнкой.

— Привет. Тебе не плохо? Не голодный? — спросила Венди.

Она не вошла в квартиру, а говорила с отцом через узкую щёлку.

— Привет, маленькая. Нет, всё хорошо. Почему ты не заходишь?

— Закрой глаза, пожалуйста.

— Я должен спать?

— Да нет, не нужно спать. Просто прикрой глаза, пока я не скажу, что можно.

— Ну хорошо. Что, прикрыть? Прикрыл, вот так.

Она забежала внутрь. Пришлось много шерудить. Непонятно было, зачем вообще эти бечёвки и скотч. Всегда, когда что-то не получалось, Венди довольно быстро выходила из себя. Но сейчас нужно было быть поспокойнее.

— Ну всё, смотри. Пам-па-пам!

Девушка попыталась издать торжественный праздничный звук, но только прозвучало первое «пам», уже стало понятно, что получилось паршиво и уныло. Она присела рядом с отцом на кровать.

— Картина.

— Да. Я повешу справа от твоей кровати, чтобы ты мог поглядывать. Если хочешь. Ты же любишь леса, я знаю это. Деревья там всякие.

Он часто реагировал не сразу. Даже за столом: сперва попробует, зачем-то выждет, зачем-то посмотрит на эту еду, а потом примется есть. Значит, вкусно. Когда огорчён или недоволен, то начинает мямлить. Мягко откажет, пожмёт плечами и зашаркает обратно к кровати. А сейчас он даже языком цокнул.

— Нет, ну какая красота. Это ты мне купила? Для меня?

— Да. Картина называется «Натюрморт».

Отец засмеялся и погладил дочь по руке.

— Венди-Венди... Натюрморт — это не название, это... вид. Жанр такой, когда рисуют разные неодушевлённые вещи. Вот наши пампушки, например. Если их нарисовать, то получится натюрморт.

Та качнула головой и тоже засмеялась.

— Не умею я умничать. Неправильно запомнила, значит.

— А я тебе могу рассказать. Это пейзаж. Когда природа — то это пейзаж.

— Тогда пейзажи интереснее. Пампушки нужно есть, а не любоваться ими.

— Никогда и не сомневался. Кому есть дело до пампушек, когда задумываешься о целом мире? Горы есть, леса. Океан! Один огромный океан.

— Все так думают, пока в животе урчать не начинается. Правда в том, что за тёплую пампушку любой все эти горы и леса перевернёт верх дном. И всё, пампушки, значит, важнее.

— Ой, болтунья, — задорно цокнул отец. — Ты посмотри. Видишь листки? Чёткой формы.

— Секвойядендрон.

— Что за чушь? Какой-какой?

— У меня в книге говорится о таком дереве. Секвойдендрон. Огромное дерево, которое ещё называют «исполинским».

— Да нет же, — дружелюбно буркнул тот. — Слева, вот. Никакой это не «дендрон» твой.

Бывало, отца несло. Особенно в тех редких вопросах, в которых он разбирался. Обычно он мог прожужжать все уши Кольгу, но тот сам отличался болтливостью. Они понимали друг друга. С Венди он за джаэ мог не проговорить столько, сколько с Кольгом за день, пока та отсутствовала.

— Летрица³⁰. Она невысокая, но пёстрая. Смотри, какая красная вырастает. Листики такие широкие, как огромная собачья лапка. Очень стойкое дерево. А растёт как на дрожжах.

Он иногда проглатывал звуки, особенно в конце слов, но Венди давно привыкла. Всё понимала. А дерево и правда красивое было. Очаровывало.

— Летрица, значит.

— Да. В детстве я жил возле леса, где их была уйма. Ещё называется «деревом-храбрецом», потому что хоть невысокое, но такие ветра выдерживает, ты бы знала. Стоит до последнего.

Отец не отрывал взгляда от картины. Сжал губы и кивнул, будто сам себе. Венди погладила его по руке.

— Спасибо тебе огромное.

— Извини меня.

Неловкое, но искреннее объятие. Голова легла на не крепкое плечо.

— Прости, что так часто приношу с собой скандал.

— Та разве ты приносишь?

— Чаще, чем хотелось бы. К сожалению.

— Не переживай, маленькая. Мы же со всем справимся, а?

Нужные объятия. Он погладил по спине, а дрожь разбежалась по всему телу. Не так мощно, чтобы произносить слова, которые люди считают важными. Настолько горячо уже вряд ли будет. Но даже если чуть-чуть тепла, всего немного выше нуля — это уже не мёртвая речь.

— Да. Обязательно справимся.

Тот подмигнул, будто у него был план. Венди улыбнулась и глянула на картину перед ними. Какие же красивые эти летрицы, и не поспоришь. Даже запах йода на несколько мгновений куда-то пропал.

³⁰ Летрица — дерево из семейства буковых, растущее в Дамон-Тарре.

* * *

Деревянная дверь широко распахнулась. Одна из посетительниц опёрлась локтём о стойку, и на лице её читалось отличное настроение.

— Риннэст, прошу прощения, — улыбнулась Венди хозяину дешевого мотеля. — Сколько у вас стоит плотный завтрак, пару стаканов чистой воды, душ и обычная кровать на одну ночь?

— Раннего утра, прекрасные. Спондей, не больше. У нас душ сломался, предупреждаю сразу.

— И всё равно, спондей? Почему так мало?

— Условия, — он неловко пожал плечами и пробежался глазами вокруг. — Сами видите... Стены, доски на полу, с водичкой проблемы. «Коловорот» как он есть. Но вот кровати неплохие, и еда сносная. Сам готовлю, потому без бальзама есть можно.

— Понятно-понятно... — Венди забарабанила пальцами по стойке, будто не знала, что сказать. — Риннэст, а если мы приведём вам человека, который, например... Заменит дырявые и прогнившие доски? Сколько вы за это возьмёте?

— Я возьму?

— Именно. Мы бы хотели попросить, чтобы за его услугу он бы какое-то время смог здесь скромно, но стабильно питаться, принимать душ и ночевать.

— Доски — это хорошо, это, правда, хорошо. Но душ не работает. Он сможет починить душ?

— Другой мой знакомый сможет. Так что прибавьте его. Два человека вам починят душ и доски, а взамен скромно проживут здесь виад-другой. Не буянят, не воруют. Идёт?

— Это хорошо, — мужчина поправил очки и отложил газетку. — Всё равно места пустуют.

— А вообще, риннэст, сколько у вас мест здесь? В целом.

— Шестнадцать. Пока что так.

— Сколько вы возьмете за шестнадцать человек, которые приведут это место в порядок и смогут жить здесь какое-то время? Еда, доски, трубы, окна — всё. Капитальный ремонт. Всё сделают.

Интересно было наблюдать за растерянными глазами. К счастью, не от страха, нет. Просто человек услышал то, что никак не ожидал. Это вызывало радость внутри.

— Подождите, я не понимаю. То есть что-то вроде пансионата, так, что ли? Но у меня мотель.

— Шестнадцать триптихов³¹, — протараторила Венди. — За каждого жильца по триптиху лично вам. И с нас стоимость всех необходимых вещей: замков, продуктов и прочего.

— К чему эта комедия? Чушь собачья какая-то, — возмутился хозяин, но уверенность Венди его задавила.

— Риннэст, чушь не чушь, а вы мне скажите. Вы согласны за шестнадцать триптихов пойти на то, что я вам предложила? Просто кивните или помотайте головой.

— Я бы, конечно, согласился, если это правда. Если здесь и правда нет подвоха.

— Подвоха нет.

— С чего бы тогда вам такие суммы платить?

— Вопрос идеи, риннэст. Вопрос идеи. Так что, по рукам?

Венди жуть как нравился этот азарт. Риннэст, оценивая, посмотрел на неё несколько секунд, сделал свои выводы и пошёл на риск. В нём сыграла наивность, и в этот раз она оказалась на его стороне.

— По рукам.

— Тогда выкиньте это, — посетительница положила часть суммы с деньгами и указала на табличку с надписью «Свободные места», — оно вам больше не понадобится. Первый человек придёт сегодня вечером. Ждите.

Этим первым человеком, который мог заменить доски, был мистер Тоузитс. Он не был хорошим другом, скорее, добродушный знакомый, живущий в этом клоке. Каждый раз, как Венди с Моникой его навещали, он рассказывал небольшую историю, но всегда о хорошем: то о любимой работе плотником в прошлом, то о ларьке со вкусным мороженым или роскошных булках, которые пекла когда-то его жена. Сейчас Тоузитс был человеком одиноким, по правде, даже сломленным, но не безнадёжным.

На внезапное предложение он отреагировал по-своему: всего лишь дружелюбно подмигнул. Затем суета с замераами и поиском материалов, в которой пришлось участвовать всем четверым — риннэст не остался в стороне. Поздним вечером материалы всё же были в гостинице. Плотник остался ночевать там же.

³¹Триптих — это больше, чем заплатил бы человек, решивший пожить в дешёвом мотеле Торакса один виад. Намного больше.

Весь следующий день ушёл на то, чтобы найти ещё одного человека. Как и в любом другом клоке, в «Коловороте» было полно бездельников и лжецов, вычислять которых оказалось непросто. Они редко рассказывали историю своей жизни и говорили неправдоподобным страдальческим голосом. Моника научилась улавливать нужные нотки в разговоре с бедными. В основном с претендентами говорила именно она. Венди замечала, что та задавала вопросы по существу и не цацкалась с лентяями и хитрецами. Только эти лисы выдавали себя противоречиями, Моника извинялась и махала рукой, мол, пора дальше.

Поначалу сложно было найти бездомного человека, готового к обязанностям, не агрессивного, да ещё и трезвого. Второй стала женщина, которая умела неплохо готовить и очень хотела зацепиться за этот шанс. Она слёзно благодарила, но это лишь ставило в неловкое положение.

Поиски третьего продолжались чуть больше двух дней. Некоторые бедняки советовали хорошо знакомых людей, которые тоже годились в кандидаты. Благодаря этому кто-то находился быстрее. Ритм жизни ускорился и редко когда оставались силы на очень продуктивный вечер. И пусть хотя бы час, но одна писала диссертацию, а вторая навещала отца.

Вскоре обязанности произвольно разделились. Моника подолгу разговаривала с людьми. Иногда не так хотелось найти человека, как услышать искренний рассказ о жизни. Она слушала истории и иногда рассказывала свою. Стоило разобраться, и становилось понятно, что улицы усеяны не только бездельниками. Здесь учителя и плотники, сироты, флегматики, разведённые и сотни, сотни других людей. Просто каждому в какой-то момент жизни по-своему не повезло.

Постепенно гостиница риннэста оживала на глазах. Туда привозили новые кровати, тумбы, зеркала и вещи. Когда починили душ, это событие стало местным маленьким праздником — наконец можно было засыпать чистым.

Венди полностью взяла на себя организаторскую деятельность. Она осторожничала, поэтому всё делалось днём, с огромной скоростью и через чёрный ход. Голова была набита нужными номерами, важными фразами и ценами. Организаторская деятельность нравилась ей, но к концу дня сил не оставалось вовсе. Часто Венди ночевала прямо там, в мотеле, который всё больше хотелось назвать гостиницей.

Металл замечал, как люди цепляются за шанс, если это важно для них, и какими жалкими иногда могут стать, если хотят надавить на

чувства ради выгоды. Тропы же видели, как жильцы пытаются создать уют вокруг своей маленькой кровати. Кто-то клал камушки под подушку, другой вешал рисунки рядом на стенку. Все они искали дорогу к чему-то своему.

Одна бродила по городу, под конец дня совсем уже вымотанная. Но когда находился нужный человек, которому по-настоящему хотелось протянуть руку, вся усталость проваливалась под асфальт, и появлялось ощущение окрыления. Вторая читала настроение людей из мотеля, пока те были заняты своим: это не было искренней верой в завтрашний день, но никакой вязкой чёрной мерзости, которую они принесли с собой. Пока они не готовы были жить надеждой, но уже стали её олицетворением.

Два человека почти весь день были порознь, но всецело полагались друг на друга. Не так далеко, всего через пару улиц, был кто-то, ради которого хотелось стать лучше. Они встречались только в конце дня, обессиленные, но горящие от эмоций.

* * *

И целого торнавидора не прошло, как почти полтора десятка человек думали над тем, что поставить в комнату, куда не помещались кровати. Идею подсказал мистер Родрих, ветеринар. Она понравилась всем, всем до единого. Венди тут же начала звонить и договариваться, Родрих побежал за всем необходимым, а остальные помогли обустроить маленькое помещение.

Жителям нравился этот ритм. Сначала они пытались подсобить друг другу, а потом появилось желание помочь другим. Тоузитс начал вязать кукол — Венди целых полдня потратила на то, чтобы научить его основам. Первая вышла кривоватой, и ему было стыдно кому-то такое дарить. Вторая — на тяп-ляп, а вот третья оказалась милой и досталась пареньку, что жил неподалёку.

Повариха Сувитра была одной из первых, кто заселился в гостиницу, и её золотые руки подарили этому месту то, благодаря чему день начинался и заканчивался хорошо. Казалось бы, она вкусно готовила рис и плакки³², но идеальное сочетание специй и овощей — так никакое мясо не нужно. Пропало ощущение, что ты ешь мусор ради того, чтобы просто не умереть. В первое время не было

³² Плакки — блюдо из ржаной каши, поедаемое в три этапа. Первая треть каши поливается лёгким овощным соусом. Он помогает раскрыться вкусу второй части блюда с кусочками фасоли и перца. Приём пищи завершается третьей частью, с сладковатым ягодным соусом, который нейтрализует остроту во рту.

никакого мяса, но и бальзам никто не добавлял, ведь тот был попросту ни к чему. А на пятнадцатый день, когда Родрих познакомился с местной торговкой, Мисс Тарвó, он притащил в гостиницу целый рулет буженины. И тогда Сувитра состряпала блюдо, о вкусе которого Тоузитс пообещал сочинить песню.

Но дьявол с ней, с той песней. Венди умела прожужжать все уши, если речь шла о чём-то, интересном ей. Ночью, в начале торнавидора, они собрались в холле вокруг радио. То было будто маленьким артистом, что стояло на табурете, в окружении зевающих зрителей. Из всех сидящих о Неком Мистере Бестелесности слышал только риннэст, остальные знать не знали. Но и сам риннэст был из разряда тех, кто говорил: «Я в байки не верю, поэтому даже не запоминал, кто он там такой». Лучшего повода рассказать о том, кто он и что о нём известно, просто нельзя было придумать.

В этот раз Моники рядом не было. Хотелось верить, что она тоже услышит оркестр, который вскоре зазвучит. Когда Венди думала о ней, всегда казалось, что она неподалёку. Ходит в клоке отсюда или сидит в пансионате, пишет диссертацию. Пишет и тоже, скорее всего, ждёт сокровенных звуков.

Родрих тем временем, видят Терсида и Йеталь, решил разговорить радио, чтобы то побыстрее начало играть. На него ворчали, с него хихикали, и с ним спорили. Тут тысячей слов можно описывать то, что зовётся суетой.

А потом загадочный музыкант зазвучал. Раздались звуки, которые хотелось назвать магическими. Точно не что-то отсюда, и сколько не ищи, источник всё равно не найдёшь. Выражай в стихах или пытайся прозвучать так же — не получится. И тысячей слов не опишешь то, что именно играл Некий Мистер Бестелесность.

* * *

Утром следующего дня Венди буквально впорхнула в квартиру. Она пооткрывала двери и включила все три лампочки, чтобы в комнате стало максимально светло.

— Я дома! Извини, что в последнее время часто пропадаю.

— Маленькая, что ты такая счастливая? — он принял сидячее положение.

— Ну прямо, счастливая? Энергичная!

— Очень, я бы сказал.

— Не знаю. Просто на улице очень приятный ветер. Какой-то такой... правильный. Надеюсь, тебя не продует.

Девушка открыла окно, и внутрь начала проникать свежесть.

— Приятный. И тёплый.

Венди принесла вкусную еду с собой. Отец доковылял до стола, и они оба принялись есть.

— А я почти дочитал книгу твою. Вот эту, новую.

— Это новость.

— Ну такая странная, такая странная. Какие-то незнакомые слова попадают. Это же какой-то другой язык?

— Ага, какой-то очень старинный.

— Все эти огромные деревья, змеи и боги. Я мало что понимаю, но всё равно очень интересно.

— Мне тоже, невероятно. Просто нет времени подолгу читать, к сожалению. Но, поверь, скоро я тебя догоню! Будет что обсудить. Там ведь каждый понимает по-своему.

— И не говори. У тебя интересные вкусы. Вроде глупые сказки, но не для детей.

— Сказки тоже не только для детей, — ответила Венди.

— Ты думаешь?

— Да. Ты можешь мне не верить, но взрослым они куда нужнее. Дети и так в них живут. Для них это как истории, основанные на реальных событиях.

— Ну да, — прокряхтел отец, — иногда хочется чего-то большего, чем эта серость. Ты права. А откуда у нас эта красота?

Он указал взглядом на картину возле своей постели.

— Тебе не нравится?

— Да нет, напротив! Ты посмотри, какая красотища.

— Согласна. Просто решила повесить.

— Посмотри на листики. Знаешь, что за лес?

— Что?

— Летрицы. Очень красивые листики, и цвет яркий. Невероятно стойкие деревья.

Отец хотел было продолжить, но вспомнил что-то более важное.

— Ты знаешь, что ещё произошло? Я, кажется, не говорил.

— Что ещё?

— Ко мне же иногда Кольг заходит, помогает. Ну так утром он помог с лекарством, а я угостил его твоей жарёнкой — решили с молоком поесть.

— Жарёнка — это вкусно.

— Да. Ну и решил он капельку бальзама добавить для вкуса. Так, просто, чтобы повкуснее есть было. Так я его шлёпнул по руке, сказал, чтоб вот так ел. Он спросил: «Что, всухомятку?». Ну а как всухомятку, Венди? Я ему говорю: «Идиот старый, у тебя молоко есть». Ну и не жаловался он потом. Сказал, что ты вкусно готовишь.

— Ты...

Она совершенно растерялась. Не знала, что сказать дальше. Но к худощавому лицу захотелось прикоснуться. Венди обняла хрупкое тело и губами коснулась его лба.

— Да ладно тебе, маленькая. Говоришь, будто подвиг какой-то. Я просто набрался от тебя.

— Спасибо, — сказала Венди, и почему-то захотелось прыгнуть изо всех сил, пробив крышу и широкие тучи. — Спасибо, папуля.

* * *

— Мой дядька был почтальоном. — Дузовик поднял палец вверх, будто собеседница должна была по-настоящему удивиться. — А я играл в ансамбле. Целых тридцать лет!

— Ты, наверно, успел стать виртуозом.

— Что? Ай, дай нет, я про дядьку! Он работал почтальоном тридцать лет! Очень уважаемый человек был, вот честное слово. Веришь?

— Верю.

Тот посильнее раскачивался на подаренном кресле-качалке, как ребенок. Моника сидела напротив на куске металла, что чем-то походил на стул.

— Тридцать два! — донеслось с вагончика.

— Вот так вот. Даже тридцать два.

— Это похвально. А ты сколько играл в ансамбле?

— Ой, да лет пятнадцать.

— Нет, — засмеялась она. — Ну, честно скажи. Правда играл?

— Да отрубите мне ноги, если нет! — Дузовик удивился. — Ты не веришь?

— Знала я просто одного игрока в ансамбле. Но если это правда, то... — Моника медленно захлопала в ладоши. — Дай угадаю... Трубил?

— Барабанил. Носил идиотскую форму и на постой барабанил. Но ладно я.

Дузовик глянул на окно и решил говорить потише — не хотелось ему вот так открыто льстить.

— Мой дядя был из тех, кто доставлял письма даже в самый накал отношений с Риджиктом. Один кивок головы какого-то богатюльки, и всё, — он провёл пальцем по горлу. — А он приносил письма от родственников. Соединял семьи, которых разлучили границы, понимаешь?

— Да. Это достойно уважения.

— Вот-вот. По правде, — он перешёл на шёпот, — я уважаю его. И восхищаюсь. Он честный, а главное, смелый человек. Уж я-то знаю, что, если на добрых людей нападут, он заступится. Сейчас тяжелее, конечно. Старый. Но он такой... ух! Сильный человек. Знаешь, я не такой.

— У тебя другие плюсы.

— У меня-то? Ты думаешь?

— Ты искренний. Настолько же, насколько твой дядя смелый. Ты, Дузовик... — Собеседница качнулась на металлическом стуле и задумалась, будто и впрямь важно было найти слова. — Ты не черствый. Поэтому хочется быть рядом с тобой. Вот ты говоришь, что твой дядя заслонил бы грудью человека, но ты бы тоже не прошёл мимо. Даже если бы осталась всего секунда на размышление. Просто иначе. И мне это очень нравится в тебе.

Мужчина почесал бороду и засмутился. Улыбнулся так сдержанно, увёл взгляд и пожал плечами.

— Ну, что тут сказать? Приятные слова, Моника. Не было случая, но если ты так говоришь, то я тебе верю. Тебе почему-то хочется верить.

— Дузовик, послушай-ка. — Пальцы щёлкнули от новой идеи, появившейся совершенно внезапно.

— Послушай-ка.

— Мне нужна твоя помощь. Ты как, любишь спонтанность?

— Ну... — мужчина покрутил панамку на голове. — Если она без летального исхода.

— Без. Через пару дней, думаю, устроим. Допустим, через три.

— Что? Что устроим?

— Точно! Через три дня я зайду за тобой.

— И что потом?

— Вспомнишь молодость, Дузовик. Сполна.

Глава 16. Цветочный марш

— Нет-нет, риннэст, — замахала руками Венди. — Если хорошие замки, как у нас, а двери не из картона сделали, то они не зайдут. Никто не станет выламывать их, если вы ничем не насолили.

— Ну вот откуда ты уверена? У меня постоянно эта мысль в голове. Что придут да расколошматят тут всё.

— Звенья не приходят к кому попало. Они вообще не так цели выбирают, не переживайте.

— Откуда тебе знать, скажи мне? — не унимался тот. — Наобум?

— Почему сразу наобум? Я знаю много чего, а не только где заказать качественную дверь. И неплохо наслышана о том, как ведутся дела и наяву, и в тени. Я же умная девочка, так что можете на сто процентов быть уверенными, что всё в порядке.

— Хорошо. Скажи мне, может, возможно достать оружие?

— Кухонный нож?

— Нет. Огнестрельное.

— Дьявол, нет конечно. Они же регулируют бóльшую часть оружейного трафика, вы чего?

Риннэст закинул ногу на ногу и задумался.

— Дело не во внешнем виде. Даже если у нас шикарная дверь и замок, они не будут лезть наобум. Не доносите, не суйтесь в драки, не грубите незнакомым людям. Старайтесь жить потише. Я это уже всем говорила ещё при знакомстве.

— Я понял, хорошо. Нужно перестать паниковать. Я паникёр, признаю. А ещё ипохондрик страшный.

— Не такая ужасная черта, — засмеялась девушка. — Избавляться нужно, но не приговор.

По лестнице поднялся один из жителей и махнул рукой, чтобы привлечь внимание.

— Венди, риннэст, извините. Э... Там кто-то стоит за дверью.

— Кто?

— Человек какой-то в капюшоне. Кажется... Мы не знаем кто.

Венди соскочила со стула так, будто это она на самом деле была паникёршей.

— Дьявол, сегодня никаких заказов не должно быть. Меня не предупреждали. Он один?!

— Один.

Та тут же метнулась к двери. Риннэст пошёл за ней. У выхода собралась небольшая толпа из шести-семи человек — каждый говорил шёпотом.

— Венди, тут...

— Да я знаю. Молчите.

Она посмотрела в глазок. Там действительно стояла фигура в мешковатой одежде с прячущим лицо капюшоном. Незнакомец держал руки в карманах и опирался на тележку, накрытую брезентом.

— Не открывай, — шепнула Сувитра.

— Принесите нож, что ли.

— Да просто игнорируйте.

Венди испугалась, но тут же задушила страх злостью.

— Ты кто такой?! — раздался крик.

Кто-то из жителей всё же чем-то насолил. Сделал какую-то гадость или что-то украл. Было понятно, что за углом могла находиться ещё целая свора других людей. Венди предположила, смогут ли они противостоять пяти-шести людям. Можно будет уладить всё мирно и сказать, что она из Хтоники, но тогда всё, полная катастрофа. Главное — ни за что не открывать дверь, даже если начнёт стучать.

Незнакомец услышал вопрос и будто знал, что за ним наблюдают в глазок. Он медленно и демонстративно снял капюшон и показал язык.

— Цепра-а! — выругалась Венди и тут же открыла дверь. Она была возмущена, и даже приятная встреча не стала поводом проглотить нахлынувшее раздражение.

— Живьём закопать за такие шутки! Мон, так делать совсем не правильно. Мы испугались.

— А это и не моя идея, ты знаешь? — Моника рассмеялась. — Поддалась соблазну, только и всего.

— Чья тогда?

— А вот моя! — донеслось из-под брезента.

Ткань наконец слетела, и показался мужчина, который руками и ногами обнимал барабан.

— Дузовик! Дьявол, что ты наделал! — Венди схватилась за голову. — Тебя не узнать! Зачем ты сбрил бороду?

— Помолодел, да?

— Минимум на пару десятков. Проходите уже! А то стоите, мельтешите.

Гости с тележкой оказались внутри, и дверь тут же закрылась на два замка и щеколду.

— А что это вы за барабан притащили?

— Только утром сегодня забрали. Играть будем. И решили к вам забежать. Ну и перекусить, а то с самого утра не ели. Найдётся?

— Милая, ну ты ставишь меня в неловкое положение перед людьми. Зачем такое спрашивать? — Сувитра скорым шагом поковыляла за тарелками. — Вы едите острое? А, знаю, что вам дам. Кой-что новенькое!

— Только немного, а не как обычно, пожалуйста.

Её, кажется, не услышали. Девушка решила не терять времени.

— Так, Дузовик, пока ешь и настраивай свой барабан как хотел. Тоузитс, скажешь, что мы отошли.

Когда оба кивнули, Моника взяла подругу за руку и вышла на балкон. Скромный уголок, где не разгуляешься. Ничего, кроме двух новых табуретов, чьей-то кружки с недопитым супом и вида на заброшенный завод. Будто специально: чтобы поужасаться, поёжиться, а после вернуться туда, где хорошо.

Раздражение Венди отступило, испуг остался позади, и они, словно прочитав мысли друг друга, одновременно обнялись.

— Мы будто тысячу лет не виделись. Я невероятно скучала.

— И я, Мон. Не представляешь как. Совсем замоталась.

— Понимаю. Но не зря всё это. Сейчас уже полегче, наконец.

Им нужно было время, чтобы насытиться тем важным, чего им катастрофически не хватало последние пару дней. Но предвкушение, наконец, сменилось спокойствием.

— Что, Дузовик в барабанчики заделался, получается?

— О, да. Он говорил, что играет, а сегодня утром мне довелось услышать это. Чудесно выходит. Я никогда не думала, что одной только колотушкой можно создавать такой интересный ритм.

— Вот уж человек-неожиданность.

— Да. И я хотела, чтобы он сыграл тут. Мне кажется, что люди такое не часто слышат. Им может быть интересно. Я пытаюсь организовать, чтобы он сыграл в двух школах, восточной богадельне и доме престарелых. Должно получиться. Остальные отнеслись с подозрением к моему предложению, но их можно понять.

— А клоки? — тревожно переспросила Венди. — Где?

— «Коловорот» и «Бивуак». Не переживай, я же внимательно тебя слушала, когда ты мне рассказывала о городе.

— Пойдёт. А когда?

— В ближайшие два дня. Но это четыре коротких выступления, только и всего. Выступления на один раз, но, понимаешь, стрельнуло и... сама знаешь.

— Знаю. И всё равно, хорошо, когда такое стреляет.

— А вы что? Тут очень много изменилось с моего последнего визита.

— Да, и это почти всё. Пара незначительных деталей, и гостиница готова. Понимаешь, что это значит?

— Прощай, старая жизнь?

Это был тот случай, когда дело совсем в другом. Моника не сказала глупость, но сейчас куда больше сути пряталось именно в грядущем. Всё старое сожжётся, выгорит и растворится. Оно было обречено, и от обречённости этой хотелось отречься.

— Нет, к дьяволу старую жизнь. Да здравствует новая — вот что куда важнее.

Пятнадцатиминутная беседа переплыла в час насыщенного разговора. Только потом они вышли с балкона, но говорить от этого меньше не стали. Теперь уже Венди тянула спутницу за собой.

— Ты же не видела! Дьявол, ты удивишься, серьёзно. Родрих, значит, придумал это, а нам понравилось. Мне, риннэсту, всем. А ты, что, не заметила, кто тут бегают?

Та задуматься не успела, как дверь в маленькое помещение открылось. Они вошли в крохотную каморку, куда не помещались кровати. Этакое семнадцатое место, пусть и миниатюрное. Яркий свет, человек в халате и... Гав?!

Родрих поднял голову, но только завидел гостей, тут же успокоился. Он был сосредоточен на щенке и что-то высматривал в его шерсти.

— Ох ты, цуцик!

— Не цуцик, а щенок, — поправила Венди.

— Не щенок, а Starvl Qaddavq³³, если совсем придирается, — последнее слово было за Родрихом.

— Вы — ветеринар?

— Никогда не переставал быть им. Даже сейчас, как видишь. Я просто подумал, знаешь...

Врач говорил медленно, а потом и вовсе замолк. Только когда пинцет выловил чёрную букашку, внимание Родриха вернулось.

³³ Starvl Qaddavq — ветеринарный термин, означающий щенка: дословно переводится как «Собака-катышек». Слово «Qaddavq» вошло в обиход ридаса, и сейчас этим словом можно назвать всё, что маленькое по размеру, будь то пища, дети, животное и так далее.

— Раньше у людей было больше домашних друзей. Намного. Но помочь-то всем хочется, даже если у них нет дома. На некоторых смотришь, и дрожь пробирает — таких сложно спасти. А я попросил выделить это помещение для вот таких случаев. — Он похлопал щенка по пузу. — Не люблю, когда навыки пропадают зря.

— Это похвально. Невероятно. Многих вам удалось спасти?

— Шесть птиц и ежа, но их я отпустил. А из тех, что здесь, так это только третья собака. Первая гоняет по всей гостинице, а вот второй щенок у Сувитры ошивается. И знаете, я не спускаю с него глаз.

— Почему?

Мужчина посмотрел исподлобья и стыдливо улыбнулся.

— Нам очень понравился рис с мясом, что Сувитра нам готовит. Ну так это самое мясо у нас вчера кончилось, но она пообещала, что рис с мясом железно будут на столе. Кто знает, чего это стоит, а?

Моника посмотрела на него со скепсисом и осуждением, но Венди прыснула и тут же попыталась унять хохот.

— Простите, секунду! — Она глянула на Родриха: тот лишь весело подмигнул, и почему-то очередная волна смеха ударила с новой силой.

Когда в отеле поселилось шестнадцать людей, а всё, что можно было починить, уже было починено, Венди и Моника вернулись домой. В комнате последней совсем ничего не поменялось, особенно если сравнивать с гостиницей. На виад они вернулись к обычной жизни: куда более размеренной и не такой насыщенной.

Диссертация писалась с огромной скоростью. Эти дни стали даже более продуктивными, чем во времена, когда они разгуливали по Тораксу. Комитет из Хикаридуса был удивлён долгому отсутствию, но ещё больше обрадовался новым листам с информацией. Оставалось совсем чуть-чуть: подвести итог и придать работе официальный вид.

Венди находилась рядом, иногда вязала кукол, иногда ненадолго заскакивала домой к отцу. Она рассказывала Монике об идее, которую придумала на досуге. Что-то большое и важное, но в то же время непонятное Тораксу. Что-то, где один и даже два человека точно не справятся. Нужно было понадеяться на себя и всецело довериться близким. Пока одна писала слова, чтобы дотянуться-таки до своей мечты, вторая старалась продумать каждый шаг, каждое действие. Драгоценная посылка из-за рубежа, что уместилась в кожаный мешочек, приехала на седьмой день.

* * *

— Готово! — крикнула Венди, едва переступив порог комнаты. — Готово, готово, готово! Пошли?

— Может, здесь послушаем?

— Ни в коем случае.

— Тогда перенесём? Завтра прогнозируют дождь.

— Ещё на торнавидор?

— Да, что-то я...

— Сомневаешься? Моника, на тебя это вообще не похоже. Тысяча букв «о» в слове «вообще». Во-о-о-бще.

— Волнуюсь. Это может быть очень тяжело.

— А вот и зря. Зря волнуешься.

— Я столько аромата ни разу не тратила. Мы, может, слишком много на себя... — Моника прищурилась. — Подожди, что это ты так хитро улыбаешься?

Та сразу увела взгляд, нарочно делая вид, что не понимает.

— А я хитро улыбаюсь?

— Да! Какой-то кошмарный план в голове?

— Укуси тебя дьявол, Мон. Она пуста, как и всегда.

— Ты обычн...

— Ой, не слышу ничего! Не слышу, не слышу и жду внизу, — перебила Венди и вприпрыжку выбежала на улицу.

Моника цыкнула и плюхнулась на кровать.

— Да уж, манеры хромают... — устало протянула она и почти тут же услышала, как дверь приоткрылась.

Внутри никто не зашёл, но из щели послышался голос.

— Но если выйдешь в течение получаса, я притворюсь, что не услышала.

Начался новый торнавидор. Настоящий праздник на вышке под открытым небом. Внутри бурлило волнение. Они запаслись силами, потому что готовились к этому не первый день. Их лучший друг находился рядом. Пока он молчал — его время ещё не пришло. Нужно было немного подождать.

Начать должна была Венди. Она коснулась металлического цветка, что был привязан к плащу. Неописуемая уверенность в своих силах. Амарантин должен был принять невидимую человеческому глазу форму. Тропы были готовы. Когда зазвучал концерт, внутри возникло

чувство, что возможно переступить через самый бездонный овраг. Моника готовилась к предстоящему и насыщалась моментом.

Из пальцев на руках начали протягиваться дороги. Каждая из них петляла и росла в своем направлении. Одна нырнула под крышу неподалёку и задушила кошмар одинокого человека. Другая улетела дальше и согрела незнакомца, который мёрз под тонкой плащевкой. Кончики пальцев насытились жизнью, и возникло чувство, что рядом горит маленький костёр. Третья и четвертая цепи объяли двух хулиганов, которые в этот раз не занесли руки на слабого. Испуганные и одурманенные, те ринулись бежать, хоть за ними никто и не погнался. Другие нити полетели дальше и сделали так же немного, но сделали. Чья-то рана перестала саднить, чья-то голова избавилась от тревоги. Кто-то нашёл в себе силы обнять, кто-то — не оттолкнуть.

А последние две дороги окутали самих стоящих на вышке. Так простывшее сердце ещё сильнее доверилось металлу, а тот стал мягким как вата, но всего на несколько мгновений.

— Я чувствую. Мы справимся, — произнёс он, когда оркестр утих. И тогда настала его очередь.

* * *

Утром в назначенном месте их ждали Дузовик и Тоузитс. Первый держал в руках барабан, второй был налегке — свою работу он уже выполнил. Четырём людям нужно было пройти по самой длинной улице города. Асфальт на ней будто лопнул, подобно нарыву. Почти вся дорога была покрыта трещинами и выбоинами. И пока люди своими силами заделывали одни дыры, появлялись другие.

Сейчас город был окрашен, скорее, в светлые тона, но тучи над головой могли всё изменить за считанные минуты. Впереди стала Моника, за ней остальные. Она положила драгоценный мешочек во внутренний карман, поближе к сердцу. Всё ради того, что находилось внутри. Девушка глянула через плечо, сжала кулаки и сделала шаг.

Сначала медленно. Первая груда металлического мусора, которую приволок Тоузитс, начала менять форму и стелиться под ногами. Текучая, как воск свечи, она медленно покрывала асфальт поверх и застывала. Появился несокрушимый слой, правда, лишь на несколько шагов перед ними. Прежде чем зазвучал неожиданный гул, Венди успела крикнуть:

— Только не вздумай останавливаться! Ни за что!

Потом Дузовик забил в барабан. Ещё раз, а потом ещё. Появился непростой, но очень запоминающийся ритм.

Первое время они так и шли: превращая груды мусора в дорогу, мимо парадных и под глухие звуки барабана. Затем к ним присоединился ветеринар Родрих — просто вышел из закоулка и стал пятым. На его спине был целый ящик с бутылками воды и большой плакат с надписью: «*Бесплатная чистая вода*».

Он совершенно не умел играть на инструментах, да и не имел при себе хоть какого, потому начал просто хлопать в ладоши, попадая под ритм Дузовика.

Пам-пам. Пам-пам-пам!

Мисс Тарво запекала мясо, и ей все эти шествия были не интересны. Она приподняла шторку, пробежала циничным взглядом по макушкам странных людей, а затем узнала одну из них. Этот седой куст нельзя было не заметить — женщина тут же рванула на улицу, оставив все деликатесы на столе. Мисс Тарво так боялась не успеть, что забыла о кусочке мяса в руках, который натирала горчицей. Набегу она просто сунула его в карман фартука.

— Родрих, а Родрих? — она пристроилась рядом с ним. — А вы сильно заняты в ближайшие дни? Моя Тофф-Тофф болеет.

— Гретта, я же уже осматривал её, — тот не прекращал хлопать в ладоши. — Ваш скунс здорова как бык.

— Она начала чесаться, — пожала плечами женщина. — Вы загляните ещё разок, как получится, очень прошу. Взамен я вам дам столько вкусного запечённого мяса, сколько вы ещё не ели.

— Что, в мешки буду грузить?

— Нет. Пять сочных кусков. Имейте совесть, Родрих!

— Пять кусочков тоже хорошо, — рассмеялся мужчина. — Идёт.

— Вы такое чудо, дорогой, — Мисс Тарво растаяла. — Моя Тофф-Тофф ждёт вас в любое время. Просто подойдите к лавке возле моего дома, как освободитесь. А что здесь вообще происходит, что за странный марш?

— Хотим сделать крохотный подвиг. Правда крохотный, но важный.

— Какой такой? Расскажите, мне нужно знать.

— Просто пойдёмте с нами и увидите. Вы, разве, так торопитесь?

Женщина сразу подумала о духовке. Выключила, точно выключила. Мясо лежало на столике.

— В целом-то, не так уж чтоб очень, Родрих. Не так уж.

Алефарз был с ними. Когда на пути показался старый перевернутый поезд, он оставил хозяйку и рванул вперёд. Металл стал стелиться под ногами идущих и превратился в радугу над ржавым покойником. Если бы понадобилось, он бы стал лестницей или даже крыльями, чтобы пронести людей над поездом. Лишь бы они не останавливались, лишь бы дошли. Алефарз искрился энергией, и Монику это воодушевляло. Каждый раз, как на пути было препятствие, он помогал и снова возвращался к Монике. Шаг стал быстрее.

Венди наблюдала за людьми, что на них уставились. Удивлённые лица стоили многого, но была категория тех, чьи мины были вовсе бесценны. Этаким вид прохожих, совершенно не понимающих, что происходит. Создавалось впечатление, что они всю ночь пьянствовали, как дьяволы, и наутро увидели перед собой мираж. Вот с таких-то хотелось просто ухохатываться, ведь почему-то именно они поднимали настроение.

Некоторые даже неуверенно подходили, задавали пару вопросов и присоединялись к шествию. Кто-то хотел попить, кто поговорить или сделать ритм чуть громче. Человек за человеком, толпа становилась больше.

Затем они прошли мимо того, кто просто не мог проигнорировать происходящее. Молодая самоучка вечно ходила в обнимку со своим ручным синтезатором и считала себя уличным музыкантом, пусть и начинающим. Такие на любой мелодичный звук реагируют с восторгом и обожанием, а на людей вроде Дузовика смотрят как на учителей, постигших великий музыкальный резонанс. Поэтому только она услышала барабан и хлопки в ладоши, только уловила ритм, как влилась в толпу. Девчушка даже не была уверена, что можно вот так нагло присоединиться к ним, но у неё были вопросы, которые она просто не могла взять да не задать.

— Простите! Извините меня, а вы тоже музыкант? — засмушалась та.

Между ними завязался короткий разговор, в ходе которого она поняла, что ещё будет время задать вопросы. Пока — музыка. Её синтезатор присоединился к потоку.

Сначала пальцы наиграли уже существующий ритм, а потом, нажатие за нажатием, усовершенствовали его до своего уникального.

Тау-тау. Пам-пам. Тау-тау-тау! Пам-пам-пам!

Начался дождь. Алефарз будто больше других боялся, что из-за этого шествие остановится. Он снова оставил хозяйку и завис в воздухе над головами, чтобы бросить вызов каждой капле, что мог словить. Металлическая скатерть парила ровно над ними и не позволяла вымокнуть до нитки.

Венди оказалась единственной, кто решил идти в стороне. С ней всё было наоборот, и дождь стал жидкой жизнью, что впитывалась в волосы, одежду, что стекала по коже. Венди расставляла руки в стороны, счастливо крутилась и даже разговаривала с каплями. Она отдала этому дождю всю себя, и он стал вторым, кто узнал её настоящей.

Теми, кто не испугался дождя, была и играющая у крыльца ребятня. Их глаза засияли, только они увидели куклу на плаще проходящей мимо девушки. Она была очень похожа на ту, которую кто-то подарил их подруге. Ребята даже на звуки инструментов не обратили такого внимания, как на маленькую побрякушку. Держась за руки, дети подбежали, чтобы узнать всё и сразу.

— Кто, кто вам подарил куклу?

— А вы продаёте её?!

— А почему у неё нет рта?

— У Лафиты есть такая же!

— Как её зовут?

Венди улыбнулась им, не замедляя шаг. Сначала она старалась отвечать, но те хлопали глазами и спрашивали ещё и ещё. У некоторых даже заплетался язык.

— А у вас что, ни у кого нет? Только у Лафиты?

— Да.

— И у Стаймора! — запротестовала девочка.

— А вот и нет. Не только у Лафиты и Стаймора.

Венди протянула куклу, которую достала из широкого внутреннего кармана. Когда малышка взяла её в руки, откуда-то появилась ещё одна. И через несколько секунд уже каждый из пяти детей прикасался к чему-то сугубо своему.

— Позаботьтесь о них, хорошо? Обещаете?

Все как один закивали головой, а самый младший мальчишка полез обниматься. Венди пришлось остановиться и отстать от идущих вперёд людей. Примеру своего друга последовали и все остальные. Объятия с каждым будто зажигали новые и новые костры внутри. Когда казалось, что вот оно, всё величие внутреннего тепла, к ней

прикасались новые маленькие руки человека, который не знал, как передать благодарность словами. Тогда просыпалось что-то ещё более невероятное, чего она никогда не чувствовала. Это было намного больше, чем просто мурашки по телу и любовь к жизни. Темноволосая девочка расплакалась, и Венди прекрасно понимала почему — ей и самой хотелось сделать то же самое. Но вместо этого она стала посередине, и все взялись за руки. Нужно было догонять друзей.

В то же время господин Вауццес не мог перекричать свою жену — начало першить в горле, да и шум с улицы не давал сосредоточиться. Та была величайшим мастером преувеличений и ссор, но ему было что высказать в ответ. Хотелось только смочить горло и разобраться откуда шум. Он выглянул в окно, чтобы стукнуть кулаком и наорать на хулиганов. Стукнул он со всей силы, а крикнуть не смог — во рту было ну совсем сухо. Он нахмурился, глянул на толпу и прочёл надпись на спине Родриха: «Бесплатная чистая вода». Господин Вауццес решил хлебнуть глоточек-другой, вернуться и выплеснуть всё, что думает о своей жене. То ли злость, то ли сухое горло взяли своё, и даже дождь не пугал.

«Сейчас я тебе всё выскажу, — подумал он, закрывая за собой дверь. — Дай мне всего две минуты».

Ритм был интересный и запоминающийся, поэтому он закивал головой. Тау-тау. Пам-пам. Тау-тау-тау! Пам-пам-пам! Игнорируя крики, он вышел на улицу и понял, что нужно проветрить голову.

Незнакомый паренёк забавно пошутил, ритм музыки отвлек от придуманных колкостей, и скверное настроение куда-то делось. Ничего обидного жене так и не получилось сказать, потому что господин Вауццес пошёл за ними.

Через пару минут к толпе прибилась дворняга. Она не была ценителем музыки, просто от мисс Тарво за клочок пахло бужениной. В конце концов, жалостливые глаза сыграли решающую роль, и собака выклянчила кусочек. За остатком мяса та готова была пройти хоть сколько, лишь бы в конце концов оно досталось ей. И дворняга пошла за мисс Тарво, но в стороне от громких звуков.

Дождь превратился в ливень. Когда воды стало так много, что ямы на улице превратились в глубокие лужи, даже тогда металл стелился поверх разбитой уродливой дороги и становился новой тропой. Теперь каждый шаг для Моники был гордостью и криком, который

приходилось сдерживать. За ней следовали люди, которые вызвали неопишемую гордость и придавали смелость двигаться дальше. За ней следовали молодые и старые, заболевшие и абсолютно здоровые. Профессионалы и новички, выросшие и совсем крохотные. За спиной чувствовались все поколения: и те, кто не потерял надежду, и те, кто должен был эту надежду породить. Каждый из них шёл с верой в лучшее. И каждый шаг — он становился важнее и твёрже предыдущего.

Возле начинающей музыкантши вдруг оказался молодой парень, на которого нельзя было не засмотреться. Тот увязался за толпой и даже не знал, что происходит, но его сердце загоралось от громких звуков. Он шёл рядом и перебирал струны, с лёгкостью наигрывая интересный ритм.

— Синтезатор — это классный выбор. Ты играешь с чувством.

Та улыбнулась, продолжая нажимать на клавиши.

— А ты... — удивилась девушка. — Так странно выглядишь. И гитара такая чудная, как змея какая-то. Не отсюда?

— Не-е-ет, — скрипнул тот. — Из-за рубежа.

— Как же тебя сюда занесло?

— Ищу одного бестелесного гения. Кумира, так сказать.

— Здесь?

— Ну слушай, бабка моя говорит, что самые светлые люди обитают в самых странных местах.

Она почему-то улыбнулась. Подумалось, что бабка его, может, и права на самом деле.

— Ты очень хорошо играешь. Общий ритм стал живее.

— Тогда дожмём до конца, а?

— Да. До конца, пожалуйста.

Для неё звук гитары-змеи выделялся громче других, и она моментально в него влюбилась.

— Немыслимо, правда? Ты тоже чувствуешь волшебство?

— Не-е, — простодушно бросил спутник, — не чувствую, но типа как создаю его, по ходу. Секёшь?

Парень на секунду нарушил ритм, чтобы постучать указательным пальцем по виску. Глупое слово — «секёшь». Ей оно резало слух. Но стоило глянуть на идущего рядом музыканта со странной гитарой, и не до глупых фразочек становилось. Почему-то именно в момент торжества звука она словила себя на мысли, что зелёный цвет стал её любимым.

У Моники и Венди сбилось дыхание. Они не шли рядом, даже не прикасались друг к другу, но внутри обеих расцвело нечто настолько важное, что невозможно было устоять на месте.

Одна продолжала идти, идти во что бы то ни стало, и в эти секунды движение для неё стало жизнью. Её шаги вперёд были неуязвимостью и свободой. Вторая же радовалась дождю и чувствовала, что на грязный город наконец падают капли чистоты. Она вдыхала яростный ветер, ощущала тепло капель и закрывала глаза от счастья.

Обе знали, что испытывают похожие эмоции, которых до этого не касались. В голове пробежали десятки попыток описать это — хотелось найти самую подходящую. Не получалось, используй прилагательные, существительные или любые другие слова. Это не игра человека на инструментах ради аплодисментов, это не дело техники, совершенно нет. Это когда ледяная корка становится лужей, и начинается самое искреннее. Сейчас внутри каждой звучала только часть того величия, но она придавала уверенности в том, что тропа под ногами ведёт куда нужно.

Ветер усилился. Не ураган, но заявить о себе ему явно хотелось. Капюшоны, плащи и платья носились из стороны в сторону, издавая при этом забавный шелест.

Люди собрались перед небольшим участком вскопанной земли. Совсем недавно и здесь был асфальт, но трое ребят из отеля сорвали его покров и облагородили место. Два человека перелезли через невысокое ограждение.

— Ты, — Моника протянула мешочек. — В этот раз я проложила тропу. А твоё дело защитить и подарить шанс.

— Я сделаю. Но протяни руки, пожалуйста.

Моника послушала, и её подруга потянула за ленточку. Из мешочка на ладони высыпались семена персиколистного колокольчика.

Их время вот-вот придёт, Моника посадит их, и они будут расти вокруг одного большого источника жизни. Но пока что Венди направилась к середине вспаханного участка и достала единственный желудь, который находился в мешочке. Зарыла его в ямку и напоила водой. Люди начали радостно охать и аплодировать. Но сквозь этот восторг и овации, какими бы громкими они ни были, плод слышал и ласковый шёпот матери, который впитывался в почву вместе с жидкостью.

— Расти, моё дерево жизни. Мой маленький храбрец.

Глава 17. Сыграем свадьбу, Апофис?

Последние часы джаэ проходили в волнующих, но тёплых тонах. Два человека лежали на обездвиженном поезде, смотрели вверх и соприкасались головами. Стоило несколько дней подряд высыпаться, и слова воспринимались лучше. Они не казались острыми и опасными. Фразы, которые раньше были способны обжечь болью, сейчас лишь вызывали волнение. И реакция на них уже не такая, как когда-то, потому что говорил человек, из уст которого даже самые неприятные слова звучали, как колыбельная.

— Я вчера общалась с комитетом, — тихо произнесла Моника. — Диссертация закончена. Мне нужно будет вернуться в Хикаридус и эффектно её подать.

— Когда?

— Они завтра утром мне всё подробно скажут. Пока не знаю.

— Понимаю.

— Не знаю, надолго ли, но, думаю, нет.

— Понимаю.

— Венди.

Снова это её беспокойство в голосе. Нужно было как-то продолжить, только слова ускользали. Чтобы не звучать глупо или пластмассово.

— Если ты думаешь, что на этом всё, то это не так, — приходилось выдавливать из себя фразу за фразой. — Я вернусь. Не важно, примут мою диссертацию или нет, мы всё решим.

— Ты зря переживаешь.

— Выкинь из головы мысль, что я брошу тебя. Это не так.

— Говорю же, ты зря подбираешь нужные слова. Никакой такой мысли у меня нет.

Эти слова вылетели с невероятной лёгкостью.

— Я не хочу, чтобы ты сюда возвращалась, тем более из-за меня. Нужно двигаться вперёд, Мон. Наружу, а не внутрь. Не нарушай фундаментальные правила.

Та не унималась. Дело было не только в словах. Она то вздыхала, то даже молчала как-то беспокойно.

— Нужна пауза. Давай завтра поговорим? После моей беседы с комитетом.

— Только если о простом и хорошем.

— О дальнейшем.

— Прекрати, — Венди отвечала с любезной тоской, будто хотелось избежать ссоры.

— Ты уже бросила мысль, что кто-то из вас уедет отсюда?

— Дьявол, нет. Конечно нет.

— И кто тогда? Кто это будет?

— Папа поедет, — эти слова прозвучали гордо, с достоинством. — Я нашла человека, который работает на границе. И с ним уже, считай, договорилась, осталось дождаться ответа из какого-то дома для стариков. Я разослала девять писем.

Моника дождалась, пока речь затихнет и между ними станет эта мысль, которой опасались обе. Поедет её отец, а не она — вовсе не неправильное, но очень тяжёлое решение, с которым оставалось лишь смириться.

— Если заказать лекарства и поселить в мотеле? О нём не позаботятся?

— Ни за что. Не бывать этому, нет. Я, думаешь, не поселила бы его в мотель с самого начала, если бы это было возможно?

— Не понимаю тебя сейчас. Хочу, но совсем не понимаю.

— Он же их отравит, Моника. Я люблю папу, но он и те, кто живёт в мотеле, — это разные миры. Папа утащит их вниз, потому что каким бы тихоней он ни был — они хотят лучшего, им только нужна возможность. А папа — нет. Это человек, который, сам того не хотя, съест все зачатки надежды у остальных. Он даже в Хикаридусе ещё долго будет вспоминать, как же всё противно вокруг, уверяю тебя. Поэтому нельзя его к ним.

— Тогда могу забрать его с собой. Или как-то уговорить комитет купить билет, а там уже как-то пристрою. Могу... Могу подделывать документы, будто я приехала с ним.

— Милый мой человек, — Венди занесла руки и нащупала лицо собеседницы. Будто зачем-то решила проверить, на месте ли она. Та была на месте. Никуда не пропала. — Ты что? Ты понимаешь, что сейчас у каждого из нас своя дорога? Раньше её не было, а теперь

каждый из нас троих может жить. Я ведь не так хочу уехать из Торакса, как обрести уютное место, где будет хорошо. Когда ты спала седьмым сном, я как-то увлеклась этой мыслью. Подумала, что, сбеги я со своего дома и заселись в другую такую же дыру где-то в Хикаридусе, будет так себе. Но мне удалось найти своё место, такое же прекрасное, как твоя комната в пансионате. Постарайся меня понять, Моника.

Тут оставалось только слушать: не оспаривать, не переубеждать, не даже соглашаться.

— Папе здесь места нет. Ты выдержала Торакс. А я от него спрячусь навсегда. Или зря мы построили самое уютное место во всём городе? Нет, дорогуша, — засмеялась Венди. — Можем идти вперёд, наслаждаться победами и радоваться открытиям, но давай оставим дружеские самоубийства кому-нибудь другому. Тут не тебе нужно возвращаться, а мне вырываться. И я вырвусь, честное слово. Уже получается. Скоро у меня будут спокойные сны и маленькое гнездо. Рядом чуткие люди и ты в серпантине. Зачем мне что-то ещё? Ты чувствуешь то, что я говорю?

— Я чувствую. Но всё равно внутри не по себе.

— Но почему, почему нет? Тебе предстоит сделать такой важный шаг в жизни. Надеюсь, скоро ты прикоснёшься к чистому алефарзу, ради которого исписала столько страниц и нащёлкала столько фотографий. Это ведь новая глава для каждого из нас. Новая глава, которая ещё недавно казалась такой далёкой.

Венди удалось спровоцировать улыбку. Она не шутила, не говорила глупостей, но как-то вытеснила часть той тоски, царапающую сердце.

— Красиво стелешь. Красиво.

Хотелось сказать, что пустяки. Рассказать, что когда приходит вдохновение, и не такое выдать можно. Хотелось и поделиться, что она смогла, наконец, уснуть лёжа, и рассказать, что самые ценные мысли лезут в голову именно тогда, когда она легонько покачивается на кресле-качалке. Про кукол, про щенка в гостинице и неумение писать письма. А потом поняла, что время ускользает прямо сейчас, пока она думает. Моника приподнялась, будто собиралась встать, но засмотрелась на колесо обозрения. И от одного только взгляда, всё ещё сдержанного, но скорбного, осознание нахлынуло само по себе. Ночь кончается, кончается и разговор. Всё они обсудить не успеют, как ни тараторь. Скорое расставание подталкивало не размениваться на мелочах.

— Моника, а знаешь, кто ты такая?

Получилось привлечь внимание. Венди чувствовала, что идею, которая всё сидела в голове, не так просто описать, как хотелось бы. Нужно было подбирать слова, даже если подвешен язык, даже если рядом близкий человек. Пусть завершением этой встречи станет вопрос.

— Объясню. Я в последнее время ощущаю, что существуют фундаментальные слова. Предельно важные, будто целые понятия. Мне хочется назвать их «слова-стихии». Слово-стихия — это то, что описывает человека и всю его суть. Знаешь, то, что глубже и важнее всего.

— Как олицетворение?

— Да. Самое первозданное. И если сказать случайное слово, например «стол», это — не то, не стихия. Большинство слов не подходят. Но вот представь человека, которого я опишу так: «Оплот». Мне кажется, что одно идеально подобранное слово-стихия описывает куда лучше, чем рассказы про цвет волос, рост и прочее. Попробуй, пожалуйста. Опиши, как ты видишь этого человека.

Моника закрыла глаза и на несколько секунд провалилась в молчание.

— Оплот? Этот человек, он... Хочет что-то защитить. Избегает внешнего мира, но не боится ему противостоять. Ласковый с тем, что внутри его стен, и холодный к сомнительным взглядам со стороны. Он, думаю, много раз слышал от других, что защищает родное неправильно и стены его долго не выдержат. Но оплот всё стоит и стоит. Где-то там, уверена, и правда боится, что рухнет в один момент. Но сокровище, которым он дорожит, даст силы не развалиться, я уверена. А пройдёт мимо простой человек, и оплот ему не покажется чем-то особенным, ведь не знает, что прячется за стенами. Такой вот искренний эгоист у меня получается. Думаю, это кто-то, кто мог бы потягаться с настоящей тобой, Венди. Его природа такая же первозданная.

— Да. Я чувствую твои слова. Чувствую и понимаю. Будто «оплот» несёт в себе воплощение целой сути. И таких сутей много. Сейчас я уверена, что знаю свою, Моника. Если заглянуть глубже, то я, может, и не Венди. Не девушка, и не человек, а воплощение. Я — это тропы. Не от одного человека к другому, нет. Это миллионы дорог, в которых я сама пока путаюсь. Но мне кажется, что вся я, всё моё естество в... направлениях.

— Интересно, — Моника улыбнулась. — Это правда ценно — знать то, кто ты есть.

Рассказчица переключила внимание на подругу. Какое же облегчение, когда не нужно бояться, что собеседник воспримет слова иначе или совсем их не поймёт. Нет. В этом случае точно поймёт и впитает, все до единого.

— Но тут ведь дело и в тебе, Моника. Твоё слово, в котором заложен главный смысл, это не «металл». Не «алефарз». Нечто куда более масштабное, но всё никак на ум не приходит. Металл — это способ и форма, только и всего. Но ты, ты... У тебя серебристые крылья за спиной, но не они твоя природа. Кто же ты такая?

Та задумалась. Думала долго и снова смотрела на колесо, будто читала ответ в далёких огоньках. Она на секунду приоткрывала рот, вот-вот была готова что-то сказать, но произнести не решалась. И словно каждую секунду отсеивались десятки вариантов. Но ни одного лишнего слова, ни одной пустой догадки.

— Не металл. Но я не знаю ответа. И искренне хотела бы его найти, потому что уверена, что это слово-стихия точно есть. Если ты вдруг найдёшь его первее, то скажи обязательно.

— А я и не найду. Это те случаи, когда не смогут подсказать другие. Об этом никто не расскажет кроме тебя. Поэтому прежде, чем ты уедешь... — Венди замаялась. — Этой ночью подумай хорошенько, пожалуйста. И если поймёшь это слово, то поделись им завтра со мной. Я думаю, что это важнее имени, возраста и всего, что люди держат в своих головах.

* * *

Венди не спешила домой. Было едва за полночь, но так и хотелось заскочить куда-то ещё, прежде чем вернуться и заснуть. В гостиницу заходить было уже не к месту — не хотелось напугать поздним звонком в дверь. Трамвайчики в центре уже вряд ли ходили, кофейни не работали, а все интересные собеседники, увы, спали.

Единственным отвлечением от скуки стал пёс, который забавно храпел на крылечке закрытого магазина. Венди остановилась послушать: тот гремел так, что не каждый человек с ним потягается. Оставалось стоять, улыбаться и бороться с желанием разбудить животное. Щенков Венди не боялась, но взрослые собаки вызывали страх, особенно когда лаяли и подходили слишком близко. Потому она решила, что пусть пёс и дальше барабанит всем по ушам этим грозным звуком.

Венди вернулась домой в хорошем настроении. Сегодня точно не до чтения — приготовит лекарство на утро и заснёт. Все дела по дому останутся на завтрашнее утро.

— Папа, это я, — тихо, боясь испугать, сказала Венди.

Она глянула на отца и удивилась его тревожному виду. Мужчина проскользил взглядом по полу, будто звал за собой, чтобы что-то показать. Девушка повернула голову и со всей силы сжала дверную ручку от страха.

— Привет, чудо, — раздался тихий голос, который душил даже на расстоянии.

Человек в тёмной одежде сидел на подоконнике, там, где было место Венди.

— Ты научилась воскрешать близких, а?

Захотелось рвануть с места, но она была уверена, что мрак запросто догонит, по пути проглотив ещё и отца. Дарко спрыгнул и начал приближаться. Страшно было даже шелохнуться. Когда он подошёл, то нежно намотал на палец локон девушки. Смотрел на него, наслаждался, будто никакого разговора и не было.

— Я понимаю. Ты не выдержала, это нормально. Не кори себя.

— Всё? Это конец? — дрожащим голосом спросила Венди.

Вопрос был закономерен, оба это понимали. Приди Дарко к незнакомому человеку, он бы тоже растягивал момент. И потом бы случилось что-то страшное. Один из сотни разных вариантов: жгучий, болезненный, режущий или ещё какой — гадать можно было долго. Но каждый, абсолютно каждый такой исход приводил к слезам или крикам.

— Нет, чудо. Почему же конец? Мы родные люди, а значит, нужны друг другу. Поэтому я пришёл с предложением, а не битой.

— А вы кто такой? — встрял отец и сощурился, пытаясь рассмотреть лицо парня в слабом освещении. — Вы чего мою дочь так пугаете?

Дарко покосился на мужчину и сделал шаг ему навстречу.

— Не вздумай, — Венди сжала зубы и процедила со страхом и ненавистью, что успели воспламениться внутри. — Только попробуй что-то выкинуть сейчас. Ты пожалеешь, я обещаю. Обещаю.

Дарко не слушал её. Что ему шум на фоне, когда к нему обратился пожилой человек. Предок. Родитель. Как много для него было в этом слове.

— Родитель, — небось повторял он про себя, ведь закатывал глаза, будто смаковал это слово. — Рождение.

И по виду его не скажешь, но проплыл между ними странный резонанс, словно в утробе одной матери находились. Старичок в

постели уже покрылся мёртвой пылью, и на сознании его паук сплёл свой дом. Такой человек Дарко близок, таких нужно беречь. Если от родителя на виду лишь остатки, то попросту не о что пачкать руки. Выходит, Венди достался хороший отец: без изъянов, без сучка, задоринки, без достойного прошлого и без пылкого теперешнего. Потерял ребёнка и вскоре потерялся сам.

— У нас свадьба скоро состоится. Вот и решил заскочить к своей невесте. Между нами романтика разыгралась, разве не видите?

Дарко не ждал ответа от ошарашенного отца. Только отпрянул и тыльной стороной руки коснулся щеки девушки, а потом губ.

— Ты выбрось из головы свидания, что были до этого. Намечается настоящая свадьба. Торжество, которое может принести нам всё. Вообще всё, слышишь? Но если не найти дорогу вовремя — пиши пропало. Поэтому мне нужен твой аромат, чтобы праздник не сорвался. Важно, чтобы всё получилось.

— Последний раз, и ты оставишь нас в покое, — потуги выдавить из себя строгость были нелепы. Здесь ни о каком приказном тоне речь не шла. Лишь бы произнести слова.

— Нет, чудо, ты не понимаешь. На кону слишком много, чтобы я сомневался в тебе. Речь о сумме государственного масштаба, но суть в романтике. Это будет самый романтичный вечер в истории Торакса, потому мне нужен безукоризненный результат. Столько, сколько понадобится, чтобы закончить. Но уже через день, как это произойдёт, вы с отцом уедете из Торакса навсегда. Я позабочусь об этом. О том, чтобы там у вас были деньги и дом.

Дарко запустил ей руки в волосы, но впервые за всё это время мурашки пробежали не от его прикосновений. Он был жестоким человеком. А ещё очень злопамятным — это была его отличительная черта. Но, как и у любого индивида, даже психически нездорового, в нём прятались и сильные стороны. Дарко всегда доделывал работу до конца, даже если под угрозой была его собственная жизнь. И всегда держал слово, отчасти из-за своего честолюбия. Тёмное пятно перед ней никогда не было снисходительным, трусливым или лживым.

— Как Хтонику, я даю тебе слово, чудо. Если поможешь, то я вытащу вас обоих из пасти нашей прожорливой родины.

* * *

На следующий день Венди не встретила с Моникой. Её голова была забита другим. Хтонику уединилась под ржавым навесом. Шоэнт объяснял ситуацию, а Дарко как никогда следил за каждым его

словом. Никакой чуши, только необходимая информация. Бриккт, Нерра и остальные участники слушали всё сказанное уже, видимо, не первый раз.

— Слушайте внимательно и те, кто знает, и те, кто забыл. Ласточка принесла весть, что в центр Торакса должен прибыть некий поезд. В скором времени, но мы пока не знаем, когда. Необычный поезд, как понимаете. Это будет крупнейшая партия гуманитарной помощи, которую везут с Хикаридуса в наш город, прямо в лапы «Цикла». Через окраины, — Шоэнт рисовал пальцев в воздухе, — прямо в «Тритон»³⁴. И когда он окажется в центре — нам его уже не достать. Его встретит столько цикличных, что шансов не остаётся. Штурмовать этот клок Хтоники не станет, поэтому есть один шанс — захватить на пути, пока поезд едет к центру.

— Я в последний раз так и не понял: это целый поезд с гуманитарной помощью? — спросил один из новичков. — Он не пассажирский?

— Пассажирский. Другие сюда не ходят. Но один вагон втихую оставят под филантропов и спонсоров. Это очень богатые люди, которые, как и «Цикл», помешаны на мысли отстроить город. «Как в былые дни» и вся эта дрянь — знаем, проходили. По итогу что? Эти красавцы и красавицы на одной волне. Естественно, весь поезд будет охраняться, так как счёт не на одну тысячу триптихов.

— Почему вы уверены, что там будут наличные? — уточнила уже Венди. — Гуманитарная помощь — это широкое понятие.

— Серьёзно? Ты думаешь, они будут везти асфальт и кирпичи вот так, как есть? Здесь это всё покупается втрое дешевле. Не засоряй голову! Суть в другом, Венди. Мы знаем, что поезд называется «Кузнечик-66», и всё должно произойти в ближайшие дни. Ни даты со временем, ни детального пути поезда у нас сейчас нет. Очевидно, что поезд будет ехать по Тораксу не привычным маршрутом, а петлять по станциям — это банальная мера безопасности. Сейчас у меня есть только начальный и конечный пункты назначения. Я мог бы найти промежуточные станции, но здесь счёт на часы. Не на дни, Венди, а на часы. Такая информация по щелчку пальцев не появляется.

— И как мне искать? Как мне проследить станции и...

Шоэнт положил листок с именем и размытую фотографию на стол. Кайтур Цамангерт.

— Вот. Мы были в доме у человека, который ведёт... коммерческие разговоры с Хикаридусом, в том числе и касательно этого проекта.

³⁴ Тритон — центральный клок, считается самым безопасным и благополучным в Тораксе.

Поговорили по душам, и он выдал имя своего коллеги. На фотографии предположительно тот самый Кайтур.

— А он не мог вам не мог рассказать о пути и...

— Бриккт скрутил ему шею, — Дарко не нравилось рассказывать детали, это было слышно по интонации. — Раньше времени. Поэтому я пришёл к тебе. Запоминай свои цели, чудо.

Он начал загибать палец за пальцем.

— Первое — нужно найти цикличного с фотографии. Он договаривается о найме охраны и следит за тем, чтобы поезд успешно приехал в конечный пункт. Этот человек — единственная и принципиально важная зацепка. Мы рыскаем пятый день, но не можем найти его. Имени и фотографии должно быть достаточно. Второе — встретиться с ним, можно не одной, поговорить по душам и узнать точное расписание и маршрут поезда. Третье и последнее — нужно быть в нужное время в нужном месте и не зазеваться. Проще простого. Потом вся задача уже в наших руках.

— Так, усекла.

— Ты — главная в первой части операции, — заявил он. — Каждый из Хтоники, в том числе и я, будем следовать твоим приказам и решениям. Но не перегни палку, чудо. Не делай так, чтобы мне что-то сильно не понравилось. Тоже усекла?

— Тоже усекла.

— Замечательно. Скоро. Надеюсь, скоро всё произойдёт.

Они перекинулись взглядами и будто сказали друг другу что-то, что другие не понимали. Что чья-то темнота стала ядовитее, а чья-то немного рассеялась. Презрение, но в то же время и признание силы. Это были недоброжелательные взгляды, но уважительные. Сейчас на кону стояло нечто невероятно важное и взаимозависимое. Всё предстоящее строилось на взаимодействии двух понятий: троп и мрака.

* * *

Вместо того, чтобы немедленно начать, Дарко позвал поговорить. Он умел как нужно — просто взять за руку и повести следом, а не прижимать ненужными словами. Они молча шли в самое сердце Гавани. Чем глубже, тем сильнее терялось восприятие здравости происходящего. Даже лужи под ногами будто сначала превращались в сукровицу, а потом в гной. Дарко зашёл в маленькую деревянную каморку посреди болота. Они стояли в тесном помещении. Зажжённый

свет там горел так, словно вот-вот погаснет, и никакие лампочки не помогут. Повсюду висели зеркала — все стены буквально были завешены ими. Венди ничего не говорила, только смотрела на человека перед собой. Жуть как корбило.

— Чтобы всё получилось, тебе нужно быть сильной девочкой. Смелой. Я знаю, Венди, ты умеешь удивить. Ты же понимаешь меня?

Он ласково провёл ладонью по волосам. На одной из полок лежали гвозди и несколько помад. Дарко взял красную.

— Скоро всё случится. Тебе должно понравиться, чудо. Потому что в тебе есть этот дар, моя хорошая. Думаешь, одного жалкого джаэ достаточно, чтобы он испарился? Нет. Дар никуда не пропадёт.

Лидер коснулся левого уголка губ девушки и продолжил линию, ведя вверх. Затем навёл, чтобы вышло сочнее. Получилась ломаная улыбка на одной стороне лица.

— Способность осознавать, что ты делаешь. И наслаждаться. Петь или убивать — это не важно. Ты ловишь себя на мысли происходящего, потому тебе так тяжело приходится. Улыбайся другим сколько хочешь, но будь готова вырвать своё счастье из чужих рук, если понадобится. Это не проблема, Венди. Люби, живи, целуй любимых в темя. Но после того, как схватишь своё сердце. Оно в чужой грудной клетке? Вырывай не задумываясь.

Теперь он рисовал на другой стороне, используя чёрный цвет. Линия постепенно гнулась вниз — полная противоположность первой.

— Знала бы ты, как это восхищает. То, что в тебе достаточно сил забрать счастье. Осознанно, понимаешь? Не идти за мной, как Брикк и Нерра. Ты, чудо, самостоятельная. Не приспешница Дарко, а равная ему. В них — пустая тяга навредить, но это максимально далеко от счастья. А в тебе есть хтоническое, которое пока молчит. Но оно закричит. Не представляешь, как я жду этого.

Чёрный конденсат. Но сейчас он выглядел ещё живее, чем когда бы то ни было. Каждая ожившая капелька знала, зачем она нужна.

— Перешагни жалость. Ты ведь с этим уже сталкивалась раньше. И унаследовала это хладнокровие от мамы. Она смогла перешагнуть. Это её счастье.

Венди начала трястись. Никакой смелости. Ничего человеческого.

— Дарко...

Он лукаво улыбнулся и прикрыл ей рот двумя пальцами.

— Последний шагок. Не для Хтоники. Лично для тебя. Где-то глубоко в твоей голове, моё маленькое чудо, ответ. И я его знаю.

Он сморщился, и с носа полилась струйка крови, что начала темнеть. В тёмно-вишнёвый, а затем под цвет жидкости, которая покрывала стены.

— И после того, как ты это совершишь, подумай о том, что Торакс нужен тебе. Что твой отец — попытка найти свой смысл, который у тебя забрали. Горб, который тебе хочется называть храбростью. Но ты знаешь, чудо. Когда засыпаешь — ты думаешь об этом. И когда возвращаешься домой. Что хочется иметь родное. И кроме него — никого. Хочешь — уедешь с ним, обещаю. Хочешь? Пожалуйста. Но перешагни то, что тебе кажется нравственным, и вместо лежащего трупа ты увидишь таких же живых, как ты.

Лидер полностью закрыл ей рот ладонью и стал давить сильнее. Настолько, что больно. С потолка начало капать и стекать на зеркала. Будто над головой у чего-то, что несло в себе чёрную кровь, порвались вены. На пару секунд стало отвратительно до тошноты, а потом восприятие перевернулось вверх тормашками.

— Я вижу в тебе такое родство, которое и словами не передать. Потому что знаю, что под слоем всего этого сострадания настоящая ты. Это и есть твоя дорога. Доверься мне.

В обувь просачивалась жижка. Они тонули в жидкости неестественного цвета. Здоровый мозг всё меньше и меньше мог понять то, во что превращалось окружение. Если раньше это были старые и ржавые вещи, то сейчас струи слились в один непонятный омерзительный организм. Венди краем глаз замечала, что над ними зависла пасть, которая изуродовала окружение. Что-то совершенно непостижимое и откровенное. По спине пробежали мурашки. Оно могло проглотить целиком, не жуя, не раскусывая пополам.

— Это всё... настоящее?

— Я уже давно не понимаю, — больным, но радостным голосом ответил тот. — Не понимаю, что существует, а что нет. Уже не чувствую себя человеком. Будто я существовал всегда. Как понятие. Как что-то вечное и фундаментальное. А сейчас... Сейчас только крупница этой вечности и сути.

Венди чувствовала, как через чёрную жидкость, его пальцы и шёпот в неё вливается настоящее, самое живое человеческое зло. Многогранное и всегда носящее лиц больше, чем ожидает простой человек. При виде него всегда страшно — сразу оцепенение. Против него не борются и редко убегают, пока оно облизывает тебя. И только зло касается тебя по-настоящему, это начинает нравиться. При всей мерзости к собственной слабости и поступкам, при истерии от взгляда в зеркало, это чувство заставляет закатить глаза от удовольствия. А

потом, когда человек оказывается наедине с собой, соблазн и страх либо отступают, либо одновременно набрасываются на него.

Он приблизился и коснулся губ. Поцелуй был долгим и абсолютно пошлым. Венди ощущала, что в ней рождается что-то новое. Казалось, что через прикосновение передался самый ядовитый паразит, которого уже не достать. По гортани будто сколопендра проползла, и каждая, каждая её лапка отдавала колючей иголкой. В голову дало возбуждение и полное, совершенно ясное наслаждение от происходящего. Она отвечала на поцелуй со всей дикостью, что пряталась внутри. По лицу стекала чернота, природа которой уже не вызывала столько вопросов. На языке чувствовался вкус, от которого выворачивало. Сороконожка в горле вызывала куда больше ощущений, чем мурашки, бегающие по телу.

— Поэтому не подведи нас.

Тогда Венди посмотрела вверх. Там был настоящий Дарко, а не человекоподобная кукла, что стояла перед ней. Во всей своей сути, облачённый в свой собственный цвет. Неискоренимый. Пожирающий других, но насыщающий её. Жижа пропитала всю одежду и заливала глаза, но девушка всё равно улыбалась. Цвета потерялись, а от помады на лице и следа не осталось. Это и есть счастье. Это и есть Хтоники.

Глава 18. Тлеть или расцветать?

Такое не вытекает из головы сразу. Ты заносишь кулак и запросто делаешь человеку больно. Это не тот уровень, когда люди просят остановиться. У мужчины опухло лицо, и он скулил, как и все остальные. А ты уверен, что сотрёшь битую рукоять, но превратишь его лобную кость в крошеный мел. Паразит в голове брал похлеще любого вещества. Ненадолго, но всё сильнее и сильнее. Куда-то пропали близкие люди, и всё начало прыгать из крайности в крайность. Нестабильно.

— Пфмь... — мужчина выплюнул кровь и перевернулся на другую сторону.

— Это не то, что я хочу услышать, — руки чувствовали битую так, будто это была такая же полноценная часть тела.

Его били, а он зачем-то сдерживался. Это только злило. До такой степени, что захотелось вбить эту тишину меж половых досок. Ещё один размашистый удар, потом ещё один. Все продолжали смотреть. Потом Венди ударила битой по ноге с такой силой, которой поразила сама. Тот сразу перевернулся и схватился за ушибленное место. Венди села мужчине на живот.

— Нет-нет-нет, ну чего ты? Не корчись, — она очень запыхалась. — Ну почему молчишь? Я же найду управу. Я же найду, падаль ты такая. Уже было не разобрать, что читалось в его взгляде.

— Не играй в героя, таракан. Не то я оторву тебе усики и лапки. Станции. Время. И всё. И мы уйдём.

Молчал. Бита упала на пол, и в руках оказался нож. Уже через пару секунд он нашёл свою цель. Пластиковый бочонок с чистой питьевой водой, что стоял на полу, лопнул. Рядом с ним стояли и другие.

— Это только начало, честно-честно. Сначала водица утонет в дырявых досках, а потом — ты в крови.

Размашистый удар, и лопнул ещё один. Осталась одна пара. Она открыла один из них и жадно отпила оттуда сколько могла. Затем бочонок перевернулся вверх дном, и вода полилась на лежащего человека. В конце концов пустой сосуд отлетел в сторону, а Венди

стала на колени. Она наклонила голову и посмотрела на искалеченного с фальшивой и наигранной лаской.

— Ну хорошо. Ты прав, молчи. Представим, что слова — это рудимент, ладно?

Мужчина смотрел на неё, и этого взгляда хватило. Уникальное состояние, делающее тебя больше, чем человеком. Венди знала, что можно прыгнуть в два раза дальше обычного. Смогла бы заколоть другого человека или даже себя, если бы Хтоники того захотела. То же самое оказалось и с ароматом. Раньше можно было закрыть глаза и простоять полчаса, чтобы найти дорогу. Сейчас она управилась за считанные мгновения. Она впервые сделала это настолько быстро. Не закрывая глаза и не погружаясь в тишину. Дорога длиной в несколько широких шагов.

Венди подошла к картине в другом конце комнаты и отодвинула её. Мужчина тут же будто забыл о ранах: начал ползти на коленях и неразборчиво что-то просить. За картиной была дверь, ведущая в другую комнату.

— Нет, не нужно. Нет-нет. Стой! Я скажу!

Проводница остановилась у картины, но её схватили за ногу. Никто не мешал, только наблюдали, до тех пор, пока Венди не скажет действовать. Дарко ясно дал понять, что нужно слушаться.

— «Кузнечик-66». Так называется поезд! У меня есть вся информация, вся. Послушайте меня, я прошу вас. Я всё говорю, всё говорю, только не идите!

Девушка повернулась и присела, чтобы послушать. Он нырнул под стол и начал там копать. Резким рывком он протянул папку и начал описывать всё, что написано на листах.

— Вот. «Кузнечик» будет ехать шестого числа, ровно через три дня. Посмотрите на станции, видите? В «Церебрале» он будет в четыре двадцать утра. Потом через «Колькотар» на вокзал. Это актуальная информация, актуальная!

Он перечислял клоки и тут же называл время, когда поезд должен был туда приехать. За спиной Венди тоже столпились ребята, чтобы посмотреть на карту. Её интересовало другое.

— Матли Крамт! Он будет ехать в отсеке с гуманитаркой как охранник, слышите? Вы меня слышите? Матли Крамт его зовут.

— Матли Крамт, прекрасно. У тебя есть его фотография, этого Матли Крамта?

— Я его в жизни ни разу не видел. Это наш партнер из Хикаридуса. «Цикл» ему верит, но лично мы не встречались.

Проводница бросила взгляд сначала на мужчину, потом на карту. Снова и снова: лицо, карта, лицо.

— Кайтур, так мы партнеры, выходит. То, что ты сказал, — правда?

— Правда.

— Кайтур. Ещё раз. Посмотри мне в глаза, — она взяла его за щёки.

— Вот так. То, что ты сказал, — правда?

— Я клянусь вам. Это правда. Всем, что у меня есть, клянусь.

— Ты ведь никому не скажешь о нашей встрече? Или нам стоит вернуться?

— Я не выйду из дома, — мужчина очень ярко жестикулировал, будто это могло убедить сильнее, — правда. Я понимаю, кто вы. Вы сильнее. Я не вздумая вам солить, перечить или бросать вызов.

— Отлично, — улыбнулась Венди и шагнула в сторону картины.

— Не трогай её... Я же всё сказал. Беги, Лафита! Убегай! — заорал он.

— Эй, полегче. Я поговорить, а ты верещать начинаешь. Старайся получать максимум удовольствия в любой ситуации. Но вот кричать не нужно. Не нужно, ладно?

Мужчина закрыл лицо и полностью рухнул на пол. Не ответил.

— Ждите, — бита указала на каждого из группировки по очереди, — пока я не выйду. И не вздумайте ничего делать. Просто стойте.

Венди даже не гадала, поняли те или нет. Управляемые механизмы — что есть, то есть. Она оставила битку на входе в комнату и закрыла за собой дверь.

Девочка сидела на кровати и даже не пыталась прятаться. Она была испугана, но, очевидно, не понимала всей происходящей ситуации. Скорее всего, слышала шум и не понимала, что за незнакомый человек стоит перед ней. Ничем хорошим от него не веяло, поэтому сковал страх, что крик или попытка убежать сейчас могут стать страшной ошибкой.

— Кто вы?..

— Не бойся меня. Я не собираюсь тебя обижать.

— Что с моим папой? — девочка вжалась пальцами в простыню.

Венди не ответила. Она коснулась чужой щеки и посмотрела на лицо ребёнка — зародыша нового поколения, что ещё не стал частью мёртвого мира. Простые глаза и испуганное лицо. Ничего примечательного, даже волосы как у большинства детей. Но смотришь, и внутри тебя, гниющего не по дням, что-то отражается. Ещё один ребенок, который жил по ту сторону двери. Он укрывался в тёплый плед и старался слушаться родителей, ожидая, что они заметят его старания. Незнание того, как функционирует мир за

дверью дома, порождало шедевр, нарисованный мелками на бумаге, который вечером достанется папе. И поэтому этот ребёнок, максимально уязвимый и ни в чём не виноватый, был сильнее её. Настолько сильнее, что Венди улыбнулась, ощущая ту разницу поколений и ценностей. Всё, что она могла сделать, это лишить его жизни, только и всего. Но он был способен на немыслимое: подарить жизнь давно умершему, пусть и на пару секунд.

— Лафита, маленькая, — ласково прошептала Венди с закрытыми глазами, — хотелось бы посмотреть на тебя, когда ты станешь постарше. Увидеть тебя тлеющей или цветущей. Мне почему-то так хочется верить, что ты расцветёшь, Лафита.

Больше никакого взгляда на девочку. Гостья встала и связь, будоражащая эмоции, очень быстро пропала. Венди вышла из комнаты, ни секунды не колеблясь, остаться или нет. Покалеченный лежал на том же месте и смотрел на обидчицу, будто ждал новостей. Ему бы хватило даже малейшего намёка, чтобы понять — случилось страшное. Но никакого намёка не было.

— Уходим.

— Что? Нет, так нельзя, — вмешалась Нерра. — Его нужно убить. Он же циклический.

— Нет, — ответ предназначался не столько собеседнице, сколько всем остальным участникам группы. Это звучало решительно, настолько, насколько могло звучать с её уст.

— В каком смысле нет? То, что ты главная в операции, не отменяет нашей задачи. Он может донести. Я настаиваю на том, чтобы убить его.

Настроение Венди стало заметно повеселее, будто напряжение спало. Она простодушно улыбнулась. Простодушно и совершенно неуместно.

— Нерра, — обратилась Венди, — ещё раз ты надавишь на мои нервы, я превращу твоё лицо в кашу. И мне будет плевать на последствия, жизнью клянусь.

И тут же возмущение — естественная реакция. В голове уже появился колкий ответ, но её перебили.

— Возвращаемся. Это моё решение как лидера операции.

Внутри был драйв от произошедшего. Девушка бежала по бледно-утренним улицам, ощущая эту свободу. Она на время оставила напарников — бестолочи не могли понять этот шквал. В руке была бита, и почему-то страх чего бы то ни было пропал. Нахлынуло

удовольствие. Ноги пинали попавшие под них камни и бутылки, бита стучала по стенам случайных домов, а опьянение наступило даже без капли алкоголя. Столько силы было в её руках, так пульсировали мышцы, что не верилось. Блаженно! Когда хотелось крикнуть — она не сдерживалась.

Если бы кто-то вышел утихомирить, то схлопотал бы. Без мясорубки или жестоких побоев — просто чтобы знал своё место. Свобода стала на шаг ближе. Сама мысль, как она с отцом переступает через границу, казалась блаженством. Несравнимо лучше, чем жить в гостинице и всю жизнь оглядываться по сторонам. В голове порхали мысли о полноценной свободе, о мечте и последнем свидании.

Они бы с папой привыкли к новому месту. Приспособиться можно к чему угодно, даже к Тораксу. Венди словила себя на мысли, что в этом странном образе жизни было что-то своё. Охота на людей, перевёрнутые поезда, своеобразный запах. В грудной клетке снова заиграло это чувство — романтика меланхолии.

Погрязший в радостных чувствах человек выбежал на окраину района, где практически не было домов. Такие места ещё разрушеннее разрушенного. Но этот человек таким не был. Вот же, улыбка на лице и ощущение силы. Оно наполняет, заставляет жить без страха и бежать дальше. Властность выдувала из головы недавний случай. Не преступление, а цена шанса на счастливую жизнь. А руки, они ведь не так долго сжимали битую. Эта железяка, подумать только, способна была довести до слёз. Симулянты всегда хорошо притворяются. Стоит посмотреть с другой стороны, и всё не так страшно. Кровь на руках становилась проблемой хилого тела, а не сильного удара. Ещё немного, и другая жизнь. И она, и отец...

Венди упала на колени. Она понимала, что улыбка её неестественна и противна. От неё болели щёки, но не радовалось сердце. Не получалось думать так, чтобы стало спокойнее. Ладони оставались белыми, но не покидало чувство, что их нужно отмыть от чёрного цвета. Всё ощущалось в десятки раз больше, чем раньше.

Отвращение к себе и асфальту, что под ногами. Который накрыл весь город. Который не дал зелени вырасти. Как испуганные люди, которые боялись посадить зерно. Как отчаянные, которые не хотели за ним смотреть. Редкие зелёные клочки здесь стали таким же чудом, как радостные люди. И почему-то один большой страх вмиг затмил даже отвращение к себе. Страх, что под асфальтом ничего нет, что нечто первородное пропало.

В порыве эмоций пальцы скользнули в первую попавшуюся широкую щель меж частей потресканного асфальта. Усилие, и одна

широкая пластина отлетела в сторону. Перед глазами была ямка размером с кулак, но пальцы всеми силами пытались отломать ещё хоть кусочек. Щебень, окурки и отмершие клочки земли попадались под руки, но тут же отлетали в сторону. Они были лишними. Пальцы рыли глубже и глубже, хоть им было больно. Тогда в ход шли ногти, которые выгребали мусор понемногу, каждый раз стараясь нырнуть как можно глубже.

Ладони покрылись царапинами. Всё это пыльное месиво казалось таким опасным и заразным, что могло превратить всю кровь в болото, стоило ему найти лишь маленький порез. Но сдаваться было недопустимо. Глубже, сдирая рубез за рубезом. Через боль. Глубже.

Оно. Дальше стало легче, как и должно. По-настоящему, природно. Пальцы насыпали горсть вещества в ладонь другой руки. Почва. Настоящая, пахнувшая землёй, мягкая. Та, через которую прорастают корни, которая существует испокон веков. Венди поднесла руки ближе к лицу и вдохнула её. Это счастье. Это спокойствие. «Природа непобедима, — пронеслось в голове. — Не существует ничего живее».

Жизнь в её руках стала искренним и простым счастьем. Она не могла распылить тот груз внутри, тот сплав гадких и болезненных чувств, но заморозила их рост. Может, даже немного впитала в себя. И на время стало легче.

Венди высыпала землю в свой широкий карман. Бита лежала в паре шагов от неё. Пинок ногой, и она отлетела ещё дальше в сторону. Человек пошёл по дороге дальше.

Она шла по окраине ещё с двадцать минут. Старалась не переставать думать о важном и не прекращать касаться почвы в кармане. Получалось. Тогда Венди встретила сидящую на каменном блоке маленькую девочку, что болтала ногами и смотрела в сторону болота.

— Привет, маленькая. Что ты делаешь так рано на окраине?

— Я жду папу, а он не возвращается из Гавани, — грустно сказала девочка. — Я сижу тут и смотрю, когда он выйдет. Чтобы сразу сказать другим.

—А... — Венди аккуратно села рядом. — Давно его нет?

— Три дня.

Между ними возникла пауза, будто одна не хотела говорить о страшном, а вторая не знала, что такие слова вообще могут прозвучать.

Венди расстегнула булавку на плаще и протянула единственный сувенир, что у неё был.

— Вот, возьми.

— Ого, это кукла такая? — обрадовалась малышка, потрусив подарок.

— Да, это Ричард. Это первая кукла, которую я когда-то сплела. Поэтому она такая уродливая.

— Но ведь она улыбается.

— И что? Думаешь, если она улыбается, то она из-за этого красивая?

— Нет, — с досадой заметила девочка. — Но всё у неё будет хорошо.

— Ты думаешь?

— Да, потому что я позабочусь о ней. Ей не будет тяжело. А она будет радовать меня улыбкой. Как тебя.

— Надеюсь, что так. Надеюсь.

— Важно, когда есть кто-то такой. Ну вот такой вот человек. Он, вот этот человек, всё равно любит её, и кукла не чувствует себя уродиной. А кукла искренне ему улыбается, и ему тоже хочется.

— Да... Знаешь, как-то так оно и работает на самом деле.

— Знаю. Мой брат заботится обо мне, а когда ему плохо, я очень помогаю, а он очень быстро выздоравливает... Но я не кукла для него, я настоящая. Живёхонькая.

— Ну... — говорливая же девочка встретила. — Тогда цени своего брата.

— Я очень ценю. А Ричард будет ценить меня.

— Ричард, он... чуткий. Это важно.

— И весёлый. Это тоже важно. А то все недовольные такие сидят, кислые морды.

Невероятно хотелось дать что-то ещё, но в карманах не осталось даже монетки, только катышки да слой почвы. Ещё металлический цветок, но она не поймёт. Станный подарок.

— Да, так бывает.

Малышка кивнула и поникла ещё сильнее.

— Извини, — Венди поджала губы, не зная, как правильно попросить. — Послушай, может... Может, обнимемся на пару секунд? Пожалуйста.

— Но мы ведь друг друга не знаем. А ты что, так хочешь?

— Невероятно.

— Только бы папу не проморгать. Смотри ты пока.

Девочка пожалала плечами и подошла. Венди накрыла её накидкой и прижала к себе, будто была гнездышком для маленькой синицы. Показалось, что она держит самое беззащитное и нуждающееся в опеке существо.

И это было так же сильно, так же эмоционально громко и ошеломительно, как звуки оркестра. Только пока инструменты разрывались, чтобы удивить и вызвать мурашки, чтобы заставить поверить в чудо, у двух людей получилось сделать это, просто искренне прикоснувшись друг к другу.

Но объятия прервались, когда под аркой показался перепачканный мужчина, пришедший с Гавани.

* * *

Пик сумасшествия угас вечером, когда она вернулась домой. Паразиты ни в коем случае не выветрились, не пропали и даже не умерли. Просто перестали копошиться и резать изнутри. Болело сердце.

— Милая, что с тобой случилось? Где ты так перепачкалась? — послышался голос отца. Он сидел на кровати и смотрел на дочь испуганными глазами.

— Пустое, — она постаралась сделать голос максимально спокойным. — Отдыхай, пожалуйста.

Тишина, а потом скрип кровати. Послышалось шарканье и бормотание. Отец подошел.

— Венди, милая, ты можешь мне сказать? Произошло что-то серьезное?

— Нет.

Запачканной подошла к своему месту, запачканной забралась туда. Казалось, что отмыться не получится ни себя, ни подоконник, как ни три.

— Но если честно... Если честно, папа, мне страшно смотреть на себя в зеркало. — Она прислонилась лицом к окну и совсем не хотела поворачивать голову.

— Почему? Ты пугаешь себя?

— Да, что-то вроде того. Послушай, — Венди задумалась, как стоит выразить мысль, — может быть так, что в этот дом когда-то пришло безразличие? С тех пор оно живёт в нас самих, и мы не можем от него избавиться. Ты так не считаешь?

— Я думаю... — Он уже давно размышлял чудовищно медленно, хоть минуты считай, пока ответит. — Что это не безразличие пришло в наш дом. Думаю, его оставила любовь.

— Мама забрала её с собой?

— Я не знаю. Не знаю... Она выбрала свой путь, как и каждый из нас. Я выбрал свою дорогу, а ты выберешь свою.

— Я её уже выбрала.

Отец долго молчал, девушка глянула на него. Каждый раз её отношение менялось, и это раздражало. Уехать с этим человеком или нет, спасти его или спастись самой? Из-за него внутри то надежда, то злость с отторжением. Планы, идеалы и дальнейшая жизнь — всё трещало и менялось до тошноты быстро.

Сейчас казалось, что пей бальзам или нет — отцу уже ничего не поможет. Лицо отчаявшееся, без искры в глазах. Не злое, но невероятно блеклое. Будто глаза, мимика и выразительность были горячими и враз остыли. Таких людей она видела много, стоит выйти на улицу и заговорить с первым попавшимся. Пугало то, что это лицо близкого человека, а не случайного прохожего. Который когда-то совершенно точно не был таким. Щетина — как серая отмершая часть лица, а нижние веки — грузила, что стягивают с него кожу. Даже так, этот человек сейчас нервничал с ней. И всё равно, Венди уже не хотела понять и ощутить чувств, что прячутся за этим лицом. Уже не важно, что там внутри.

— Просто я научилась понимать тебя, папа.

— Меня?

— Да. Нам с тобой одинаково нравится то, что нас разрушает. И вроде ниже уже некуда, вроде абсолютно противно, но есть в этом что-то. Своеобразное наслаждение чувствовать себя выжившим выкидышем.

— Ты вляпалась в неприятности, Венди? Ты можешь рассказать мне.

— Даже лучше. Я окунула в них другого человека. Избила его и сделала из него предателя. И вскоре поступлю так с теми, кто ему доверял.

— Зачем ты это сделала? — спросил отец, но его слова будто не слышали.

— И мне понравилось это. То, как жалко может выглядеть человек передо мной. Как много он может отдать в обмен на жизнь. Мне это так понравилось, папа, ты даже представить себе не можешь. И я видела дочь этого человека. Когда стояла перед ней, то думала — или задушить её, или обнять. А у неё такие живые глаза, такие лучезарные. Личико, которое могло бы победить темноту, но со временем само станет её частью. Так я думаю. Ещё более холодной, чем я. Чем мы. И тогда она тоже задушит потомка с чистыми глазами. Сострадание и человечность превратятся в вирус. Как герпес. И тогда всё.

Отец молчал. В Тораксе все так жили — сталкивались с тенью и не знали, что ей можно противопоставить.

— Я знаю, что не таких слов ты ждал от своей дочери. Но что поделаться? Я окунулась в тепло, но не забыла о холоде. Как убежать от темноты, если она мне начинает нравиться? Я не знаю. Я правда не знаю, папа.

— Я тоже не знаю. Но есть люди, которые находят ответ. Они умудряются справиться, только не пойму как.

— Есть... — Венди мечтательно посмотрела на ловца снов. — Знаешь, я встретила такого человека, папа. По сравнению со мной она настолько чистая, что мне стыдно к ней прикасаться. Стыдно даже смотреть на неё и быть рядом. Но это только кажется, что она непобедима. За всем этим прячется горячее и уязвимое сердце. Но папа, ты бы видел, она...

— Её зовут Моника, да?

По сознанию будто ударили кувалдой. Что-то внутри прогремело настолько, что это отдалось дрожью по телу.

— Как... Откуда?

— Я... Я забыл, извини.

Старик прошаркал до своей кровати. Было видно, что он старается быть быстрее, чем обычно.

— Папа?

— Подожди. Где-то... Ах, да! — он вернулся и протянул белый прямоугольник. — Если бы ты и не напомнила, я бы уже и не вспомнил.

Венди взяла письмо, и один только её взгляд показывал, что объяснения нужны как можно скорее.

— Эта милая девушка заходила сюда, когда тебя не было. Сказала, что должна попрощаться перед отъездом.

— Как? — голос выдавал волнение. — Как она узнала, где мы живём?

— Я не знаю, — тот пожал плечами. — Но мы сели, перекусили и поговорили. Она попросила отдать это письмо сразу, как встречу с тобой, но...

— О чём вы говорили?

— О разном. Знаешь, такие разговоры сложно передать. Но она произвела впечатление такой... — он уважительно закивал головой. — Лучезарной леди. Думаю, она из аристократии. Видно, что добрая и очень стойкая. А затем она сказала, что ей пора уезжать.

— П-папа, — заикнулась она, — ты видел, что там написано?

— Нет. Кто я такой, чтобы в чужие письма подглядывать?

И они замолчали. Спасибо ему, что, несмотря на все свои косяки и глупости, именно сейчас он её понял. В этот раз просто не хватало сил самой сделать первый шаг.

— Почитай, а я пойду попарю ноги. Промёрз, как барсук без своей шерсти.

Отец много шуршал и шастал, но дьявол видит, спешил. Когда он ушёл, Венди далеко не сразу решилась открыть конверт. Нависла ответственность, к которой она, может, была не готова. Скорее даже ощущение, что это письмо должно быть открыто тем, кто заслуживает. Венди точно не была из таких. И всё же... Нет. Дрожать над чем угодно, но только не над письмом от такого человека. Она открыла и словила себя на мысли, что не знает, как прочесть, залпом или медленно. Второй вариант был ближе. Она посмотрела на металлический цветок, отцепила его и положила рядом. Затем принялась читать.

Венди,
привет.

Не вышло у нас встретиться перед моим уездом. Но, если честно, я люблю, когда иногда что-то идёт не по плану. Не так давно и Торакс в мои планы не входил, если честно. Очень противоречивое место, ни о секунде пребывания в котором я не жалею.

Уже с первых часов здесь мне показалось, что в Тораксе всё делится на два: плохое и не плохое. Многие люди играют в эту игру, может, искренне, а может, по инерции. Но перед отъездом я очень хочу тебе напомнить, что мир состоит не только из добра и зла, из сочувствия и безразличия. В этом я уверена. Металлы и неметаллы — вот настоящая дуальность! А граней, на самом деле... Намного, намного больше. Вот ты, например.

Честно, я вообще не знала, что о тебе можно сказать при первой нашей встрече. Я часто думала, почему ты постоянно сонная, а некоторые твои поступки меня откровенно настораживали. Это если судить о наружности. Но, пожалуйста, не забывай смотреть и внутри. У меня это получилось, и иронично, что в итоге один человек зацепил меня куда сильнее металла, ради которого я приехала.

К чему я это пишу? Сейчас может быть сложно, но, пожалуйста, не потеряй себя, пока меня не будет рядом. Ты — это не только бессонница и будни, которых ты боишься. Не только человек, измазанный в крови, как ты часто думаешь. Я знаю, что ты любительница так думать. Не забывай, что ты — это и асабикеша, и куклы, и оркестр по радио, который ты мне показала. Это та Венди, которая стояла со мной на вышке под ливнем. К дьяволу всех и вся, кто скажет, что это не так. Всё это не пропадает за столь короткий срок.

А я вернусь в Торакс как можно скорее. Буду ждать тебя в гостинице. И когда вернусь — останусь на твоей стороне до тех пор, пока на ней будешь ты сама. Не мне говорить тебе о человечности, и не кому-то другому навязывать её отсутствие. Я не знаю, куда поведут тебя кошмары, если они вернуться, но я клянусь, что цена будет слишком высокой. Я человек, который должен найти то самое слово. Свою стихию. Я помню об этом каждый день. А ты та, кто должен найти прежде всего собственную дорогу. Тоже не забывай, пожалуйста. И я многое отдам, чтобы помочь тебе в этом. Выбрось мысли из головы, что ты осталась одна.

Я рядом.
М.

Венди обняла металлический колокольчик, но не взяла его с собой.

Глава 19. Я очень скучаю по тебе

В плохо освещенном уголке пряталось целых десять человек. Они ждали поезд, который должен был приехать через несколько минут. У кого-то чесались кулаки, кто-то вертел в руках битую и готовился к самому прибыльному веселью в своей жизни.

— Ты настраивайся потихоньку. У нас не будет времени перерывать всё подряд.

Дарко был прав, потому её роль была ключевой. Одно дело быстро ворочать вещи и деньги, другое — найти нужный вагон за считанные минуты. Она держала в руке фотографию Матли Крамта, которую успел достать Шоэнт. Где он — там и нужный отсек.

— Само собой. — Она уже прикасалась к своему аромату, но пока не давала ему спуску. — Обычных пассажиров игнорируем.

— Да, мусор не трогаем. — Даже Бриккт волновался. — Пара минут, и мы выходим уже совсем другими людьми.

— Свою часть я сделаю.

— Менгаро, всё помнишь? — переключился лидер.

— К машинисту.

— Все помнят, кто собирает добро? Нерра, напомню, что тебе нужно просто очень громко кричать и бить любого, от кого исходит угроза. Остальные...

— Да мы всё помним! — громко прошептала девушка. — Дарко, мы репетировали это минимум пять раз. Не перегибай.

— Нервы. Просто помните, что поезд остановится всего на пару минут.

Он прокрутил в руке нож. Нужно было найти хоть одну мишень, даже если никто не будет мешать. Пусть это станет несчастным случаем, главное — высвободить энергию. Пусть это будет первый попавшийся человек. Дарко кивнул сам себе.

Этой ночью было не так тепло, как хотелось бы. В округе никого, только в небольшой постройке находилась пара сотрудников станции, которые никак не могли помешать задумке.

Венди увидела поезд до того, как он показался другим. Маленькая искорка мчалась вдалеке — вот она, цель. Две минуты, и будет здесь. Две минуты. Её нагого разума коснулся холод, за что она была благодарна. Не было ни сонливости, ни усталости, только страх, лишь бы всё получилось. Всё зависело от неё одной.

Она потянулась к тому, что звало её громче. Вспомнила, как кричат люди, когда их загрызают собаки, но звук почти сразу пропал. Удары барабана и хлопки в ладоши — вот что звучало ещё громче.

Ненадолго. Вспомнился вой собаки, которая горит заживо. Ужас будто начал поедать её, но она выбралась и отскочила. Было что-то такое же сильное, но хорошее, а не страшное. Детский смех — он обнадеживал. Даже проиграй человечество войну с собой, этот искренний звук означал, что осталось, за что бороться.

Её дыхание участилось, и она вспомнила, как умоляет человек, которого вот-вот лишат всего. Это ещё страшнее, ещё необъятнее. Пару секунд Венди была уязвимой, но вспомнила прекрасный концерт, который звучал раз в торнавидор по радио. Да, он мог, мог спасти и противостоять отчаянию. Кто-то жалобно умолял, но его не слышали. И в то же время звучали инструменты, к которым прикасался человек, что своей музыкой бросил вызов безнадёжности.

Венди не умела звучать так же громко, как человек, который всё это исполнил. Даже сейчас, в самом разгаре эмоций, она не была наравне с господином Ниасом Модлеем. Мелодия Венди сейчас была куда проще: кто-то занял левую часть рояля, нажимал на клавиши и подолгу их не отпускал. Никаких коротких звуков, никаких быстрых движений пальцами. Никакого страха.

Самым тяжёлым порогом стал голос Дарко. Когда он стоит позади и шепчет. Когда просит закрыть глаза и говорит так спокойно, что сам ты ни слова сказать не можешь. Иногда это даже не похоже на человеческую речь. Будто тебе вот-вот признается в любви самое очаровательное из всех тёмных существ. Но сейчас стоило лишь подумать о том, что казалось несильным, как появилась уверенность, что сквозь стену алефарза ему не пробиться. Как ни рвись, как ни пытайся увести за собой, есть что-то ещё более сильное и нерушимое. И металл не проиграет даже тогда, когда всё остальное превратится в щепки.

Венди посмотрела вверх, в ночное небо. Когда поезд приблизился, Шоэнт упал на землю, не в силах двинуться. Затем трое новичков и Нерра. Пара секунд, и ещё двое. Остальным только предстояло.

— Жестокость породила тишину, — с мольбой произнесла девушка.
— Но ты ведь видишь? Это не я. И это не моя семья.

Её аромат кипел. Это был тот край, который не получилось бы перешагнуть просто при огромном желании. Но сейчас раскрывалась её природа, и повседневные правила переставали работать. Телу стало не по себе, но всему остальному стало неописуемо приятно.

Ещё шлепок, затем второй и третий. Бриккт и ещё два человека лежали на земле.

Восемь человек упало на асфальт, который не давал корням расти. И теперь эти корни вырвались через её грудь, подобно путям, что таяли далеко вверху.

— Ты ведь с самого начала знала, — произнесла она, не опуская головы, — что моё сердце не пустое. Спасибо, что помогла его наполнить. Спасибо.

Поезд остановился на станции. Дарко с трудом стоял на ногах и даже нашёл силы повернуть голову: сначала посмотрел на поезд, потом на Венди. С огромным трудом сделал шаг навстречу и, вытянув ладонь вперёд, будто хотел задушить. Ещё один шаг, и он почти прикоснулся к шее. Венди не сопротивлялась и даже не удосужилась отвлечься на него. Не хватило всего ничего, чтобы дотянуться. Дарко упал последним.

В голове уже не было человека, с которого хотелось брать пример, не было тех, кому хотелось помочь и кто дарил настоящую любовь. Были только мурашки и чувство, что темень из головы, наконец, куда-то делась. Будто её волосы — листья, сердце — ураган, а уезжающий поезд — целое небо над головой.

* * *

Только чувство окрыления прошло, как нити оборвались, и связь ослабла. Теперь Венди сама была близка к тому, чтобы упасть на землю от усталости. Она осмотрелась и попятилась. Ноги подкашивались, но страх насытил энергией. Нужно было уходить как можно скорее.

Она метнулась в сторону своего дома, но тут же перешла на быстрый шаг. Приходилось постоянно оборачиваться и опираться рукой о стены домов, чтобы не упасть. Венди мешкала, останавливалась на узких перекрёстках и по несколько секунд вертела головой, не зная, какой выбрать. В надежде, что это поможет, она пыталась перегородить путь мешками и прочим мусором, но

вовремя словила себя на мысли, что просто тратит время и, напротив, лишь оставляет следы.

Убегающая метнулась дальше и через переулок нырнула в небольшой открытый подвал — на миг-другой это показалось единственным способом спастись. Звучать потише не получалось — было страшно, усидеть на одном месте было попросту невозможно. Если её найдут здесь, то отступить будет некуда. Место это — скорее погребальная яма, чем спасение. Ни лунного света, ни людей рядом, кто услышал бы крики. Побег превратился в череду каких-то нелепостей.

Венди оставила подвал и побежала дальше по переулку. Нужно было оторваться, виляя по узким улочкам или затерявшись в толпе, а не надеяться, что пронесёт. Дарко был из тех, кто без причины мог резко остановиться, учуять что-то своё, никому не понятное, и зайти в место, где дрожит маленькое сердце. Тогда сердце остановится навсегда. Потому — что угодно, только не останавливаться.

В голове не было чёткой картины, куда именно нужно бежать. Прибеги домой или в гостиницу, и она навлечёт неминуемое горе на эти места. Хтоника найдёт, выследит и отыграется на других. Ни за что. Не было идей, куда бежать, поэтому всё напоминало скорее просто слепое движение вперёд.

Было не по себе, но когда далеко позади послышался крик, Венди рванула что было сил, наплевав на тошноту и жуткую усталость. Страх накатил её сильнее, и оттого, наверно, тело и казалось таким тяжёлым.

— Стой! — послышался голос Нерры позади, и посыпалась целая куча ругательств.

Точно. Не домой, а прямо к парку развлечений, который тоже находился совсем неподалёку. Вот куда ей нужно было бежать что есть сил. По всем правилам Торакса там её не тронут. И как она не заметила это глупое колесо, что так и кричит всеми своими огоньками бежать к нему навстречу? Спасительная ржавая железка с самого начала за всем наблюдала, и, хотелось верить, была на стороне убегающей.

Венди рванула влево, в тёмный переулок, который вёл к широкой освещенной улице. Там небольшая площадь, трамвайные пути и вход в парк. На самой площади были люди, даже этого было достаточно. Там бы они услышали. Венди пронеслась мимо разбитого окна и споткнулась о стеклянную бутылку. Потеряла равновесие, улетела вперёд, но не упала. Получилось устоять на ногах. В животе был ураган: непередаваемый, неопишуемый, словно она прожила в

подвале много лет, и это был единственный раз, когда удалось вырваться на свободу. Чистая случайность.

— Помогите! — закричала Венди, добегая до начала последнего переулка. Это было больше половины пути, даже лучше — оставалось меньше четверти. — Помогите, пожалуйста!

Оставалось три окна, и проём заканчивался. Впереди была площадь Семи Соединений, а там забегаловки, вечерние зеваки, пусть даже любители выпить перед сном. Кем бы они ни были, важно, сколько этих людей там. А по вечерам и даже ночам людей возле парка развлечений хватало. Чей-то домишко остался позади, и осталось лишь два окна.

— Стой, сказала!

Нерра кричала громко и запугивала своим голосом. Но она была далеко. Ещё даже до последнего переулка не пробежала, хотя и чувствовалось, как её тёмные лапы тянутся с огромной скоростью. Но они не успеют, просто физически не успеют.

Одно окно, а потом финальный рывок. Узкое пространство почти осталось позади; ещё раз раздался крик о помощи. Её окинула взглядом лишь пара проходящих мимо человек. Шагу они не сбавили.

И только последнее окно осталось позади, только переулок кончился, она налетела на тёмное пятно, что стояло за углом, и упала. Одной лишь рукой он свёл всю скорость на нет. Пальцы сдавливали горло и мешали сказать хоть что-то.

На них покосилась пара прохожих, краем уха подслушивая происходящее. У этих людей было не так много времени, чтобы останавливаться и выяснять в чём дело. На ноги Венди падал свет от фонаря, верхняя же часть туловища находилась между двумя стенами, там, где кончается узкий переулок. Руки девушки вцепились в крепкие пальцы, но не получилось вырваться. Тогда она посмотрела на прохожих. Те тут же увели взгляд.

Позади, на расстоянии вытянутой руки, послышалась Нерра. Она взяла Венди за волосы и быстро потащила внутрь переулка, в самый его центр. Дарко убрал руку.

— Я объясню. Стойте, дайте мне несколько секунд, — взмолилась Венди, когда уже не было смысла кричать.

Нерра швырнула её на пол и со всего размаха ударила в щёку. Потом на неё налетело ещё четыре человека, друг за другом. Остальным просто не осталось места — так много людей, что и ногой не дотянуться. Сейчас не сдерживался даже Дарко, который обычно стоял в стороне.

Пришлось скрутиться и съёжиться. Захотелось уменьшиться до размера, чтобы они её не нашли. Чтобы не чувствовать удары биты, чтобы её перестали тянуть за волосы и убрали свои ноги.

В какой-то момент телу стало слишком больно сопротивляться. Оно поломалось. Венди чувствовала, как с ним делают то, что хотят. Удар за ударом, от которых невозможно увернуться. Дарко, человек, что обычно был лишь тёмным пятном, вмиг превратился в самую настоящую чёрную дыру.

— Я выжгу тебя. Я заберу самое дорогое, Венди. Я лишу тебя намного большего, чем лишила меня ты.

Он кричал и не стеснялся быть услышанным всеми, кто ошивался вокруг. Не всегда какие-то слова, иногда это были просто крики в ухо, которые вдавливали искалеченное тело в землю.

— Ты — мертва. Уже мертва! Теперь у тебя нет будущего!

Он выругался и начал поднимать лежащее тело за одежду. Просьбы и звуки никак не связывались в слова. Отдышки, крики, кашель и резкие вздохи мешали произнести что-то членораздельное. Дарко помогли, и вскоре рот Венди закрыла чья-то ладонь.

— Заткнись, — прорычал он. — Исчезай шёпотом.

Вместе со словами он изрыгал желчь. Такая злоба, когда обнажаются зубы, и ему становится хорошо от мерзости всего происходящего. Нерра помогла, и тело Венди словно зависло в воздухе, только какой-то бортик очень давил на затылок. Из мусорного контейнера доносилась страшная вонь.

— Тебя больше не существует. Торакс поужинал тобой, — сказал он и снова выругался.

Ему помог Бриккт и ещё три человека. Невозможно было зацепиться ногтями ни за крышку, ни за стенки. Последнее, что случилось под луной в этот момент, — тошнотворная боль в затылке. Кто-то переусердствовал.

Мусорник был наполовину заполнен большими пакетами. В нос ударил отвратительный запах настолько, что обжёг горло. Венди закричала, и от этого звука тело пронзила энергия. Она попыталась открыть крышку изнутри, но её прижимали те, кто стоял по ту сторону. Ещё один вдох, и приступ тошноты подступил к самому горлу. Ещё один рывок, и она упала на слой мусора, став его частью. Верх перепутался с низом, и уже не было понятно, в какую сторону нужно толкать, чтобы появилась хоть небольшая щель. Ладони начали стучать по всему, до чего можно было дотянуться.

Чувство несправедливости и весь урожай обиды теперь перерастали в ещё большую физическую боль. Ногти впились в

волосы и, вдавливаясь в кожу настолько сильно, насколько это было возможно, болезненными движениями двинулись вниз. Венди вдохнула в лёгкие застоявшийся запах затхлости. Когда она уже готова было завопить что есть силы, когда хотела издать финальный рвущийся звук, она заплакала. Грязные ладони прикрыли глаза, и она не сдерживала слёз. Пальцы до боли давили на лоб и виски. Всё тело словно поразила одна большая судорога — попытайся разогнуть хоть мизинец, и он бы сломался. Тело словно пыталось сбежать само из себя: руки отторгали пальцы, лёгкие отказывались расширяться снова, а мышцы забыли, как расслабляться.

Ораву снаружи заглушила другая. Послышался агрессивный вопль из целой кучи голосов, что пытался утратить. На крышку бака перестали давить, и тоненькая полоса света разрешила темноту на две части. Крики и топот десятков ног били по ушам даже сквозь пластик. «Цикл» рванул за Хтоникой и пронёсся мимо. Буря становилась дальше и дальше, а потом совсем стихла. Руки Венди отпрянули от лица и вяло толкнули крышку. Хотелось просто коснуться волшебного света, который уже успел стать чужим.

Крышка отъехала с невероятной лёгкостью, стоило только легонько, но правильно надавить. Ночной свет казался страшным, а воздух — человеческим. Им мог дышать любой, даже самый бедный и обездоленный. В нём примесь гниения и увядания, душный запах еды, но даже так — это и кислород, без которого человек не может. А там, за закрытой крышкой, этой жизни не было.

Сил аккуратно выбраться из контейнера не хватило, и он перевернулся. Рядом рассыпались завязанные пакеты нескольких цветов. Картина такой и осталась: лежащий на асфальте человек с разбросанными пакетами вокруг. Узкая безлюдная улица, красное пятнышко из-под головы и хаотично расположенный мусор — всё это было второстепенными деталями, в которых пришлось оказаться.

Она практически не меняла положения, просто лежала с открытыми глазами. Только раз двинула рукой, чтобы подтянуть к себе один из белых полупрозрачных пакетов. Её ладонь нащупала нужное, и она опять заплакала, но уже тихо. Так, как плачут, когда уже всё кончилось, а начинаться нечему.

Пальцы сплелись в замок с другими, которые были по ту сторону пакета. Венди не чувствовала тепла, но представляла его. Воображала целую руку и продолжение тела. Она обняла кулёк и крепко сжала одинокую ладонь. Содержимое внутри казалось лишь немного теплее, чем асфальт, но запросто представлялось целое горячее ядро, от которого отделял только полиэтилен.

Не получалось перестать плакать. Внутри проснулось нечто такое, что прячется до какой-то поры, а потом с чудовищной скоростью таранит самые болезненные места. Когда даже от мертворождённого и изначально безжизненного хочется получать тепло. Когда хочется поверить, что даже в самом неизменном и глубоком зле есть что-то, что можно назвать лучиком. И слёзы катятся от того, что ни первое, ни второе не имеют шанса. Правы оказались люди, которые это понимали и оставляли короткие надписи по всему городу. В самый последний момент, когда ломается что-то куда более хрупкое, чем позвоночник, они находят слова. Тогда даже чужая отрубленная рука в пакете, сплетённая с твоей, — это уже сокровенное счастье, которое хочется выразить.

— Я скучаю, — прошептала Венди и, заплакав ещё сильнее, съёжилась. — Я очень скучаю по тебе, мама.

Глава 20. Ветер в голове и земля под ногами

На следующее утро солнце озарило город. Какая это редкость для него: не слоняться за облаками, не светить вполсилы, а взойти над Тораксом полноценной звездой. Лучи падали на Венди и были такими же застывшими, как и её взгляд. Ни у лучей, ни у лежащего человека не было мысли о том, чтобы сдвинуться с места.

Вокруг кружило немного людей и те издавали глухие слабые звуки, как под водой — о чём-то, видать, говорили. Заслоняли собой лучики, не знали, что делать, но прикоснуться к телу не решались. Среди них был и человек, который ездил по близлежащим клокам и убирал мусор.

Мужчина перевернул Венди, а она всё смотрела сквозь него. Дузовику, конечно, лучше было с бородой. Они давно не общались, да и она всё забывала сказать при встрече. Просто ухаживать нужно, расчёсывать почаще. Если когда-то получится, нужно будет ему специальный лосьон подарить.

Удивительно, но, несмотря на разбитое тело, на спине лежалось легче. Венди протянула руку, чтобы тот помог встать, и в ответ услышала:

— Что случилось, Венди? Кто это сделал?

«Что же ты суетишься, наивный? — хотелось ответить, будь в ней побольше сил и времени на болтовню. — Отомстить за меня вздумал?».

Дузовик помог ей встать и придерживал как мог. Если смотреть на боль и повреждения здраво, то проблемы были серьёзными: что-то не то было с правой ногой, грудной клеткой, одной из ключиц и затылком. Все остальные части просто очень болели и ныли. Потому нужно смотреть не здраво, иначе паника доведёт дело до конца и умертвит безобразное тело. Искажённый взгляд на вещи порой просто необходим.

— Отведи... — тихонько попросила Венди. — Домой.

— Венди, тебе нужно в больницу. У тебя есть документы с собой? Что вообще произошло? Ты вышла ночью, и на тебя напали?

— Пожалуйста, домой. Умоляю. Тут близко. Умоляю.

— Ну зачем тебе сейчас домой? Ты меня слышишь? Ты можешь мне сказать?

Никакого ответа он не дождался. Мужчина только раздражённо ойкнул, но поторопился, лишь бы не терять время. Дузовику вызвался помочь какой-то робкий парень и взял Венди под другую руку. Она передвигала ногами, но опираться пыталась на левую. Сзади, по шее и спине текла кровь, но Венди чуть оцетинивалась, чтобы промокнуть струйку воротом. Она всё ещё чувствовала запах мусора. Тошнило и от него, и от физического состояния.

Едва удавалось замечать, как люди провожают их взглядом. Их было немного, и почти все обходили стороной. Когда все трое пришли, парень оставил их — ему нужно было срочно бежать. Дузовик же начал читать эмиронские молитвы на непонятном языке, но остался ждать снаружи.

Дверь в дом была сорвана с петель. Венди шагнула внутрь и увидела совершенно ожидаемый хаос. Всё внутри было порвано, разбито или перевёрнуто. Настоящая катастрофа, что залетела внутрь и сожрала каждый уголок. Стёкла были выбиты, и сквозняк сам провозгласил себя хозяином этого дома.

Единственный шкаф был распилен пополам: пропали полностью все деньги, только несколько бесполезных монет были разбросаны по полу. А справа от неё, в шаге от разломанной кровати, лежал человек с застывшим на лице выражением испуга. Самая яркая эмоция, которая коснулась его за последние джаэ. Но даже с ней он был ещё мертвее, чем до этого. Венди увела взгляд — даже сейчас на это было смотреть невыносимо и страшно.

Она сделала пару шагов к своему подоконнику. Любимого ловца снова разломали пополам. Дрожащие ладони закрыли лицо от ветра, что залетал и залетал внутрь. Стало ещё холоднее, чем было.

Что дом, что всё за его пределами, было окутано какой-то слишком грустной, медленно отбивающей ритм романтикой, которую не понять здоровым умом и человеческим сердцем. Тихо, будто всю ночь летели и падали бомбы, звучали выстрелы, а сейчас всё прекратилось. Война проигранная, но, наконец, законченная. Ноги онемели. Голова не понимала, что происходит. Венди села под подоконником и, взяв с пола длинный оранжевый хлебец, медленно начала крутить его в руках.

Мысли о всём происходящем вокруг казались настолько недостижимыми, настолько многочисленными, что разум просто отказывался воспринимать их по отдельности. Что-то большое и

ядовитое витало вокруг — там ему и оставаться. Там, а не в голове. Порезы и удары, мысли о матери и ком-то другом, не менее близком, застывший человек у кровати и холод, от которого негде было прятаться — всё это просто-напросто декаданс, который ни постигнуть, ни предотвратить.

Поэтому хотелось думать проще, ведь вещи посложнее было просто не осилить. Подумать только, хлебец в руках пах сыром и был идеальной прямоугольной формы, ни одного надлома. Стало непросто поверить в то, что он уцелел этой ночью. Пожалуй, самое полноценное, что сейчас находилось в этом доме, пусть это и просто кусочек еды. Из-за этой нелепой мысли стало не по себе. Взыграла настоящая зависть, и дело тут было не в том, что человек сравнивал себя с едой. Огорчало само понимание, что чёрствому куску хлеба в самый нужный момент повезло куда больше, чем ей или её отцу. Растопчи они этот хлебец в крошки, вымести на нём всю злобу, и, может быть, хоть немного, хоть совсем чуть-чуть, но стало бы лучше. Но они выбрали лежачего просто потому, что человек в первую очередь бросается на другого человека, не важно, может он дать отпор или нет. Даже если тот такой же сухой и неподвижный, как соломенный брикет.

Впервые за всё время захотелось, чтобы из лёгких вылетал дым. По правде, подошло бы что угодно, чтобы разбавить картину. Даже пар из-за холода сгодился бы, но ничего не было. Поэтому Венди просто смотрела в потолок. Смотрела и смотрела, потому что спешить было совсем некуда. Веки медленно закрывались, секунда, и снова глаза видели всю ту же картину.

Рука потянулась к закрытой бутылке, которая лежала неподалёку. Колпачок щёлкнул, и из него на хлебец полилась густая жидкость, которая первые несколько секунд приятно пахла. Венди изменяла угол наклона, чтобы бальзам попал на каждую частичку хлеба. Чужеродная масса стекала по пальцам вниз, в рукав. Вязкие движения были такими медленными и завораживающими, что это не ощущалось противным. Будто мёд с летальным исходом, что имел невероятно приятный запах. В конце концов хлебец и пальцы покрыл бальзам. Он впитывался в еду, а она будто расцветала и насыщалась красками.

Венди откусила большой кусок. Вкус хлеба едва ощущался, будто мякиш, вымокший в сладком мазуте. Укус за укусом, она съела его, а затем выпила весь флакон бальзама, до самой последней капли. Хотелось, чтобы стало теплее, но по горлу будто потёк жидкий лёд.

И пока она осознанно глотала смерть, взгляд упал на металлический колокольчик, что лежал в углу комнаты. Целый не потому, что повезло, а потому, что не согнуть темноте такой прочный металл. Пришлось потратить чуть ли не все силы, чтобы дотянуться. Пальцы сжали подарок: все такой же прекрасный и холодный, как раньше. Ему хотелось сказать так много, сколько близкому человеку не всегда выскажешь. Цветок нырнул в карман — не мог он остаться здесь. Не его место и не его участь.

Венди отвернулась, и на глаза попались ещё несколько флаконов, валяющихся по разным углам комнаты. Она спустилась и собрала все, что смогла найти. Открутила крышку первого и вылила его на стену, оставив большое пятно. Одна за другой, баночки открывались, а их содержимое выливалось на стенку квартиры. Хватило только на то, чтобы залить одну сторону, но так, чтобы бальзам можно было хоть слизывать.

Спички было найти несложно. Целая сотня лежала в раздавленной коробке, почти все из них переломались. Венди выбрала самую длинную и целую — ещё одна счастливица, оставшаяся без травм. Она встала перед стеной, и первое, что захотелось сделать, — глотнуть горящую спичку, чтобы согреться изнутри. Огонь станет дорожкой, что побежит по гортани и сделает её светлячком.

Но руки поступили по-своему. Спичка загорелась и полетела к обоям. Вспыхнула практически вся стена сразу. Перед ней ожила целая стихия: не хрупкая, не ищущая компромиссов. Она должна была сожрать всё, что застряло в четырёх стенах. Венди знала, что пламя доведёт дело до конца. Захотелось лечь на пол и уставиться в потолок, пока ярко-оранжевый резвится.

Но и ноги поступили иначе. Каждый шаг казался мучительным, будто она наступала на длинные ядовитые шипы. Чего только стоило не остановиться, когда рядом показался отец. Реши она только на прощание прикоснуться, и сил встать уже не хватит. Прильнёт и останется с ним. Поэтому Венди даже не остановилась, даже не посмотрела в его сторону, задушив остатки чувств.

Ещё шаг, и она миновала дверной проём. Сзади был огонь, но как же хотелось, чтобы он поселился в ней самой.

* * *

Перила и Дузовик помогали не упасть. Ступенька за ступенькой, а всё равно тошно. Без резких движений — это самое главное. Одежда, да и всё тело противно воняли, и ты хоть голову задирай, а смрад не

пропадал. Запах мусора везде одинаковый — этот мерзкий сладко-режущий душок. Едкий и вызывающий головокружение.

Венди села на ступеньку и упёрлась ладонью в лоб. Покрутила и понюхала цветок. Практически без запаха, потому душок перебить не получилось. Не так много осталось. Не так много.

Пока Дузовик трезвонил и стучал по двери, оставалось ждать. Думать о собаках, кучевых облаках, крепком сне или чае, да о чём угодно. Просто скоротать секунды. Тело болело, что кошмар, но затылок был вообще вне конкуренции. Чувство, что кусок головы отрезали без анестезии, и теперь там открытая рана.

— Кто?!

Так говорят, а затем смотрят в глазок. Зачем задают такие вопросы? Ты либо узнаешь, либо не узнаешь человека. И только потом, если увидишь незнакомую мину, можно голосить со своим «кто?». Хотя это пустяк, по правде. Но о пустяках думается легче всего.

— Быстро открывай! — начал злиться Дузовик. — Свои!

Дверь открылась. Реакция лишняя, хоть и приятная.

— Венди?..

Риннэст больше ничего и не мог сказать. Правильно. Когда картина слишком неузнаваемая, то и слова не находятся. Люди открывают рты, ждут объяснений. Это нормально, обычная человеческая реакция. Просто пришла-то она за другим. Хорошо, что есть тот, кто развеет неуместное молчание.

— Быстро, мать его! Быстро вызовите доктора и спросите, какие таблетки нужно купить.

— Мать моя, Дузовик. Что с ней произошло? Я...

Он обошёл девушку и помог ей. Придерживал за руку и куда-то вёл.

— Без лишнего шума, пожалуйста, — проямлила Венди. — Сейчас нужен только Родрих.

— Так, Венди, — в порыве бросил риннэст. — Свой характер и комплексы оставишь на потом. Сейчас просто держись. Ничего не говори, прошу тебя. Просто немного подожди. Родрих! Родрих!

Мужчина протарабанил ногами и выбежал из комнаты. Весь взъерошенный и с испуганным лицом. Как же быстро говорили эти трое, кошмар. Венди за ними не успевала.

— Ветеринары умеют лечить людей?

— Я не знаю, что с ней, Фельш.

— Её нужно на кровать.

— На кушетку. Нужно осматривать.

— В семнадцатую?

— Да. Венди, хорошая моя, держись, пожалуйста.

Она кивнула. Куда деваться? До этого момента ведь продержалась, наивные.

— Отмыть?

— Отмыть потом, Фельш. Дузовик, — врач быстро выписывал слова на бумаге. — Пулей, просто пулей за антибиотиками. Вот препараты, а внизу адрес лавки.

Тот схватил листик, нырнул за деньгами и вылетел из гостиницы.

— Там у тебя в этом собачатнике всё есть?

— Да. У неё затылок разбит, но кровь остановилась. Однозначно нужно осматривать. Однозначно.

Жители слышали суету и выбегали из комнат. Венди съёжилась и наклонила голову, будто хотела стать хоть чуть менее заметной. А те окликали что Родриха, что риннэста. И если первый просто холодно игнорировал, то второй стал таким сварливым ворчуном, который не постеснялся произнести и пару ругательств. Он заслонял девушку и не разрешал приближаться.

— Нечего смотреть, а ну, в комнаты марш! Сувитра, а ну, не мешай.

Под шум они забрели в маленькую комнатку с кучей полок и полотенец.

— Так... Так, что сделать, Род?

— Не впускайте никого, пожалуйста, — вяло попросила Венди.

— Хорошая моя, обещаю, что из местных ни одна живая душа, кроме меня, сюда не зайдёт, пока тебе не станет лучше. Но я вызову одного человека, врача. Без него — никак.

Девушка натянуто улыбнулась, но очень хотелось, чтобы улыбка была настоящей. Он будто передумал и принял её сторону. Меньше людей. Действительно, не лучший случай для разговоров и встреч. И вид. Вид совсем паршивый.

— Спасибо.

— Я нужен?

— Нет, Фельш.

— Тогда я выйду. Зови меня, если что. Вот просто открывай дверь и ори всюю.

Родрих был сосредоточен на своём. Он мотнул головой и уже принялся что-то искать на одной из полок. Риннэст кивнул Венди, а она ему. Тот вышел.

— Если сюда кто-то зайдёт — выселю его ко всем баранам, поняли? — послышалось снаружи, а потом голос стал тише. Слов не разобрать.

В сторону полетело всё вонючее и грязное тряпье. Венди просто лежала с закрытыми глазами. Раздери её дьявол, наконец, не нужно

держаться на ногах. Родрих не говорил, только дал выпить таблетку, чтобы поклонилось в сон. Так легче работать.

Венди подумала, что иронично всё это. Она столько времени глушила таблетки, чтобы бодрствовать, а теперь пила снотворное. Странное тело со странным расписанием сна. Когда она засыпала, мысли крутились вокруг совсем странных вещей. Ёж облизывает свои иголки, а потом выплёвывает на спину пену. Почему-то эта мысль приходила всегда совершенно не вовремя.

* * *

И вот оно, чувство, словно в затылок вставили кусок льда. Холодно, но не болит. Уже этот факт сам по себе — победа. Может, слегка оптимистично, но состояние всего остального тела можно было назвать сносным. Риннэст был здесь, Родрих же куда-то ушёл.

— Я, кстати, никогда не знала, как вас зовут. Риннэст и риннэст.

— Брось ты, не до того сейчас. Как чувствуешь себя?

— Голова печёт. Но не болит.

— Тебя лечил хороший друг Родриха. Хороший врач, но человек необычный.

— Необычный?

— Он обладает колдовством. Какой-то энергией, как он нам рассказал. Я во всякие такие энергии верю слабо, поэтому для меня такие люди... Ладно, пустое. Вот. — Он показал на тарелку на табуретке. — От Сувитры. Покормить тебя?

— Можно сначала в ванную?

— Она покупает одежду. Тебе же не во что переодеться, Венди.

— М-м-м... — простонала она в знак согласия. — Поем только после ванной. Чувствую себя...

Венди не нашла подходящего слова и смолчала. Сначала хотела описать это грубо, чтобы точно поняли, но не стала.

— Что с тобой случилось?

Девушка смотрела в одну точку. Даже не приоткрыла рот, сколько бы он не ждал.

— Я понимаю. Извини. Главное, что ты пришла.

Венди промолчала.

— Твой сувенир я положил в комнату.

Она вопросительно глянула на мужчину.

— Ну, не здесь же тебе спать ночью? Там свободно, не переживай. Тоузитс согласился ночевать у меня.

— Сувенир, — оставалось только мычать.

— А-а, прости. Твой цветок. Я так понимаю, это не просто безделушка.

Девушка кивнула. Цветочек в порядке — это очень, очень хорошая новость.

— Моника знает?

Венди снова не ответила.

— Вы... — Риннэст устало выдохнул и встал. — Ладно, отдыхай. Извини.

* * *

Сколько же всего унесла вода в канализацию. С Венди будто смылся целый слой мерзости: отпечатки подошв, кровь, запах мусора, грязь на теле, пот, волосы и даже немного страха. Сгустки чёрного цвета — такой кровь быть не должна, какими бы серьёзными не были раны. Казалось, всё уже осталось позади, но в её теле до сих пор жило что-то инородное и опасное. Ещё обитающее в крови, но, наверно, вытекшее из сознания. Это казалось несправедливым — пройти так много, чтобы до сих пор шараться чёрного цвета.

Находило что-то большое и трагичное, но до сердца добраться не могло — то ли вода смывала и грузные мысли, то ли чувства были притуплены настолько, что им не отдаться было.

Когда тело стало чистым, Венди просто села. Чувствовала, как капельки падают на голову, как спина, хоть и болит, но согревается под горячим потоком. Сгибала и разгибала пальцы. Смотрела, как руки дрожат на весу. Легонько давила сначала на болезненные места, а потом рядом, где всё было в порядке. Прятала лицо за ладонями. Чувствовала, как тело пытается справиться, как начало затягиваться то, что казалось неизлечимым.

Вода наводила на мысли — не сложные, но многочисленные. И если бы её кто-то спросил, о чём именно Венди думала, она бы ответила так же, как и Риннэсту, — молчанием. Троеточие — иногда более искреннего ответа просто не найти. Куда более искреннего, чем способна выразить многословность, если задуматься.

* * *

Через пару дней Венди увиделась с остальными. Тело ныло и болело, но это состояние и близко не стояло с тем, в каком она сюда явилась. Всё заживало быстрее, чем должно, но даже так, важно было набираться сил. Венди пару раз общалась с другом Родриха, и ничего колдовского в нём не было — просто носитель амарантина, как и она. Избрал себе человек неестественный путь — оберегать здоровье и жизнь человека в городе, где принято их отнимать. Избрал и пошёл по нему, несмотря на всё. Как человек он ей не раскрылся, да и она того не искала. Взаимовыгодный обмен вышел — врач ей жизнь спас, а Венди тем самым напомнила, что дорога его не безнадёжна и не глупа. На том и разминулись.

Она могла сама есть, могла выходить в коридор и медленно разговаривать. День проходил под покровом простодушных бесед, а перед сном Венди искала нужную тропу. Пусть и без асабикеши, все восемь ночей стали попытками докричаться. Неясно только, получалось или нет. Никто не приходил в сон, а когда Венди искала тропу, та ощущалась настолько длинной, что конца-края не было видно. Непонятно, где завершалась тянущаяся нить, но совсем, совсем не рядом.

— Живай быстрее, глупое тело, — думала Венди каждый раз перед сном. — У меня совсем мало времени.

В гостинице было спокойно. Спокойствие залечивало раны не хуже мазей, просто они были другими. Атмосфера этого места давала сил бороться и за физическое состояние. Получалось ходить, спокойно двигать пальцами и забыть о боли. Нужна была золотая середина, чтобы всё вышло не безрассудно, а своевременно. Такую середину Венди умела найти, но преподнести другим — никак.

— Всё, риннэст.

— О чём ты?

— Мне нужно уходить.

— Ну да, — подыграл тот. — Набегаешься с детьми — кричи, я вынесу вам попить.

— Кричать я не буду.

По её тону мужчина понял, что шутка его была не к месту.

— Ты это всерьёз, Венди? Куда, куда уходить? Мы тебе планировали кровать купить.

- Не жить же мне здесь, с вами.
- Это совсем не проблема. Здесь найдётся место.
- Фельш, — выдохнула девушка, — прекращайте. Это ваше место, но не моё. Нужно идти.
- Ну... — он растерянно кивнул. — Отговорить не получится? Может, какая-то помощь нужна? Деньги-то давай хоть дам.
- Мелочёвку разве что. Мне незачем много.
- И куда ты с этой мелочвкой пойдёшь? Да ты с ума сошла? Венди, у тебя ещё голова не зажила!

Она понимала весь наплыв его чувств. Понимала, что не найдёт слов, когда об уходе спросят другие, понимала, что не поймут ухода без прощания. Сколько раз риннэст запнётся, скажет, что не знает подробностей и будет жалеть о своём решении. Такой он — против воли её не пойдёт, но стократ пожалеет об этом. Только Венди в себе почему-то была уверена. Если уж и в этот раз пропадёт, значит, не её это — жить.

Потому она обняла своего друга и пожалела, что не имеет права обнять других. Здесь было не до общего прощания, радостных объятий и выкриков о счастливой дороге. Венди будет верить, что они справятся, и на то же надеялась со стороны близких ей людей. Пусть просто верят в неё своими искренними сердцами.

— Хотя бы куда, дорогая моя? Скажи хоть, куда ты пойдёшь без денег?

— Меня ждут родители. К ним и пойду.

* * *

В Тораксе похороны никогда не были обрядом, и никто не провожал умершего ни в один из миров. В плане ритуалов здесь вообще было туго, вне зависимости от повода.

На севере Эмиронии считали иначе: важны последние слова и мысли. Так говорилось в одной из книг, и эта идея была близка Венди. Что сначала в урне поселяется образ человека, а затем забирает с собой услышанные напоследок слова. Главное — не напортачить тому, кто жив. Шанса проверить или опровергнуть — никакого, но всяко лучше, чем совсем отключить воображение. Сейчас этот крохотный шанс был ей нужен, как никогда.

Венди стояла на коленях далеко от центра Торакса, далеко от людей и там, куда даже асфальт не доставал. Перед глазами были две

круглые неглубокие ямы. По сторонам две совсем крохотные урны. Одна из них оказалась в руках, крышка лежала рядом.

Пока ни одно слово не приходило в голову, но мысли собирались в клубочек. Руки были холодными, но в этот раз не хотелось их греть. Может, уже и не согреются.

В голове всплыл образ: окрепший мужчина в очках и рубашке с ромбами. Почему-то её Венди запомнила навсегда. По утрам он легонько шлёпал себя по щекам, чтобы поскорее проснуться. И очень хорошо разбирался в растениях. Мог вывести из любой рощи, это точно.

И тот морщинистый, тоже он. Рубашка до сих пор выглядела как новенькая, а человек — уже нет. Начал плохо ходить, часто скрипеть зубами во сне и забывать все свежие события. Бросил растения и перестал шлёпать себя по щекам, чтобы сон ушёл. Вместо этого он погрузился в него. Перестал радоваться рощам. Перестал радоваться прогулкам. Перестал радоваться. Никакой это не урод. Не мерзкий и не отвратительный. Он очень слабый и испуганный, с кучей переломанных дров за спиной, но не животное, которое нужно пинать ногами. Папа остаётся папой.

— Спасибо, — произнесла Венди, — что твоё сердце никогда не покрывалось грязью. Хотя оно и едва впускало свет. Но ни одного грязного слова, которых я тебе сказала так много, что и не сосчитать.

Пальцы крепче вжались в ручки, и Венди закрыла глаза. Тело ещё болело, но это элементарная боль, которой нужно несколько дней, чтобы пройти. По-настоящему неприятно стало сейчас, и синяки были ни при чём.

— Папа, спасибо, что не оставил меня одну. Я слышала, как ты ходишь, бормочешь или говоришь со мной, пока находилась дома. Я слышала, что не заперта одна внутри пустой коробки. Ты вытолкнул меня из кошмара, из которого сам выбраться не смог.

Венди сжала зубы и задумалась. Она произнесла слова и почувствовала, что не кривит душой. Это согрело.

— Спасибо, что спас от одиночества. Я люблю тебя, папа.

Она медленно закрыла урну и провернула колпачок. Приспособление оказалось в земле. Яму тут же засыпала горка почвы.

Мандраж брал. Никак нельзя было сдвинуться. Совсем не сразу вышло переместиться влево, ко второй яме. Взять последнюю урну и справиться с собой.

Она была будто раскалённой, хотя это — без сомнений игра воображения. Венди смотрела на свои руки и видела, как те дрожат, будто огромный кирпич держат. Образы вспоминались в деталях.

Что-то очень личное и невинное, чтобы делиться даже с самой собой. Вспыхнула картина, как по пальцу ребёнка ползла божья коровка. Никуда не спешила и не улетала. Такая маленькая жизнь, но было грустно от того, что она может удариться о дерево и погибнуть. Женщина с запахом цветов говорила, что насекомое ползёт не просто так. Не нужно его обижать, потому что где-то есть божьи телята, которые её ждут. Говорила, что букашку могут съесть ежи или унести ветер, но раздави ты её сейчас, и у неё не будет шанса. Ни спрятаться от колючих хищников, ни переждать ураган, чтобы прилететь домой.

Тогда Венди испугалась и подняла палец вверх, пока хорошая погода и не видно ежей. Жучок улетел.

Воспоминание за воспоминанием. Не всегда картинки, не всегда даже длинные беседы. Иногда роль играло даже то, как она смотрела. По-настоящему, будто вот-вот весь мир обещала показать.

— Мама...

Это пауза сдержанности, а не ком в горле. Это пауза ради осознанных слов, которых она, может, ждёт. Которых ждёт Венди сама от себя. Ни в коем случае не надлом. Сколько бы усилий не потребовалось, слова не останутся внутри.

— Мама, — на пару секунд она крепко сжала губы. — Спасибо за то, что заложила в меня лучшее. Не просто показала его, а всецело дала. Ты положила это внутрь меня и как-то смогла оживить. Прости за то, что мне плохо удалось это сохранить. Спасибо, что в детстве я могла вдыхать запах колокольчиков, а не грязных улиц. Я забыла, как пахнут цветы, которые ты выращивала, но я клянусь...

Просто два дрожащих вдоха и выдоха. Это ведь не слабость.

— Я обещаю, что постараюсь вспомнить их запах. Мама. Металлический колокольчик — это всё, что у меня осталось. Но чудо, которым ты меня наделила, со мной, пока он звенит. Я хочу слышать его, а не как плачут люди.

Крышка почти накрыла урну. Кажется, северный народ Эмирони что-то, да знал. Даже если это чувство не имеет ничего общего с реальностью, оно стоит того, чтобы найти нужные слова. Сидишь и понимаешь, что не один. Может, тебя пытается поддержать почва под ногами, может, трава приятно пахнет только для того, чтобы ты не упал замертво. Может, ушедшие и правда слышат, пусть даже одни обрывистые и отдельные звуки. Есть шанс, что узнают по голосу или почувствуют тепло, исходящее при выдохе.

— Я люблю тебя, мама.

Крышка легла поверх, и урна оказалась в яме. Земля сделала своё дело и накрыла её. Моросило едва-едва, совсем не дотягивало до

дождя. Мелюзга, а не капли. Может, природа тоже пыталась сдержать шквал эмоций. Венди почему-то нравилось думать об этом. Не одна она такая.

— Держись. Не плач, — девушка подняла голову и обратилась к небу. — У меня тут всё тоже серьёзно.

Как в тех сказках, которые ей писала мама. Где даже божья коровка могла понять, о чём ей говорила молния, и наоборот. У Венди остался последний друг, которого она достала и ласково сжала пальцами. Холодный металлический колокольчик с острым стебельком — как же всё-таки легко он мог пронзить человеческое сердце.

Глава 21. Веди меня, моя доминанта

Отмычка отперла замок, и дверь открылась.

— Здравствуйте-здравствуйте! Есть кто дома? — в шутку крикнула Нерра, и здоровяк тут же пнул её в плечо.

Она шагнула внутрь, а за ней — все остальные. Следующего упрёка не последовало — достаточно было обратить внимание на мягкий свет с другой комнаты. Можно было поиграть в кошки-мышки: шаг, и испуганный человек всё слышит, даже если спрятался. Ещё шаг.

— Ну, где же ты, хороший? — протянула Нерра.

Ей, конечно, не ответят. Но услышат тон и поймут, что она не боится. Очень быстро можно понять, кто здесь главный. Кто не дрожит, тот и прав. Нерра любила растягивать такие моменты. Мягкий шажок, и она вошла в комнату, откуда горел свет.

Комната была заставлена целой кучей маленьких огненных язычков. Свечи разного размера стояли на полу, кровати, полках и подоконнике. Они окрашивали стены и потолок в сонно-оранжевый.

— Вот так да. Сектанты какие-то? Шизоиды.

Дарко то ли просто отмахнулся, то ли жестом приказал замолчать. Лидер пытался и прислушаться, нет ли кого в комнате, и в то же время найти взглядом что-то особенное, что-то помимо целых рядов свеч. Он шагнул к центру, и взгляды остальных не отлипали от него ни на секунду. Переступив маленькие восковые башенки, он оказался практически посередине, где свечей не было. Ноги подкосились, и все трое упали практически одновременно. Непередаваемая вялость и едва ощутимые покалывания окутали всё тело.

Фигура подошла сначала к девушке и перевернула её на спину. Их взгляды пересеклись, но ни один из них не поменялся. Встретились два человека, силы которых были совершенно неравными. Нерра что было сил попыталась разжать зубы. Человек перед ней опустился на колени и посмотрел с таким холодом, который раньше никогда не читался во взгляде. Он едва улыбнулся, но даже это получилось через силу. Указательный палец коснулся губ Нерры, и тело будто стало врагом. Нижняя челюсть медленно выдвинулась вперёд, а затем зубы

начали медленно сжиматься. Не спеша, но словно пресс, который должен любой ценой справиться со своей задачей. Зубы начали давить друг на друга, сильнее и сильнее, пока что-то не щёлкнуло. Один за другим они начали трескаться и крошиться.

Для Нерры это был водоворот боли и страха. Страх, что с телом происходит что-то недопустимое, что оно вот-вот не вытерпит, что оно постепенно уродуется. Желание крикнуть тонуло в чём-то неподвластном, кажется, даже глаза оставались не испуганными, потому что им так приказали. А две челюсти давили друг на друга так сильно, как только могли. Пока мышцы не начало сводить от боли, пока не начало тошнить. А потом, когда палец оторвался от губ, всё прекратилось. Во рту остался привкус чего-то непоправимого и разрушенного. Человек повернул Нерру на бок, чтобы та не задохнулась. Не получалось умолять, ругаться или кричать. Беззвучное и неподвижное чудовище, оставшееся живым.

Все огоньки горели не для того, чтобы стало уютно. Язычки колыхались, чтобы Дарко и Венди видели друг друга. Она перевернула его на спину, и их взгляды соприкоснулись куда более крепко, чем с Неррой. Настала её очередь говорить и подбирать слова.

— Привет. Вот и наш последний монолог. Волнительно, правда?

Венди забросила ногу и села на лежащего сверху, упираясь коленями в пол. С этого ракурса было видно, что её глаза прикрыты, и она всё это время находится в состоянии помрачения. Её аромат горел куда ярче обычного.

— Вот ты называешь меня чудом. Но какое же я чудо, Дарко? Посмотри, посмотри на меня. Такая же мясорубка, как ты, нет? Точь-в-точь. Начала отбирать у детей сначала игрушки, а потом желание в них играть.

Своими ладонями она прикоснулась к щекам и начала нежно водить пальцами по лицу. В её касаниях не ощущалось даже зачатков злости.

— Ты меня как-то спросил, с кем я провожу свободное время. А я утаила, боялась, что разозлишься. А теперь страх куда-то делся. Так что знаешь, когда я была свободна, я проводила дни с удивительным человеком. Которого не берут зубцы и ножи этой прожорливой машины. Торакс пожевал-пожевал и выплюнул, представляешь? Поразительно, что у нашего города раскрошились зубы. Вот с кем я была.

Венди отвела руку и на ощупь достала из кармана флакончик. Крышка отлетела в сторону, и полужидкая масса полилась на живот лидера. Она оставляла за собой дорожку, двигаясь вверх, от живота

к лицу. Желе быстро таяло и впитывалось в одежду. Венди макнула палец в маленькую лужицу и провела от глаза вниз, вдоль носа. Будто засохшая слеза, что пахла неестественно и опасно.

— Мне до неё далеко. Но даже из таких, как мы, может вырасти что-то стоящее. Не верю я, что счастье пахнет кровью. Не может быть, что когда все вокруг плачут — это нормально. Не верю ни тебе, ни Тораксу. И всё это время не верила, но очень боялась сказать. Хотя, казалось бы, какие трудности? Какие тут могут быть трудности?

Венди продолжала рисовать линии на лице, доставая всё новые и новые флаконы из набитых карманов. Она вымочила сначала Дарко, а затем и свои волосы.

— Очень тяжело держать в руках что-то, что может сделать другого инвалидом. Вот так, по щелчку пальца. Но металл рассказал, что есть альтернатива. Я же всё-таки человек, находящий тропы, а не убийца.

Пальцы уже крутили зажигалку. Колёсико медленно проскальзывало. Осторожнее надо быть.

— Давай до самой последней секунды будем самими собой. Никаких ролей. Я ищу, ты убиваешь. Никак иначе. Тебе есть кого убивать. И мне есть кого искать. Только, пожалуйста, не путай роли. Ты набрасываешься на тех, кто хоть немного верит в лучшее. Запомнил? А я тянусь к этому «лучшему». Сейчас оно так далеко, что мне даже не по себе. Между нами уже не просто земля, а целое море. Пропась, которую я не преодолею. Я понимаю.

Щёлк. Появился оранжевый язычок, который покорно ждал. Но ему бы только повод, только каплю бальзама, и он не будет сдерживаться.

— Но пробегу, сколько смогу. Может, даже добегу до воды и растворюсь в ней. Шанс, на котором кончается история — это куда лучше романтики вашего вшивого городишки.

Девушка встала и ненадолго застыла. Смотрела на огонь, а не на Хтонику. Вроде всё время под руками был, а красота такая, будто в первый раз его увидела.

— Тоже, кстати, целая стихия. Поднесу к тебе и сожгу. Но зачем? Ты и так уголёк, Дарко. Тебе огонь уже давно ни по чём. А поднесу к себе — и загорюсь. Но ты же понимаешь, — улыбнулась она, — чтобы зажечь человека по-настоящему, никакие зажигалки не нужны. На себе проверила.

Венди закрыла зажигалку легким движением большого пальца и выронила её на пол. Девушка глубоко вдохнула, пару секунд оставалась неподвижной и пришла в себя. Выбежав из дома, она понеслась по теперь уже единственному существующему направлению — своей тропе.

* * *

Снова послышался вялый голос улиц. Венди вскоре выкинула его из головы и сосредоточилась только на нити, которая была видна всего на пару шагов вперёд. Этот побег был кардинально другим — здесь была цель. Она двигалась не вслепую, как в предыдущий раз.

Венди бежала совсем не быстро, потому что тело всё ещё болело. Минута, а уже захотелось сесть. А таких шагов ещё сотни, может, даже тысячи. Будет бежать до конца. Каждый шаг — это подвиг.

«Устаю, — подумала она. — Так мало прошла, а уже устаю».

И все же ноги держали как могли. Хтонику выбила всю жизнь из её тела, но не знала о человеке, который способен эту жизнь вернуть.

«Нужно просто идти. Просто идти и не останавливаться, — пронеслось в голове».

Она петляла, заворачивала за углы, ускорялась на открытых участках и всецело верила нити перед ней. Венди опиралась на грязные стены, переступала выбоины и то и дело врезалась в прохожих. Пусть кричат и смотрят вслед, пусть предлагают помощь или ставят подножки.

Не было конечной точки, лишь один момент впереди. Момент за моментом, шаг за шагом. Хтонике понадобится время, чтобы сдвинуться с места. Но и это не важно, ведь нить перед глазами была куда важнее угрозы за спиной.

«Не отдаляйся, — взмолилась девушка, но волю словам не дала. — Не улетай от меня».

Венди ускорила как могла. Неслась вперёд по улицам, спотыкаясь и опрокидывая предметы на пути. Это состояние полубреда, когда не замечаешь даже людей вокруг, только волосок, который, кажется, вот-вот растянется и оборвётся.

Там, на другой стороне, был силуэт, который она придумала, и ничего больше. Ничего, только надежда на интуицию и дрожь по всему телу.

«Пожалуйста, не отдаляйся. Не пропадай!»

Она пыталась пронести эти слова через горизонты вперёд, на ту сторону. Далеко впереди находилось море, но так хотелось верить, что хоть одно слово сможет преодолеть его. Пропадали мысли о том,

сколько ещё получится пробежать. Только жажда жизни и ощущение, что всё позади неё сгорает. И стоит остановиться, как вспыхнет и она.

«Не дай мне упасть. Пожалуйста. Будь рядом. Я найду тебя, я найду. Я найду тебя, я найду».

Она повторяла эти слова, чтобы успокоиться. Страшное предчувствие позади.

«Я найду тебя, я найду. Только не оставляй меня, пожалуйста!»

Венди пробежала под аркой со сломанными воротами. Ноги несли в сторону Гавани, но даже не думали останавливаться. И когда за спиной начали появляться чёрные пятна, в которых таились жала, пришла мысль, что они всё рассказали Дарко, и теперь он знает, где она. Жала не доставали до ног, не успевали уколоть и отнять жизнь, но моргающие глаза странных существ всё видели. Через них наблюдал за болотом и он — мрачная туча на вид и чёрная дыра по своей сути.

Дальше и дальше от города, на противоположный край болота. Ноги не успевали застрять в трясине, но передвигаться было тяжелее, чем по городу. Тропа перед глазами словно менялась в самый последний момент, ведя наиболее безопасным путём из всех. Иглы, что вот-вот готовы были вонзиться в кожу, так и не дотягивались. Спрятанные под тиной глубокие лужи удалось обойти стороной, как и глубокий пласт торфа. Венди ни разу не упала и даже не поскользнулась.

И только возникло чувство, что тропа помогает ей не застрять в Гавани навсегда, как она услышала крики далеко позади. Чем дальше она бежала, тем ближе были крики, тем больше становилось чёрных пятен под ногами. Жала начали появляться целыми скоплениями, потому пришлось следить за каждым шагом и вовремя реагировать на изменения направления нити перед глазами. Ни в коем случае нельзя было ждать, пока они оживут. Только что-то начинало шевелиться в маленькой луже, как Венди перепрыгивала её, следуя за последней надеждой.

«Пожалуйста, пожалуйста!»

Надеждой, что нить не порвётся и аромат её не обманул. Что дыхания и сил хватит. Что её не догонят раньше времени, а она не споткнётся в самый последний момент. Что не наступит на одну из

луж и не остановится, признав поражение. На территории врага она была хрупкой целью, но немного смелости и совсем немного сил, пожалуйста. Может, там и ничего, но главное — пробежать столько, сколько может себе позволить человек. Просто пусть силы не оставят её без предупреждения. Всё это заключалось в одном слове. Пожалуйста.

Вдалеке она увидела синеватый цвет. Всё ближе и ближе к воде. Венди надеялась, что тропа свернёт в самый последний момент. Пусть придётся бежать вдоль берега, пусть даже через море, лишь бы не поворачивать назад. Только нога отрывалась от земли, и дорога за ней сгорала. Болото было всё влажнее и влажнее. Чужие места, в которых она никогда не была. А море, пусть она его и в глаза никогда не видела, было ближе, чем вечно повторяющаяся чернота под ногами. Неживая и будто из пластмассы. Как почва, в которую влили бесчисленное количество бальзама.

Страх взял верх, и она обернулась. Первой неслась Нерра. Та была проворной даже в таком состоянии, чтоб её. Остановись на пять секунд, и она бы догнала. Лёгкие резало — никогда не доводилось бежать так быстро и много. Венди смотрела исключительно под ноги, чтобы не споткнуться. Она поплывёт вперёд. Тропа точно не свернёт — уже некуда. Побегу она вдоль берега, так точно догонят. Напролом. Может, они не сунутся в воду. Может, там нет этих чёрных жал и совершенно другой мир.

Сзади не слышалось приказа остановиться. Ни крика, ни ругательств. Нерра знала, что её выносливость не подкачает. И тогда Венди сжала зубы и разогналась, чтобы вбежать в воду. Посмотрела вперёд. Синева. И снегопад.

На фоне него даже цвет моря казался поддельным, а не первозданным. Не металл, а белёсый восторг, что мчался с огромной скоростью. Быстрее, чем Нерра и сама Венди вместе взятые. Металл рвал воду под собой, словно был такой же полноценной стихией, как и она.

Бегущая остановилась у самого берега. Алефарз был совершенно не тем, что раньше, это было заметно даже по цвету. Не игривый металл, что весело пляшет меж пальцев, не серебристый, что хочет просто защитить, а белый слой. И человек, которому он подвластен, — не просто ещё один игрок. Это была конечная точка, после которой тропа, ведущая с самого города, окончательно растворилась. Само совершенство перед глазами и целая бездна за спиной.

Моника спрыгнула на землю и из-за высокой скорости едва удержала равновесие. Металл превратился в узкий полукруглый

барьер, высотой в полтора раза выше них. Такой не пробить, хоть из пушек стреляй.

— Ты вернулась, — Венди упала на колени. — Ты правда за мной вернулась.

— Я слышала каждое твоё слово. Каждое, но не знала, как ответить. И видела тропу. Она повела меня через море. Сюда.

Насквозь промокшая, Моника молча обняла её. Нельзя было тратить драгоценные секунды, но ещё хуже было бы ими пренебречь. В объятии передалось так много, что им не понадобились слова, чтобы это выразить. За несколько мгновений, что у них было, обе ощутили целый град тепла.

— Найди нашу дорогу, Венди. Ту, по которой мы сможем идти с чистым сердцем. Без страха. Без черноты. Вместе. Сейчас от этого зависит всё.

— Я справлюсь. Обещаю, справлюсь, только нужно время. Но они не дадут, — проводница посмотрела сквозь металлический лист.

— Сколько тебе понадобится. Ищи и не оборачивайся. Не бойся. Не спеши. Не реагируй, если тебе будут что-то кричать. Не верь, если скажут, что меня больше нет. Я никуда не пропаду, обещаю тебе.

Два человека-стихии посмотрели друг на друга: волнение аж до головокружения, но ни тени сомнений. Из тела Моника начал выделяться пар, будто та постепенно начинала испаряться. Её подруга знала, что этот металл ни за что не растает. Она повернулась в сторону моря, но всё ещё ощущала широкое полотно позади.

Панцирь немного изменил форму, и из него наружу вышел человек. Теперь обе стояли друг к другу спиной, но со сверкающим белым барьером между ними. Каждой предстояло стать вулканом, который смог бы оторваться от земли.

Глава

Металлический

Металл начал свою войну. Напротив него застыли два комка грязи и чёрная дыра. Никто не боялся. В руках девушки остался белый шарик — крупца той стены, что позади неё.

— Назовись, — попросил Дарко.

Никто не ответил. Потому темнота не могла зацепиться ни за одно слово. Говорить было просто нечего, и это стало огромным преимуществом.

— Только имя, ничего больше.

Без толку. Моника только крутила шарик и ждала. Знала, что кто-то сорвётся первым, и это точно будет не она. Сосредоточила внимание на Дарко — тот казался единственным, кто мог сделать что-то слишком непредсказуемое. Почему-то даже не пришлось гадать, кто из них лидер. Этого человека Моника рассматривала как абсолютно равного соперника.

Нерра обгладывала её взглядом. Она была готова впиться остатками своих зубов, чтобы каждый осколок вошёл под кожу. Девушка занесла руку под плащ, достала битую и хорошенько выругалась, как она любит. Когда дело касается бойни, она всегда на взводе. Её разум начинает кровоточить вне зависимости от команды. Иногда даже слова Дарко воспринимались не сразу. Инстинктивное желание взять своё, которое Хтонику привыкла спускать с цепи. Нерра умела двигаться быстро, и раскрошенные зубы не отняли этот талант.

Девушка рванула по дуге. Шарик в руках Моника стал совершенным оружием. Он полетел со скоростью, раньше неведомой для алефарза. Маленький дротик, которому хозяйка указала направление, дала скоростью и равновесие. Он вошёл в грудную клетку тонкой иглой и там же стал трубой огромного диаметра, что вышла из спины. Будто дисперсия света, будто колосок, что на выходе превратился в ствол дерева. Человек проиграл алефарзу, и против него осталось стоять двое.

22

Колокольчик

Венди смотрела на океан и знала, что без металла она бы не справилась. Ветер был прохладным, одежда развевалась в стороны, а тело слегка пощипывало. Отдышаться всё не удавалось.

Проводница полностью понимала, насколько ей доверяет человек позади. От этого захватывало дух. Она вдохнула, закрыла глаза и раскинула руки. Это был вопрос одного момента. Когда аромат начнёт бурлить, только тогда всё получится. Не пугал ни холод, ни то, что под пальцами оживала дрожь. В каждой клеточке появлялось что-то своё. Это нужно было впустить. Её тело насквозь пробрал ветер.

Ощущение уязвимости не стояло на равных с трепетом, что переворачивал всё внутри. Она была уверена — что бы ни случилось, опасность позади не доберётся до неё. И поэтому она найдёт дорогу. Найдёт, чего бы это ни стоило.

В руках Моники оказался ещё один шарик, а стена позади стала чуть тоньше. Бриккт и Дарко не глумили, поэтому вперёд ринулись жала, что резко вынырнули из-под размокшей почвы и луж. Они стали длиннее, чем обычно, и куда, куда осознаннее. У них тоже был лидер, дающий скорость и направление. Колосья выныривали, а каждая их колючка хотела смерти. Вымоченные в яде, они готовы были жалить градом ударов.

Металлический диск кружил вокруг тела так быстро, что за ним бы успел только солнечный зайчик. Его зубцы ломали иголки и резали колосья под корень. Пару раз диск влетал так глубоко в землю, как мог. Лишь бы достать до слабого места, лишь бы разрезать темноту пополам. Моника не знала, была ли у этих существ сердцевина или корни, но если да, то такие удары не оставляли шансов. Грязь летела во все стороны, но, несмотря на неё и пар, исходящий из тела, внимание играло на руку. Предельно чистое, будто в обычном состоянии такого и не добиться вовсе.

Бриккт и Дарко рванули на неё одновременно, один по левой дуге, второй по правой. Моника чувствовала алефарз, а тот будто на время обрёл свою волю. Он хотел накрыть волной, и она не мешала, лишь бы поспеть за ним. Пила оказалась в руках и сменила форму: стала мягче, податливее и куда меньше. Алефарз сам стал иглой, сквозь ушко которой была продета длинная белая нить.

Она бы ни за что не справилась с темнотой. Даже предчувствие подсказывало, что этого мало. На Дарко рванула вся стена, что отгораживала их от Венди. Каждая живая крупца металла налетела с кошмарной силой, но не для того, чтобы убить. Достаточно было сдержать мрак. Человек пропал в белом месиве как в цементе, но оно не могло его раздавить. Было в ней и что-то ещё, помимо человека.

Совершенно иное произошло с Брикктом. Он занёс нож и даже разглядел силуэт через пар. Но это было столкновение не головореза и человека. Моника не смогла бы одолеть здоровяка, но против него сражалась не она.

Под кожу и обратно — игла проделала это не один раз. Скорость была такая, будто дятел стучал по дереву, а каждый его удар — движение иглы. Иногда насквозь, иногда нет, но туловище Бриккта будто штопалось на глазах. Несколько секунд, и он упал — не мог шевельнуть конечностями, только головой. Раны не убили его, но тот начал громко орать. Металл был здесь не для пыток, поэтому Моника дёрнула за иголку и окончание нитки. Алефарз сделал своё дело, и Бриккт навсегда замолчал.

Венди открыла глаза, и, не будь этого куража, не расцвети в ней что-то бессмертное, она бы точно упала от удивления. Сейчас из кончиков её пальцев вырывалось бесчисленное количество тонких линий, ведущих в разные направления. Их было много, даже больше, чем волос на голове. Они были разных цветов и оттенков, даже разной толщины. Какие-то вились очень сильно, какие-то вели прямо, другие пропадали под водой. Перед ней открылись тропы в любую сторону света, и даже вверх, будто ведущие на небо. Некоторые же обвивались вокруг неё самой и наряжали в платье, вышитое из всевозможных альтернатив и вариантов. Они не имели веса, не впивались в кожу, и каждая, даже самая непривлекательная нить, была легче ваты.

Некоторые из них оказывались бледными. Они выглядели хрупкими и ничем не притягивали глаз. Другие, казалось, аж пульсируют, так много в них жизни. Третьи же выглядели очень эластичными, хоть в узел завязывай. Были и переливающиеся, и колючие, как тернии, и десятки, десятки других видов. Из её рук вело столько дорог, что это казалось самым величественным и красивым, что она когда-либо видела.

Защитная стена вернулась на место, но стала куда тоньше — Моника забрала не меньше половины. В Дарко метнулся шарик, попал по шее и увяз в коже. Бледной и странной, к которой прикоснуться было откровенно страшно. Ещё один шарик постигла та же участь. Из тела парня будто торчали невидимые руки, которые свели бы на нет даже выстрел в упор.

Ещё три металлических куска начали подниматься вверх. Не быстро, а качаясь из стороны в сторону, будто мыльные пузыри, плавно устремляющиеся в небо.

Хтоника вытерла чёрную струю, потёкшую изо рта. Сейчас в Дарко кровоточила та стихия, что была с ним всю жизнь. Не биологическая, а первородная мать, которая вела его с самого рождения. Она брала верх, и теперь именно от неё зависело каждое движение. У врага напротив было всё совершенно наоборот. Человек вёл алефарз за собой, и никак иначе. Металл так и оставался оружием. Не переходя рамки, не поглощая свою хозяйку. И эта разница между тем, кто становился ведущим, а кто ведомым, была принципиальной. Она напрямую влияла на исход столкновения.

Дарко ринулся к девушке, а та начала отступать назад. Аккуратно и, что самое главное, не по земле. Ноги касались металлических ступеней, которые напоминали плоские шляпки грибов. Они зависли прямо над болотом, и каждая была чуть выше предыдущей. Одна такая покрылась зубцами и на скорости полетела в Дарко. Мимо — влетела в землю, но не попала в цель. Другая стелилась под ногами дорогой, точно как во время шествия, но в разы быстрее. Моника не боялась, что самый близкий друг подведёт. Когда она неслась сюда через море, он ни на секунду не показался нестабильным. И сейчас, когда падение на землю точно не оставило бы ей шанса, друг не подводил.

Хтоника ступала на металлические шляпки, и кусочек чего-то родного отмирал. В мыслях была каждая клетка алефарза, каждый неудачно пущенный шарик, и барьер, что защищал Венди. Даже дорога в воздухе, которую мешал развидеть пар, имела чёткую форму в голове. Но Дарко ступал на платформы, и они друг за другом пропадали. Ржавели, трескались и просто падали вниз, превращаясь в мусор.

Она снова закрыла глаза, и перед темнотой начали проноситься разные места, разные города, лица людей, всевозможные эмоции и совсем неразборчивые образы. Огромная скорость и полная уверенность, что ни одна мелькнувшая картинка больше не появится снова. Многие люди были будто знакомы, хотелось зацепиться за образ и вспомнить, где же этот человек мог встретиться раньше. Но тогда пропускали десятки, если не сотни других.

Холод будто решил бросить вызов. Даже глухие звуки позади не мешали ей, а этому подлецу удалось протиснуться через мириады ниточек. Руки окоченели, но ни за что, ни в коем случае у него не получилось бы сделать так, чтобы Венди поспешила с выбором. На её стороне были две полноценные стихии, и не ему с ними тягаться. Он ведь только холод, но будь он даже самой смертью, в эти секунды он бы отступил. Совершенно точно.

Некоторые тропы были страшными. Не хотелось даже знать, что находится по ту сторону. Другие казались ненадёжными. Только пойдя по этому зигзагу, и мало того, что запутаешься, так ещё и назад вернуться не сможешь. Ещё одни обрывались чуть дальше середины — Венди была в этом уверена, хоть и не проверяла каждую из таких дорожек. Просто было в них что-то общее: то ли совсем лишнее, то ли наоборот, не хватало чего-то важного.

Как же страшно было ошибиться. Найти не ту ниточку, что приведёт к пропасти их обеих. И пусть даже Моника ничего не скажет, пусть улыбнётся и утешит, это будет вина, которую нельзя исправить. Сейчас нельзя было ошибиться.

Моника прыгнула. Последняя опора под ногами покрылась зубцами и влетела прямо в Дарко. Ничего. Она вошла совсем не глубоко, будто в трясине застряла, и тут же заржавела. Моника летела спиной вниз и боялась не того, кто перед ней, а шипов, что могли поджидать. Лишь бы не упасть на эти иглы.

Клякса бросилась на неё сверху и врезалась в остатки уцелевшего металла. Он старался взять не толщиной, а прочностью, но всё равно плавился, как парафиновая свечка в печи. Чёрные капли растекались, как дождь по шляпке зонтика. Не так быстро, зато ущерб металлу был непоправимым. Кляксе просто не хватило времени. Оба упали в большую лужу. Без шипов, только грязная мутная вода.

Приземление оказалось сносным, лишь колющая острая волна боли прошла через пятки по всему телу. Стена, что охраняла Венди, стала ещё тоньше — нельзя было оставаться без оружия.

На Моника ринулся шип, затем ещё и ещё, но ни один не долетел. Оба поняли, что мелкие трюки попросту не работают. Шарик, жала и другие дешёвые приёмы были лишними в этой битве. Нужно было столкнуть две сущности, только и всего.

Алефарз сначала расстелился ровной стеной перед хозяйкой, чтобы принять удар. Чёрное месиво влетело в него с огромной скоростью и давило, давило, давило. Металл начал принимать сферическую форму и огибать мрак, чтобы запереть в себе. Медленно. К сожалению, намного медленнее, чем хотелось бы. Моника держала руки перед собой и дальше белого цвета ничего не видела. Но из-за давления металлический зонт начал менять форму и загибаться в её сторону. Совершенно не по плану.

Она даже не прикасалась к нему, но было чувство, что на руках вся Гавань. Мазут поглощал алефарз, и он ржавел на глазах. С самого центра болезнь расползлась по сторонам. Чистый цвет начал течь.

Тогда Моника отскочила в сторону. Чёрная волна унесла заболевший металл дальше. В руке остался только уцелевший кусочек, что моментально принял нужную форму и разрезал воздух. Диск отсек Дарко ноги. Все снаряды, что висели в воздухе с самого начала, как сумасшедшие полетели вниз — попасть удалось лишь одному. Застрявший в чёрном месиве человек начал рычать и тяжело дышать сквозь зубы. Пока он терпел боль, Моника не медлила — выставила ладони перед собой и забрала все остатки барьера. Теперь Венди ничего не защищало.

Металл разделился и пробил искалеченное тело более десятка раз. Из ран и рта хлынул чёрный цвет, будто плотину прорвало. Дарко даже не мог вдохнуть. Мерзость стекала в одну лужу, приобретая форму. Не человека или животного, а чего-то бесформенного и дикого. Будто все опухоли разом сбежали из безнадёжного тела, чтобы создать собственное.

В некоторых образах Венди видела себя божественным существом. Были и такие, где она была просто частью дикой природы, а не человеком. Например, гранитом. Практически неуязвимым и долговечным, но одиноким и безэмоциональным. Хотелось найти совершенно другое. Чтобы морозило пальцы, чтобы досаждала метелица, но потом согревали тёплые дни. Чтобы до неё не было дела чужим, но важные люди всегда её ждали. И даже если в неё кинут камень, пусть будут те, кто словит его на лету. Венди была уверена, что ни она дорога не ведёт к жизни, где люди перестали бросаться камнями друг в друга. Но тогда пусть будут и те, кто не боится камней.

Были и раскалённые властные тропы, но им Венди предпочла те, где есть свежая почва. Она отбросила красоту шпилей, которые протыкают небо, и выбирала среди дорог с чистым воздухом. Не нужны были картины, где в карман сыплются триптихи. Вместо этого она думала о куклах, которые появляются у неё в руках, и людях, кто этим куклам рад. Чьё-то суровое лицо растаяло, и появились крыши. Ей нравились крыши, хоть на них почва и становилась далеко-далеко. Пусть дороги приведут её не к огню, подверженному хаосу, а ко льду с плюсовой температурой. Она всецело цеплялась за зелёный и отбрасывала все другие. Так со временем исчезала суматоха, властолюбие и престиж. Таяли и города, где почти нет деревьев. Таяли места, где люди не любили держаться за руки. И самое главное — пропадали нити, в конце которых стоял только один человек. Они имели прямое отношение к самой Венди, но по пути куда-то пропал металл. Каждую из этих дорог она хладнокровно обрывала. И среди нескольких сотен осталась та, которой получилось поверить так же, как человеку за спиной. Пожалуй, даже себе Венди так не доверяла, но вот эти двое — совсем не тот случай. Она аккуратно схватила её дрожащими пальцами и всем сердцем, всей своей человечностью поверила в этот шанс.

— Я нашла, — дрожащим голосом сказала девушка, но не поворачивалась. — Нашла нашу тропу!

Он был в паре шагов позади Венди. Полз к ней, впиваясь ногтями в почву, уже ему не подвластную. Чёрный цвет будто подталкивал его, чтобы он приблизился к человеку, которого искренне считал настоящим чудом.

— Я отыщу тебя, — бросил он в спину. — Никогда тебя не оставлю, Венди. Никогда. Пройду сквозь пустоту и отыщу тебя, чего бы это ни стоило.

Слова было слышно. Им требовалось немного времени, чтобы стать весомыми и пропитать сознание страхом. Чтобы обрести форму и вонзиться в самые уязвимые мишени внутри головы. Хватило бы нескольких секунд, чтобы начать разрушать. Но их не было. У темноты не осталось времени. Мёртвая временная петля.

Металлический шарик раздробил безногому ключицу, чтобы тот замолчал. Перед Дарко показался человек, от которого исходил пар, но уже едва-едва. Моника стала на колени между ним и Венди. Аккуратно приподняла его подбородок, и они сцепились взглядами. Застрявший в почве диск изменил форму и теперь стал последним живым кусочком «снегопада».

Перед Моникой лежало то, что переставало быть человеком даже внешне. Половина лица, кончики пальцев и верхняя часть торса — вот и всё, что осталось. Не человек и не сущность — Дарко и сам сейчас не знал, что он такое. Может, и некогда человек, забывший отца и мать, а может, ядовитая капля, которая впитается в почву и отравит ядро планеты.

— Найду её, — криво улыбнулся Дарко, смотря единственным глазом. — Никуда она не убежит. Никак не спрячешь. Ты ведь...

— Постоянство.

Металл коснулся его губ и стал завершающим слоем. Текучая жизнь лишила возможности говорить и начала расползаться по лицу, поедая человека. Лишала его ощущений, затекала в уши и забирала звуки. Затем запахи. Всё тело последовательно становилось неподвижным. Один большой кусок воспоминаний, прилипший к земле. Самым последним пропало зрение, и тьма застряла в металлической коробке.

Моника постепенно начала сжимать кулак, чтобы сдавить скульптуру. Раздался скрип, и что-то хотело вырваться изнутри статуи. Уже не человек, а остатки сущности. Тьма рвалась и не хотела оставаться взаперти. Прогрызала и изгибала металл, лишь бы найти щель, через которую можно вытечь. Алефарз не щадил своего пленника — нельзя было оставить и шанса. Пальцы левой руки, казалось, сломались, а пар совсем исчез. Тогда она сжала зубы, и в ход пошла вторая рука. Было ощущение, что ладонью нужно раздавить кусок камня. В один момент они оба выжали максимум и перешагнули допустимый порог. Послышался хруст и даже скрип. Металл мгновенно начал покрываться ржавчиной и расслаиваться. Совершенно изуродованный, но не побеждённый. То, что было внутри, не вырвалось и тоже погибло. Моника обратилась не к другу за спиной, не к побежденному врагу, а к самой себе.

— Я — это постоянство.

Венди словила себя на мысли, что только что прозвучала вся история, от начала и до конца. Это был смысл целой книги на несколько сотен страниц, который Моника уместила в три слова. Её детство, юность и настоящее. Её неугасаемая любовь к родителям и сестре. Отрицание отчаяния и нежелание тонуть там, где принято тонуть. Стихия, которая не гнётся ни от мазута, ни от падающих метеоритов.

Проводница села, и самый близкий человек положил ей голову на колени. У обеих силы были на нуле, а тепло на максимуме.

— Спасибо.

— Получилось? Венди... У тебя получилось?

— Да. Я и сейчас её вижу. Она... Не пропадёт. Я уверена.

— Куда? — дыхание было жутко прерывистым. — Куда она ведёт?

— К оплоту. А там — что-то очень важное. Ты даже не представляешь, насколько.

— Тогда мы пойдём... по нашей дороге.

— Да, — голос Венди дрожал от восторга. — Нас ждёт человек-стихия.

Не хватило дыхания продолжать, но нашлись силы на улыбку. Венди откинулась назад и легла на землю. Она достала металлический цветок и протянула руку вперёд, стебельком к небу.

Природа была в настроении. Вместо всех паршивых и сырых дней всплыл именно этот, когда Терсида не прячется за тучами. Вместо сотен подворотен и закоулков с их бездомными, Венди подумала о гостинице, что стала домом для шестнадцати людей. Напротив каждого бесчестного стоял ребёнок с игрушкой в руках. На сотню пустых бутылок приходилось одно дерево, которое вот-вот должно показаться из почвы. На тысячи, пусть даже десятки тысяч бессердечных всегда находился один Некий Мистер Бестелесность, который умел воспламенить эмоции. И пусть даже весь город покрыт асфальтом, клочок живой почвы ему никогда не проиграет.

Руки Венди были покрыты царапинами и порезами. Несколько капель собрались в струйку. Красная. Само воплощение жизни.

Как и колокольчик над ней. Он покрылся настоящим цветом — металла не осталось совсем. Солнце будто нагрело его, и листок за листком упали на лицо. Она глубоко вдохнула.

Оглавление

Глава 1. Город грустной романтики	3
Глава 2. На ужин — ВГЧ	20
Глава 3. Ты тоже станешь саранчой	36
Глава 4. Смотрите, первый саженец	51
Глава 5. Шистосомы. Это шистосомы	64
Глава 6. Биари всех победит!	73
Глава 7. Музыка 18+	87
Глава 8. Тлей, не стесняйся	107
Глава 9. Гасим костёр, срезаем крылья	116
Глава 10. Не называйте меня человеком	127
Глава 11. Когнитивная катастрофа, увы	138
Глава 12. Я хочу пахнуть цветами	147
Глава 13. Верните моё сердце на место, спасибо	158
Глава 14. Подающие надежду	172
Глава 15. Мы умеем в унисон	186
Глава 16. Цветочный марш	198
Глава 17. Сыграем свадьбу, Апофис?	211
Глава 18. Тлеть или расцвести?	223
Глава 19. Я очень скучаю по тебе	235
Глава 20. Ветер в голове и земля под ногами	243
Глава 21. Веди меня, моя доминанта	256
Глава 22. Металлический колокольчик	263